

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Лю Хаотун

**ВЫРАЖЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Колесова Дарья Владимировна

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	13
1.1. Понятие категории модальности в современном русском языке	13
1.2. Типология субъективно-модальных значений и эпистемическая модальность	30
1.3. Понятие дискурса и история его изучения	39
1.3.1. Определение дискурса и его корреляция с текстом.....	39
1.3.2. Понятие медиадискурса и его место в общей системе дискурса	47
1.3.3. Выражение эпистемической модальности как дискурсивный маркер в медиадискурсе	56
1.4. Эпистемическая модальность как способ реализации коммуникативной стратегии в современном русском медиадискурсе	61
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ	67
ГЛАВА 2. СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	70
2.1. Статья, интервью, подкаст и видеоблог как материал для анализа функционирования средств выражения эпистемической модальности	70
2.2. Типовые языковые средства выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе	72
2.2.1. Лексические средства выражения эпистемической модальности.....	74
2.2.2. Грамматические средства выражения эпистемической модальности .	81
2.3. Взаимодействие категорий субъективной модальности при формировании современного русского медиадискурса и авторские средства их выражения	91
2.4. Особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе	101
2.4.1. Особенности употребления средств выражения эпистемической	

модальности в газете «Коммерсантъ»	102
2.4.2. Особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в подкасте «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблоге «А поговорить?»	110
2.5. Основная и вспомогательная функция выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе	120
2.6. Средства выражения эпистемической модальности как способ реализации коммуникативной стратегии в современном медиадискурсе.....	124
2.7. Средства выражения эпистемической модальности в современном китайском медиадискурсе	128
2.7.1. Некоторые особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в газете 《环球时报 ‘Глобал таймс’》	142
2.7.2. Некоторые особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в видеопрограмме 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》	147
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению особенностей функционирования разноуровневых языковых средств выражения эпистемической модальности в современном русскоязычном медиадискурсе.

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий в современном обществе создаётся глобальная сеть медиа коммуникации, которая является важной частью жизни современного человека, с ее помощью формируется и развивается новое информационное пространство, появляются новые каналы передачи информации, ориентирующиеся на различные аудитории. В связи с этим в сфере СМИ происходят значительные изменения, язык СМИ приобретает новые характеристики и представляет собой сегодня одну из разновидностей современного литературного языка во многих странах мира.

При формировании современного медиадискурса выражение категории субъективной модальности является главным модальным компонентом высказывания, который, с одной стороны, способствует выражению позиции коммуниканта в его речемыслительной деятельности, с другой стороны, представляет собой дискурсивный маркер, структурирующий создаваемое медиаобщение. Среди различных видов категории субъективной модальности центральное место занимает категория эпистемической модальности, выражение которой представляет собой особую ментальную операцию, позволяющую коммуниканту понять окружающую действительность, и отражает «устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности/недостоверности» [Беляева 1985: 126].

Несмотря на значительный интерес в научной сфере к изучению категории эпистемической модальности, до сих пор не было обобщающих работ, которые рассматривали бы способы выражения эпистемической модальности в различных типах медиадискурса, хотя именно он в настоящее время приобретает всё большее и большее значение в обществе и является одним из основных способов передачи информации. Кроме того, сопоставительный подход к изучению данного феномена

позволяет выявить функциональные особенности средств его выражения в различных формах медиаобщения, а также рассмотреть пересечения устной и письменной формы речи в выбранных источниках.

Особенности системы семантических значений субъективной модальности, в частности эпистемической модальности, могут вызывать трудности при изучении и употреблении их в речи не носителями русского языка как родного. Отсутствие знаний субъективно-модальных значений может приводить к неверному взаимопониманию в межкультурной коммуникации, т. е. коммуникативной неудаче.

Всё вышесказанное свидетельствует об **актуальности** представленной работы.

Объект работы – вербализованные средства выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе.

Предмет данной работы – функциональные особенности средств выражения эпистемической модальности в различных типах современного русского медиадискурса.

Научная новизна исследования состоит в том, что в представленной работе впервые уделяется внимание описанию системы средств выражения эпистемической модальности на материале различных типов современного русского медиадискурса. Кроме того, выясняются функциональные особенности употребления описанных средств выражения изучаемой категории в выбранных формах СМИ. Также рассматривается роль выражения эпистемической модальности при формировании современного русскоязычного медиадискурса.

Гипотеза работы заключается в том, что на материале современного медиадискурса средства выражения эпистемической модальности можно представить в рамках ядерно-периферийной схемы; в различных формах медиадискурса можно выделить специфические функциональные особенности употребления языковых средств выражения изучаемой категории; выбранные источники информации для анализа представляют гибридные жанры в

современном медиа и показывают пересечение устной и письменной формы речи.

Цель работы заключается в том, чтобы описать систему языковых средств выражения эпистемической модальности на материале современного русского медиадискурса и выяснить, каковы функциональные особенности и функции средств выражения эпистемической модальности при формировании различных типов медиадискурса в современном русском языке.

Цель определяет **задачи** данной работы:

- 1) Рассмотреть основные понятия категории эпистемической модальности и её корреляцию с категорией субъективной модальности в современной русской лингвистике;
- 2) Уточнить взаимосвязь дискурса и текста в сфере изучения СМИ;
- 3) Определить медиадискурс как вид коммуникации в современном русском языке и выделить основные признаки медиадискурса;
- 4) Описать основные и авторские языковые средства выражения эпистемической модальности и субъективной модальности на материале выбранных источников;
- 5) Составить классификацию описанных средств выражения эпистемической модальности;
- 6) Рассмотреть специфику средств выражения эпистемической модальности в русскоязычном медиадискурсе;
- 7) Сопоставить выявленные средства выражения из различных типов медиадискурса;
- 8) Выявить функциональные особенности употребления описанных средств в каждом типе медиадискурса.

Методы и приёмы работы:

- 1) Описательный метод;
- 2) Приём наблюдения;
- 3) Метод структурного и семантического анализа, включающий обобщение полученных результатов;

- 4) Сопоставительный метод, основанный на приёме сопоставительной интерпретации средств выражения эпистемической модальности в разных формах речи;
- 5) Метод стилистического анализа;
- 6) Прагмалингвистический анализ.

Теоретико-методологическую базу исследования составили:

– работы русских и зарубежных учёных в области функционально-семантической грамматики русского языка: Т. Б. Алисова 1971, В. В. Виноградов 1975, Н. Ю. Шведова 1980, Е. И. Беляева 1985, Л. А. Бирюлин 1990, Е. Е. Кордин 1990, Данг Тих Шам 2005, И. Г. Никольская 2009, Е. В. Падучева 2010, Е. Н. Орехова 2013;

– работы в области дискурсологии: З. Харрис 1952, Т. А. ван Дейк 1989, В. Г. Борботько 1998, В. В. Богданов 1993, В. В. Красных 2003, Г. Я. Солганик 2005, И. Т. Касавин 2008, М. В. Горубунова 2012, Л. В. Селезнёва 2014,

– исследования в области медиалингвистики: М. Р. Желтухина 2004, Г. Я. Солганик 2005, Я. Н. Засурский 2005, Е. А. Кожемякин 2010, М. Ю. Казак 2012, О. В. Ширяева 2014, Е. А. Уварова 2015, Т. Г. Добросклонская 2020;

– труды по коммуникативной стратегии и тактике: Т. А. ван Дейк 1978, В. И. Карасик 1999, В. Б. Кашкин 2000, А. П. Сковородников 2004, О. С. Иссерс 2008.

Материалом для анализа послужили расшифрованные нами фрагменты текстов из следующих источников: газета «Коммерсантъ», подкаст «Розенталь и Гильденстерн»¹ и видеоблог «А поговорить?»²; для выявления специфики русских средств выражения эпистемической модальности рассмотрены фрагменты медиадискурса на китайском языке – газета «环球时报 ‘Глобал таймс’» (*Huánqiu*

---

¹ «Розенталь и Гильденстерн» – научно-популярный подкаст о русском языке и лингвистике.

² «А поговорить?» – видеоблог на платформе «YouTube», в котором представлено авторское, профессиональное, глубокое интервью с экспертами из различных сфер, его ведущий – Ирина Шахман, 8 ноября 2022 года Минюст России внёс её в список физических лиц — «иностранных агентов».

shíbào) и видеопрограмма 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》 (*Yuánzhuō pài*).

Из газеты «Коммерсантъ» было проанализировано 80 статей, отобрано 230 случаев употребления средств выражения субъективной модальности, среди них 153 случая употребления средств выражений эпистемической модальности; из подкаста «Розенталь и Гильденстерн» было привлечено 7 выпусков, проанализирован 281 случай употребления средств выражения категории субъективной модальности, среди них 175 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности; из видеоблога «А поговорить?» привлечено к анализу 6 выпусков, обнаружены 270 случаев употребления средств выражения категории субъективной модальности, из них 148 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности; из газеты 《环球时报 ‘Глобал таймс’》 (*Huánqiú shíbào*) привлечено к анализу 50 статей, проанализированы 123 случаев употребления средств выражения категории субъективной модальности, среди них 90 средств выражения эпистемической модальности; из видеопрограммы 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》 (*Yuánzhuō pài*) был привлечён 5-й сезон (12 серий), проанализирован 151 случай употребления средств выражения категории субъективной модальности, среди них 108 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности.

Теоретическая значимость заключается в том, что в данном исследовании рассматривается одна из антропоцентрических категорий – субъективная модальность, которая является важнейшей частью высказывания, передающая информацию об отношении говорящего к высказанному. Данная категория рассматривается на материале медиадискурса, в работе обобщаются итоги изучения данного вида коммуникации современной лингвистикой.

Практическая значимость заключается в том, что результаты работы можно использовать в практике преподавания русского языка как иностранного на курсах и семинарах по лексикологии, синтаксису и дискурсивному анализу, практическому русскому языку при изучении способов выражения субъективной модальности.

Апробация результатов работы: теоретические положения и результаты

исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания» и излагались в виде докладов на следующих научных и практических международных конференциях:

1) XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой, 20 ноября 2020 г. (Санкт-Петербургский государственный университет);

2) Международная конференция “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”, 9 мая 2022 г. (Пекин);

3) 51-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой, 17 марта 2023 г. (Санкт-Петербургский государственный университет).

Основные положения и результаты работы отражены в 5 публикациях, из них 3 опубликовано в научных индексируемых журналах из перечня, рекомендованного ВАК РФ:

1) Авторские средства выражения субъективной модальности в современном информационно - аналитическом медиадискурсе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2022, Т. 8 (74). № 4. – С. 66-72;

2) Эпистемическая модальность как способ реализации коммуникативной стратегии в современном медиадискурсе // Вестник Марийского государственного университета. – 2023, Т. 17, № 1. – С. 81-88;

3) Языковые средства выражения эпистемической модальности в современном русском и китайском медиадискурсе // Russian Linguistic Bulletin. – 2023, № 5 (41). – С. 1-6;

Другие публикации:

4) Модальность сомнения и способы её интерпретации в практике преподавания РКИ // Русский язык как иностранный и методика его преподавания: сб. научн. тр. Вып. 31. – 2020. – С. 69-74;

5) Языковые средства выражения семантики сомнения в русском и китайском

языках // International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”: сб. научн. тр. – 2022. – С. 107-111.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Медиадискурс является виртуальной гиперкоммуникацией, формирующейся и распространяющейся при использовании современных информационных технологий. Структура данной коммуникации представляется в единстве процесса и результата вербализованной речемыслительной деятельности, обладающей как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. При формировании тех или иных форм медиадискурса на русском языке выражение эпистемической модальности является главным модусным компонентом высказывания, который, с одной стороны, способствует выражению позиции говорящего (оценка достоверности/недостоверности), с другой стороны, структурирует коммуникацию в целом;

2) Выражение эпистемической модальности имеет осложнённую структуру, его сопровождают выражение других видов субъективной модальности, в частности категории оценки и эмотивности. При создании высказывания средства выражения эпистемической модальности и оценки могут быть в подчинённом и параллельном соотношении. Категория эмотивности также является важным компонентом высказывания при медиообщении и вместе с другими категориями способствует достижению максимального коммуникативного эффекта;

3) В современном русскоязычном медиадискурсе при вербализации изучаемой категории употребляются разноуровневые средства: на лексическом уровне – вводное слово, модальная частица, ЛСГ разных частей речи с соответствующей семантикой; на грамматическом уровне – сослагательное наклонение, словосочетание, фразеологизированная единица, фразеологическая единица и различные синтаксические конструкции, в том числе риторическая вопросительная конструкция, сложносочинённое и сложноподчинённое предложение. Также используются собственно авторские средства: оценочная лексическая единица, проявляющая индивидуальную коннотацию в контексте; нейтральная лексическая единица в функции оценочной лексики; индивидуально-

авторское выражение;

4) Главной функцией выражения эпистемической модальности является интерпретации авторского отношения к окружающей среде по модальной шкале достоверности/недостоверности. Выражение эпистемической модальности при передаче авторской позиции также выполняет ряд вспомогательных функций в зависимости от особенностей конкретного медиаобщения. Можно выделить следующие вспомогательные функции: оценочная, эмотивная, воздействующая, контактоподдерживающая и функция демонстрации источника высказывания;

5) Выражение изучаемой категории в медиадискурсе может служить способом реализации как общей (стратегия информирования и стратегия воздействия), так и частных коммуникативных стратегий в зависимости от определённого контекста и глобальности цели общения. Поэтапное воплощение намерения коммуниканта реализуют следующие частные стратегии: стратегии предположения и утверждения для реализации информирования, стратегии дискредитации и убеждения для осуществления воздействия;

6) Специфические характеристики средств выражения эпистемической модальности могут быть выяснены и описаны при помощи соотнесения данных единиц русского языка с единицами других языков, в частности, китайского языка. Для обоих языков лексические единицы являются основными и преобладающими средствами, однако частеречная принадлежность используемых лексических единиц различаются. Наиболее специфической чертой русского языка в исследуемой области является использование различных синтаксических конструкций;

7) Основные особенности употребления средств выражения эпистемической модальности могут быть раскрыты и описаны способом сопоставления, сравнения и соотнесения отобранных единиц из различных медиажанров. Газетная статья, газетное интервью, подкаст, видеоблог представляют собой современные гибридные жанры и реализуются в устно-разговорной и книжно-разговорной форме речи, их сопоставление выявляет

общность и различия между языковыми средствами выражения изучаемой категории для формирования той или иной форм медиаобщения.

Объём и структура работы: данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка использованных словарей и справочников.

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна работы, определяются её цель, задачи, методы и приёмы, описывается материал для анализа, характеризуется теоретическая и практическая значимость работы, и формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена рассмотрению основных научных понятий, на которые опирается анализ материала. В этой части рассматривается одно из понятий функционально-семантической грамматики – категория модальности, её разновидность – категория субъективной модальности, в частности категория эпистемической модальности в современной лингвистике, освещается проблема различного понимания категории модальности; приводятся определения терминов *текст* и *дискурс*, *медиа́текст* и *медиа́дискурс*.

Вторая глава посвящена дискурсивному анализу разноуровневых языковых средств выражения эпистемической модальности, отобранных из различных форм современного русскоязычного медиадискурса. Описываются основные языковые средства выражения данной категории; рассматриваются функциональные особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в выбранных медиа источниках.

В заключении формулируются выводы по результатам работы, намечена перспектива дальнейшей разработки темы данного исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

1.1. Понятие категории модальности в современном русском языке

В лингвистических работах середины XX – начала XXI веков многие исследователи реализуют антропоцентрический подход к изучению языка. Язык является самостоятельной сложной системой, функционирующей ради человека, однако он тесно связан с мышлением и сознанием, моральной и духовной жизнью, культурой и мировоззрением. В связи с этим при изучении любого живого языка нельзя не учитывать личность человека. В языке антропоцентрические категории функционируют как для передачи сведения об окружающей действительности, так и для отражения личного мнения индивида в его высказывании.

Одной из господствующих антропоцентрических категорий является *модальность*, с помощью которой говорящий выражает разные виды соотнесенности высказывания и своего отношения к сообщаемому. Несмотря на то, что в современной русистике существует традиционное рассмотрение категории *модальность* и огромное количество работ, посвящённых данной категории, однако А. В. Бондарко указывает, что понятие *модальность* до конца неопределенно [Бондарко 1990: 59]. Е. А. Зверева считает, что «Трудность определения категории модальности заключается в том, что именно вследствие сложности этого понятия ему трудно дать достаточно “емкое” определение, которое отражало бы по крайней мере основные из заключенных в нем значений» [Зверева 1983: 12].

Изучаемая категория является осложнённой многоаспектной категорией, привлекающей внимание многих исследователей различных сфер наук. Впервые *модальность* (от латинского языка *modus* – мера; способ, через позднелат. *modalis* – модальный) рассматривалась в философской сфере, данный термин был введён Аристотелем. В философском аспекте данная категория рассматривается как один из способов существования объектов, явлений и событий, также является одной из

мер осмысления существующих объектов, явлений и событий. Принято выделять модальность действительности, необходимости и возможности, т. е. ассерторические, аподиктические и проблематические суждения [Философский энциклопедический словарь, с. 243].

Для лингвистов более важно определить статус и место данной категории в общей языковой системе, а также языковые способы и средства её интерпретации на всех уровнях языка.

На материале современного русского языка понятие *модальность* традиционно изучается в функционально-семантическом аспекте и в той или иной степени рассматривается в исследованиях таких учёных, как В. В. Виноградов, Т. Б. Алисова, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, Н. С. Валгина, О. С. Ахманова, В. З. Панфилов, Е. В. Падучева, А. В. Зеленщиков, Т. Т. Краснова, Г. В. Колшанский, В. Н. Бондаренко, Г. Я. Солганик, И. Р. Гальперин, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.

В. В. Виноградов в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» демонстрирует широкий подход к изучению модальности, он определяет данную категорию как семантическую, выражающую отношение содержания высказывания к окружающей действительности с позиции говорящего. При определении понятия *модальность* исследователь всесторонне рассматривает характеристику, объём и содержание данной категории. По его мнению, данная категория обладает «смешанным лексико-грамматическим характером» и выражает следующие значения:

1) Значения, выраженные синтаксическими и аналитическими формами наклонений глагола;

2) Значения, выражающиеся интонацией в «односоставных бесказуемо-подлежащих предложениях» (данный термин был предложен А. А. Шахматовым), т. е., в восклицательных, описательных конструкциях, отражающих пожелание, приказание и вопрос;

3) Значения, отражаемые словосочетаниями, которые состоят из формы

глагола с лексическим значением близким к модальному или формы инфинитива от другого глагола;

4) Значения, проявляющиеся при помощи сочетаний инфинитива с отыменными словами, в том числе, «эмоциональная характеристика действия, эмоциональное отношение к действию или субъекту и эмоционально-волевая квалификация действия»;

5) Значения, выражающиеся модальными словами или частицами [Виноградов 1975: 53-87].

Определение В. В. Виноградова в современной русистике имеет широкое распространение, вслед за ним другие учёные, например, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, подчёркивают, что существуют реальность и ирреальность в том или ином отношении говорящего к действительности. Исходя из этого Г. А. Золотова рассматривает *модальность* как «противопоставленность реального/ирреального отношения высказывания к действительности» [Золотова 1962: 65-80]. Учитывая реальное и ирреальное отношение высказывания к окружающей действительности, А. В. Бондарко характеризует данную категорию как «комплекс актуализованных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности» [Бондарко 1990: 59].

Во многих работах можно встретить узкий подход к изучению данной категории. С этой точки зрения лингвисты берут модель анализа из сферы философии. Некоторые лингвисты, такие как Г. В. Колшанский, В. З. Панфилов, В. Н. Бондаренко, отождествляют изъявительное наклонение с модальностью действительности, повелительное наклонение – модальностью необходимости, и сослагательное наклонение – модальностью возможности. Однако, на наш взгляд, данное понимание не является правомерным, поскольку в нём учитывается лишь одно средство передачи различных модальных значений – наклонение глагола.

М. Грелл также рассматривает *модальность* с точки зрения узкого подхода. Исследователь выделяет три аспекта модальности: *общая модальность*,

волюнтативная модальность и *модальность истинности*. Общая модальность понимается как главная составляющая любого высказывания, при помощи которой в высказывании говорящий придаёт грамматической формуле предложения статус сообщения, вопроса, приказа или пожелания. Волюнтативная модальность, по его мнению, представляет собой отношение производителя действия к его реализации, например, необходимость, возможность, намерение и др. Что касается модальности истинности, то она указывает различные степени убеждённости говорящего в реальной значимости содержания его высказывания [Грепл 1973: 277-301].

Г. А. Золотова при общем следовании узкому подходу разделяет три типа отношений модальности: *отношение высказывания к действительности; отношение говорящего к содержанию; отношение между субъектом-носителем языка и предикативным признаком*. Она также дифференцирует внутрисинтаксическое модальное отношение – отношение между субъектом и действием) и внешнесинтаксическое модальное отношение – отношение содержания высказывания к действительности или отношение говорящего к содержанию высказывания. Она полагает, что внутрисинтаксическое модальное отношение проявляется главным образом лексическими способами (например, модальными словами: модальными глаголами, словами, выражающими категорию состояния), а внешнесинтаксическое модальное отношение – грамматическими средствами (например, наклонением) [Золотова 1962: 65–80].

Следующий подход к изучению данного феномена представляет собой коммуникативно-грамматический подход, в рамках которого Т. Б. Алисова изучает понятие *модальность*, исследуя понятие предикативности, и учитывая коммуникативную цель и формы оценки говорящим субъективно-предикативной связи диктума, рассматривает коммуникативную модальность и субъективно-оценочную модальность как категории, выражающие элементарные модальные смыслы [Алисова 1971: 55]. По её мнению, *коммуникативная модальность* выделяется по признаку активности (по Алисовой каузативности), т. е. по признаку

акта говорения, поскольку он предполагает в высказывании коммуникативную цель и показывают соотношение между говорящим и собеседником. И в зависимости от того, что формы коммуникативной модальности непосредственно выражаются глагольными наклонениями (индикатив, конъюнктив, кондиционал и императив), данный подтип категории модальности подразделяется на модальности сообщения, вопроса и побуждения; а *субъективно-оценочная модальность* выделяется по признаку неактивности, который сопровождает акт говорения (речевой акт) и отражает следующие наиболее простые формы субъективно-предикативного отношения к диктуму, деление которых основано на концепции в логике: известная, выражающая семантику достоверности, неизвестная, как предположительная, условно-гипотетическая, и желательная. Автор также описывает главные способы выражения модальности – синтаксическое наклонение и конструкция эксплицитной модальности. Под синтаксическим наклонением понимается особая синтаксическая единица – аналитическая форма, которая складывается из «взаимодействия морфологического наклонения, и других грамматизованных элементов структурной схемы предложения», к ним можно отнести модальные слова (*пусть, хоть бы*), модальные частицы (*бы, ли*), служебные модальные глаголы (*мочь, долженствовать*) и интонации, выполняющие грамматическую функцию. Вслед за Ш. Балли автор выделяет конструкцию эксплицитной модальности как важный способ передачи отношения к денотату, который рассматривается в рамках сложноподчиненного предложения с различными опорными модальными глаголами, поскольку опорный глагол может выступать в качестве отдельной глагольной лексемы, выражающей те или иные модальные значения и имеющей собственной управляющий субъект и дополнительную придаточную часть или инфинитивный оборот. [Алисова 1971: 54-59].

В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахманова представляет *модальность* как понятийную категорию «со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к

действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемую различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонации и т. д.» [Ахманова 1996: 237]. Такое понимание широко представлено в современных определениях модальности, например, Данг Тих Шам определяет данную категорию как «отнесенность содержания высказывания к действительности», т. е. при реализации категории модальности отражается как отношение субъекта к действию, так и отношение субъекта к достоверности содержания высказывания [Данг Тих Шам 2005: 134].

Обобщая результаты осмысления интересующей нас категории, Э. Н. Алиева отмечает, что *модальность* представляет собой постоянно функционирующий и конституирующий компонент высказывания; выражается на логико-грамматическом уровне высказывания; разделяется на объективную и субъективную, отражающие различные модальные значения в различных контекстах; и обслуживает, как и грамматическую, так и логическую сторону высказывания [Алиева 2010: 14-16].

Изучаемая категория также рассматривается как одна из важнейших текстовых категорий. По мнению И. Р. Гальперина, *текст* – это основная коммуникативная единица, отношение говорящего к окружающей действительности является характерным признаком всякого высказывания и выражаются различными средствами – от грамматического до стилистического уровня, при этом выражение категории модальности представляет собой фактор, присущий любому речевому действию, и понимается как «сущность коммуникативного процесса» [Гальперин 1981: 113]. Рассматривая различные типы текста, автор отмечает, что в них модальность проявляется неравномерно, привносит в высказывание функционально-семантический характер и присутствует в различных типах информации. Кроме разноуровневых языковых средств, текстовая модальность отражается также с помощью «характеристики героев, своеобразного распределения предиктивных и релятивных отрезков

высказывания, сентенций, умозаключения, актуализаций частей текста и др.», на её формирование воздействует также ряд экстралингвистических факторов. [Гальперин 1981: 115].

З. Я. Тураева указывает, что лингвистика текста сближается с когнитологией, поскольку категория модальности связана с важными аспектами бытия и преломлением его в сознании и языке. Данная категория одновременно формирует рациональное сознание и отражает оценочные и эмотивные оттенки смысла. По её мнению, данная категория должна рассматриваться как «всеобъемлющая» понятийная категория, отражающая целевую коммуникативную установку говорящего и различные оценочно-эмоциональные окраски [Тураева 1994: 109].

В рамках того же подхода Г. Я. Солганик рассматривает изучаемую категорию на языковом и речевом уровнях. По мнению исследователя, субъективная модальность, как и объективная модальность, является обязательным признаком не только предложения-высказывания и других языковых единиц, а также речи (текста). В связи с этим говорящий играет важнейшую роль при создании текста, поскольку «языковые (и неязыковые) средства становятся речью лишь тогда, когда происходит их соединение с говорящим лицом, с Я, т. е. в речевом акте» [Солганик 1999: 360]. Автор справедливо указывает, что «я – средоточие, центр поля категории субъективной модальности» [Солганик 1999: 364], в тексте существует усложнение структуры я – «Оно не просто переходит из языка в речь, но модифицируется, усложняется. И главное заключается в том, что я говорящего, переходя в речь, может совпадать, а может не совпадать с производителем речи. И здесь мы сталкиваемся с процессами сугубо текстовыми» [Солганик 1999: 365]. При этом автор разграничивает языковые (внутримодальные) и текстовые (внешнемодальные) средства выражения субъективной модальности, и главным средством, образующим и конституирующим субъективную модальность, является категория производителя речи. Итак, по мнению автора, на языковом уровне категория субъективной модальности – это семантическая категория, которая даёт возможность выразить различные оценочные отношения говорящего к

окружающей среде; что касается речевого уровня, то изучаемая категория рассматривается как наиболее важная текстовая, точнее речеобразующая категория, которая реализуется именно в речевом акте и посредством которой осуществляется переход от языка к речевому действию [Солганик 1999: 360-367].

Таким образом, модальность представляет собой многоаспектную категорию, при помощи которой выражаются многочисленные значения, как при широком, так и при узком подходе. В рамках данного исследования категория модальности признается одной из антропоцентрических функционально-семантических категорий, которая представляет собой наиболее важный компонент высказывания, отражающий различные типы отношений говорящего к содержанию высказывания и соотнесенности высказывания с окружающей действительностью.

В современной лингвистике традиционно выделяются два типа категории модальности: *объективная* и *субъективная*. Однако существуют другие мнения о данной проблематике.

Одни исследователи полагают, что в лингвистике разделение модальности на объективную и субъективную является неправомерным, поскольку язык как самостоятельная система всегда субъективен. Об этом упоминает Э. Бенвенист в своей работе «О субъективности в языке». Согласно его точке зрения, язык и речь по своей природе являются субъективными, он предполагает, что «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта, проявляющаяся не в ощущении себя как такового, а в языке: тот есть «Его», кто говорит «Его»» [Бенвенист. 2002: 293]. Э. Бенвенист также отмечает, что в процессе общения присутствует *противоположность*, поскольку в этом процессе происходит взаимоотражение коммуникантов по отношению друг к другу. В связи с этим, он предполагает, что в процессе общения проявляется *межсубъективность*, или другими словами, *двусторонняя субъективность* [Бенвенист. 2002: 294].

Придерживаясь точки зрения французского лингвиста Э. Бенвениста, Г. Я. Солганик отмечает, что «язык как система знаков обозначает предметы, понятия, явления независимо от воли и желания человека. Однако <...> языковые

процессы (номинация, предикация и др.) осуществляются с точки зрения коллективного языкового сознания, в конечном счете – с точки зрения говорящего» [Солганик 2010: 1–10].

Как сказано выше, Т. Б. Алисова выделяет коммуникативную модальность (сообщение – повелительное наклонение, вопрос – вопросительное наклонение, побуждение - императив) и субъективно-оценочную модальность (синтаксический индикатив, конъюнктив, кондиционал, оптатив, предположительное наклонение и т. п.) по признаку активности/неактивности говорящего. Активный признак представляет собой акт говорения, который организует коммуникацию и является каузацией знания (сообщать – заставлять собеседника знать), ответного акта говорения (спрашивать – заставлять говорить) и конкретного действия (приказывать – заставлять делать); а неактивный признак – оценочное отношение говорящего лица к субъективно-предикативной связи диктума [Алисова 1971: 54–55].

Что касается традиционного подхода к типологии модальности, то немецкий лингвист В. фон Гумбольдт впервые проявил интерес к соотношению объективной и субъективной модальности. Вслед за В. фон Гумбольдтом Т. Т. Краснова полагает, что существует «средство преобразования субъективного в объективное, при этом речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека» [Краснова 2003: 23].

По реальности/ирреальности А. В. Зеленщиков разделяет *модальность* на реальную (прямую) и гипотетическую (косвенную) модальность. Следует подчеркнуть, что сущность обоих выделенных автором видов модальности заключается в том, что они имеют только объективную сторону. [Зеленщиков 2010: 67].

Существует и другая точка зрения в вопросе типологии категории модальности. Ю. С. Степанов считает, что «модальность не является ни субъективной, ни объективной категорией, а представляет собой объективно-

относительную категорию. Модальность – это представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения типизированной, объективизированной «раз и навсегда» – для данного состояния языка – средствами самого языка» [Степанов 1981: 257].

Мы полагаем, что современный русскоязычный медиадискурс представляет собой особый тип коммуникации, в нём содержится как информация о реальности, так и информация о личности говорящего. Исходя из этого, вслед за большинством исследователей в нашей работе категория модальности рассматривается в объективно-субъективном соотношении. Таким образом, выделяются объективная и субъективная модальность. При реализации категории объективной модальности отражается отношение сообщаемого к действительности с позиции реальности/ирреальности, а при реализации субъективной модальности говорящий может выражать свои личные отношения к высказыванию, т. е. собственные мнения или позиции.

Интересно посмотреть на лингвистическое осмысление категории модальности в русской науке с учётом положения дел в китайской лингвистике.

По сравнению с современной русской лингвистикой в современном китайском языке понятие *модальность* не до конца определено. Несмотря на то, что существуют многочисленные научные работы, посвящённые данной тематике, однако отсутствует общепризнанное определение, охватывающее все признаки категории модальности в китайском языке. Необходимо отметить, что в современной китаистике терминология обозначения изучаемой категории также представляется спорным вопросом, в различных исследованиях употребляются различные термины для обозначения одного и того же языкового феномена. Например, для обозначения модальности учёные используют следующие термины: 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*), 口气 ‘манера речи, намерение речи, модальность’ (*kǒuqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*); для обозначения модального глагола, который представляет собой наиболее употребительный класс слов для передачи модальных значений, также

существуют многочисленные варианты: 助动字 (*zhùdòng zì*) [Ма Цзяньчжун (马建忠) 1898], 助动词 (*zhùdòng cí*) [Чжан Шичжао (章士钊) 1907, Люй Шусян (吕叔湘) 1979, Дин Шэншу (丁声树) 1999], 能词 (*néngcí*) [Гао Минкай (高名凯) 1948], 能愿动词 (*néngyuàn dòngcí*) [Ван Ли (王力) 1985, Ци Хуян (齐沪扬) 2005], 衡词 (*héng cí*) [Чэнь Вандао (陈望道)] и 情态动词 (*qíngtài dòngcí*) [Пэн Личжэнь (彭利贞) 2007, Чжу Гуаньмин (朱冠明) 2005]. После 80-х годов XX века, с опорой на результаты анализа реализации категории модальности в европейских языках, начинается системное рассмотрение данной категории, и результаты изучения представлены в исследовательских работах следующих учёных: С. L. Tsang, Н. Тее, Ван Ли (王力), Люй Шусян (吕叔湘), Хэ Ян (贺阳), Ци Хуян (齐沪阳), Сюй Цзиннин (徐晶凝), Цуй Силиан (崔希亮), Вэнь Суолин (温锁林), Тан Тинчи (汤廷池), Лу Чуань (鲁川), Се Цзялин (谢佳玲), Чжан Сюсун (张秀松), Чжан Юньцю (张云秋) и др.

Первой работой, которая затронула изучение категории модальности в китайском языке, является 《马氏文通》(*Mǎ shì wéntōng*), переводящаяся на русский язык как «Объяснение правил письменного языка господина Ма», которая вышла в свет в конце XIX века и автором которой является Ма Цзяньчжун (马建忠). В данной работе впервые введено понятие 助动字 (*zhùdòng zì*), которое переводится на русский язык как «вспомогательное односложное слово» [Давлетбаева, Фаткуллина 2019: 253], и подробно рассматривается ряд вспомогательных односложных слов, к примеру, 能 ‘мочь’ (*néng*), 足 ‘стоять’ (*zú*), 可 ‘возможно’ (*kě*) и др. Создание данного труда является важным моментом для развития теории модальности в рамках китайской лингвистики, после его публикации появляются много научных работ, посвящённых описанию частных языковых средств выражения изучаемой категории, среди которых господствующими являются различные 情态动词 ‘модальный глагол’ (*qíngtài dòngcí*).

Первые попытки системного рассмотрения категории модальность в

современном китайском языке основаны на переводе на китайский язык работы F. R. Palmer «Mood and Modality», название которой на китайском языке – 《语气与情态》 (*yǔqì yǔ qíngtài*). В этой работе рассматривается понятие *语气* (*yǔqì*), которое соответствует английскому термину *mood*, обозначающему понятие *наклонение* в русской лингвистике; и понятие *情态* (*qíngtài*), которое обозначает английский термин *modality*, что на русский язык переводится как *модальность*. Следует отметить, что категория наклонения в китаистике обладает своими особенностями. По мнению синолога Д. А. Карпека, данная категория на китайский язык переводится словом *语气范畴* ‘категория наклонения’ (*yǔshì fānchóu*), которая присуща именно глаголам. Автор справедливо замечает, что наклонение присутствует в китайском языке при формировании тех или иных функциональных типов предложений, однако морфологический его показатель является лакуной, значения наклонения выражаются именно «синтаксическим путём» [Карпека 2017: 351-353]. Указывая на соотношения между выделенными двумя категориями, С. А. Симатова и С. В. Науменко предполагают, что *语气* ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) является «категорией модальности в узком смысле», представляющей ядром «категории модальности в широком смысле *情态* ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*), и модальность в узком понимании не является чисто грамматической категорией в понимании традиционных русских и западных исследованиях, она проявляется на различных уровнях языка и рассматривается в первой очереди на текстовом уровне [Симатова, Науменко 2016: 117].

Опираясь на теорию модальности Ф. Пальмера (F. R. Palmer), в современной китайской лингвистике выделяют следующие основные типы модальности: *动力情态* (*dònglì qíngtài*) – модальность, связанная с желательностью и потенциальной способностью выполнения какого-либо действия у субъекта; *道义情态* (*dàoyì qíngtài*) – деонтическая модальность, которая связана с нравственностью или правилами в определённом обществе; *认知情态* (*rènzhī*

qíngtài) – эпистемическая модальность, основанная на знании и сознании субъекта, выражает отношение говорящего к высказыванию по плану его возможности и реальности. Однако в современных исследованиях по данной тематике встречаются иные типологии.

Заметим, что Хэ Ян (贺阳) даёт более системное рассмотрение понятия модальности, однако автор в качестве понятия модальности употребляет термин 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǐqì*). По его мнению, категория модальность выражает «субъективное сознание и восприятие высказанного говорящим, которое отражается при помощи различных грамматических способов. Фактически модальность имеет две характеристики: 1) с точки зрения семантики, предложение можно разделить на две части: 命题 ‘высказывание’ (*mìngtí*) и 语气 ‘модальность’ (*yǐqì*) (по мнению Хэ Яна (贺阳)). Высказывание – это изложение о предметах или событиях как таковое, модальность – это изложение о высказывании – содержания высказывания, и цель высказывания, и отношение говорящего к суждению, и оценка и т.д., или эмоции, связанные с высказыванием... 2) с точки зрения формы, модальность – это грамматическое значение, выраженное грамматическими способами» [Хэ Ян (贺阳) 1992: 59]. Можно отметить, что, как и в российской лингвистике, автор разделяет члены предложения на две части – 命题 (*mìngtí*), соответствующая *диктум* и 语气 (*yǐqì*) – *модус*, т. е. изучаемая категория рассматривается автором по объективно-субъективной линии. По его мнению, 命题 ‘диктум’ (*mìngtí*) подразумевает описание предмета или события, т. е. объективная сторона предложения, а 语气 ‘модус’ (*yǐqì*) – вторичное выражения высказывания, т. е. выражаются коммуникативные цели говорящего, оценка и отношение к высказанному и эмоции, возникшие при восприятии высказывания. При этом в системе категории модальности автор выделяет три подсистемы: 功能语气 (*gōngnéng yǐqì*) – функциональная модальность (коммуникативная целевая установка), которая подразумевает коммуникативные функции, и выделяются повелительный, вопросительный, побудительный и восклицательный типы

модальности, которые подобны типам коммуникативной модальности у Т. Б. Алисовой; 评判语气 (*píngpàn yǔqì*) – оценочная модальность, которая выражает оценку или отношение говорящего к окружающей действительности, туда можно включить эпистемическую модальность, модальные значения «долженствование» и «возможность и желательность» и т. п.; 情感语气 (*qínggǎn yǔqì*) – эмотивная модальность, которая отражает эмоцию или экспрессивность, возникшую при конкретном контексте, можно выделить такие эмоции: удивление, убеждение, осознание и др. [Хе Ян (贺阳) 1992: 59-66].

Вслед за Хе Яном Ци Хуян (齐沪扬) также употребляет термин 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) для обозначения понятия *модальность* и полагает, что «модальность – это вид субъективного осознания говорящим высказывания, выраженного в грамматической форме» [Ци Хуян (齐沪扬) 2002: 1]. По мнению автора, 功能语气 (*gōngnéng yǔqì*) – категория функциональной модальности (перевод Лю Хаотуна, далее ЛХ), которая служит для достижения глобальных коммуникативных целей, и выделяются такие типы предложения, как повествование, вопрос, побуждение и восклицание. Однако автор выделяет особый тип модальности – 意志语气 (*yìzhì yǔqì*), в нашей работе предлагаем такой вариант перевода данного термина – «волютативная модальность» (перевод ЛХ), она состоит из 评判语气 ‘оценочная модальность’ (*píngpàn yǔqì*) и 情感语气 ‘эмотивная модальность’ (*qínggǎn yǔqì*), которые выделены Хе Яном. При этом волютативная модальность отражает эмоции и оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания, и выражает следующие модальные значения: возможность, разрешение, желательность и понимание [Ци Хуян (齐沪扬) 2002: 42].

Необходимо отметить, что в современной китайской лингвистике существуют работы, авторы которых различают эти два близких понятия 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*), и употребляют 情态 (*qíngtài*) для обозначения изучаемого феномена, например, Тан Тинчи (汤廷池), Пэн Личжэнь (彭利贞), Лу Чуань (鲁川),

Цуй Силян (崔希亮), Сюй Цзиннин (徐晶凝) и др. Тан Тинчи (汤廷池) полагают, что категория модальность это «точка зрения или отношение говорящего к содержанию высказывания, и выделяет следующие основные значения модальности: суждение по поводу истинности, познания, желания, степени желательности, вероятность, необходимость и др.» [Цит. по Шуй Чанси (税昌锡) 2018: 276-277]. По мнению Лу Чуана (鲁川), данная категория рассматривается как «суждение или оценка говорящим объективных событий на основании своего субъективного подхода и своего субъективного мнения» [Лу Чуань (鲁川) 2007: 34]. Пэн Личжэнь (彭利贞) даёт наиболее распространённое и фундаментальное определение: «категория модальности – это субъективное отношение говорящего лица к истинному значению предложения или к реальному состоянию событий» [Пэн Личжэнь (彭利贞) 2007: 4].

Цуй Силян (崔希亮) рассматривает 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) в рамках понятия 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*) и выделяет три модальные категории: 直陈情态 ‘категория прямой модальности’ (перевод ЛХ) (*zhíchén qíngtài*), при помощи которых разделяются следующие значения: предположение, допущение, оценивание, достоверность/недостоверность, согласие/несогласие и др.; 能愿情态 ‘категория возможности и желательности’ (перевод ЛХ) (*néngyuàn qíngtài*), в которую входят такие модальные значения, как желательность, способность, долженствование, вероятность, запрещение и разрешение, выражающиеся модальным глаголом; 事件情态 ‘категория совершенность события’ (перевод ЛХ) (*shìjiàn qíngtài*), что связано со временем и состоянием события и выражается модальным наречием, глаголом и дополнительным элементом глагола [Цуй Силян (崔希亮) 2003: 335-341].

Особый термин обозначения категории модальности в современном китайском языке предлагает Вэнь Суолин (温锁林), по его мнению, понятия 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция,

модальность’ (*qíngtài*) следует рассматривать как прагматические категории, близкие, однако отличающиеся друг от друга, и в современном китайском языке 语气 (*yǔqì*) отражает цели высказывания, соответствующие функционально-смысловым типам предложений в современном русском языке; а 情态 (*qíngtài*) приносит в речь эмоциональную сторону высказывания и различные типы отношения говорящего к сообщаемому» [Вень Суолин (温锁林) 2001: 87]. В его поздней работе предлагается новый термин обозначения изучаемой категории – «口气 ‘манера речи, намерение речи, модальность’» (*kǒuqì*) и рассматриваются различные типы модальности, по его мнению, «модальность представляет собой субъективные чувства говорящего по отношению к высказыванию, т. е. субъективные эмоции или отношения говорящего, которые содержатся в объективном высказывании, которое является частью речевой коммуникации» [Вэнь Солин (温锁林) 2013: 23]. По мнению автора выделяется два основных типа категории модальности: 1) 认识情态 ‘модальность познания’ (перевод ЛХ) (*rènshí qíngtài*), которая отражает субъективное познание говорящего в высказываниях, существует три подтипа – 真值情态 ‘модальность истинности’ (перевод ЛХ) (*zhēnzhí qíngtài*), 道义情态 ‘деонтическая модальность’ (*dàoyì qíngtài*) и 意愿情态 ‘модальность желательности’ (перевод ЛХ) (*yìyuàn qíngtài*); 2) 表现情态 ‘выразительная модальность’ (перевод ЛХ) (*biǎoxiàn qíngtài*), т.е. 口气 ‘манера речи, намерение речи, модальность’ (*kǒuqì*), которая выражает эмоцию или отношение говорящего к высказыванию, и зачастую сопровождаются различными мимики [Вэнь Суолин (温锁林) 2013: 34].

Различая понятия 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*), Чжан Юньцю (张云秋), Линь Сюцинь (林秀琴) рассматривают модальность как семантическую категорию, которая является главным фоновым компонентом предложения и существует во всех языках мира. По их мнению, изучаемая категория отражает отношение говорящего и пишущего к содержанию высказывания или событию по признаку

реальности/ирреальности, выделяются объективные и субъективные модальные значения: возможность, желательность, разрешение, запрещение, долженствование, предположение, рассуждение и т. д. [Чжан Юньцю (张云秋), Линь Сюцинь (林秀琴) 2017: 120-121]. В их работе подробно описываются различные разряды «情态副词 ‘модального наречия’» (*qíngtài fùcí*), которое представляется частотным способом выражения данной категории, и выясняются их функции и место в общей системе выражения категории модальности современного китайского языка. В современной китаистике выделение 情态副词 ‘модальное наречие’ (*qíngtài fùcí*) как отдельного класса средств выражения модальности представляет собой спорный вопрос, большинство ученых для обозначения этого класса слов употребляет термины 语气副词 ‘модальное наречие’ (*yǔqì fùcí*) или 评注性副词 ‘наречие, выражающее оценку и комментарий говорящего’ (*píngzhùxìng fùcí*) в связи с тем, что, во-первых, понятия 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*) рассматривается либо как синонимичные понятия, либо в подчиненном отношении; во-вторых, описанные лексические единицы многозначны и выполняют различные функции в речи [Чжан Юньцю (张云秋), Линь Сюцинь (林秀琴) 2017: 121-129].

Итак, можно заключить, что изучение категории модальности в современной китаистике представляется востребованным и открытым, поскольку данная категория всё ещё не определена до конца, кроме того, система терминологии далека от единообразия. Можно определить понятие 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) с точки зрения коммуникации, в зависимости от её глобальной цели выделяются повествовательный, вопросительный, побудительный и восклицательный типы предложения, которые подобны функциональным типам предложений в современной русистике; что касается понятия 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*), то оно представляется семантической категорией и выражает субъективное отношение говорящего к

окружающему миру при помощи различных языковых средств. Необходимо отметить, что в современной китайской лингвистике понятие *модальность*, по мнению большинства исследователей, сближается с субъективной модальностью, поскольку в представленных выше определениях минимально присутствует суждение относительно объективной стороны высказывания. В некоторых работах выделяется 认知情态 ‘эпистемическая модальность’ (*rènzhī qíngtài*) как один из подтипов категории модальности, который связан с сознанием говорящего, выражает субъективное отношение говорящего к высказанному по шкале реальности/ирреальности или достоверности/недостоверности.

Следует отметить, что представление о категории *модальность* в современном китайском языке актуально для преподавателей русского языка китайским учащимся. В русском и китайском языках существует собственная, отличающаяся друг от друга терминологическая система обозначения изучаемой категории, более того, сущность данной категории также по-разному принято представлять при описании грамматической системы двух языков. Думается, что некоторое представление об изложенных выше вопросах способно помочь преподавателю РКИ устранить трудности при объяснении терминологического аппарата и функционирования средств изучаемой категории в китайской аудитории.

1.2. Типология субъективно-модальных значений и эпистемическая модальность

Как сказано выше, в современной русистике изучение категории модальности имеет длинную историю, существуют различные подходы к данной проблематике. Одна из разновидностей модальности – субъективная модальность рассматривается исследователями также с различных точек зрения, и типология её семантических значений в современной лингвистике является дискуссионным вопросом. Основное представление о субъективно-модальных значениях дано в работах таких исследователей, как Т. Б. Алисова, В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, Е. В. Падучева, Л. А. Бирюлин, Е. Е. Кордин, В. В. Химик, Е. Н. Орехова, Е. И. Беляева, И. Г. Никольская, А. В. Величко, К. Т. Солдатенкова и др.

В Краткой Русской грамматике *субъективная модальность* определяется как совокупность формально неоднородных средств, с помощью которых говорящий может выражать своё личное отношение к сообщаемому [Краткая русская грамматика, 1989: 499]. Здесь представлено описание семантических значений, передающих субъективную модальность, и с другой стороны – перечисление синтаксических средств, выражающих описанные семантические значения.

В Русской грамматике [Шведова, 1980] предлагаются две группы субъективно-семантических значений: *оценочно-характеризующие значения* и *собственно-оценочные группы*. К первой группе относятся значения, выражающие отношения между характеристикой какого-либо события и отношением к этим характеристикам. Авторы отмечают, что при выражении таких значений могут осуществляться объективно-субъективные отношения, поскольку признак события может быть не субъективным, а лишь оценка к ним субъективна. Во второй группе содержатся значения, которые отражают собственное личное отношение говорящего к тому, о чём он сообщает [Грамматика 80, т. II, 1980: 216–217]. Недостаток данной классификации, на наш взгляд, заключается в том, что выделенные авторами семантические значения двух групп пересекаются. При выражении собственно оценочных значений могут реализовываться и значения, относящиеся к первой группе. Соответственно, противопоставление двух субъективно-модальных значений в Грамматике 80 является достаточно условным. Следует отметить, что в данной классификации субъективно-модальных значений не показывается связь между описанными семантическими значениями и перечисленными способами их выражения.

Е. В. Падучева определяет субъективную модальность как эгоцентрическую категорию, с её помощью в высказывании выражается психическая или ментальная установка говорящего, т. е. отношение говорящего к тому, о чём он сообщает [Падучева 2017. <http://rusgram.ru/>]. Опираясь на классификацию в Русской грамматике [Шведова, 1980], Е. В. Падучева в работе «Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива»

разделяет субъективно-модальные значения на две группы.

В первую группу входят средства, функционирующие в речи для передачи личного отношения говорящего к самому высказыванию – «к любому его аспекту или части: к его содержанию, форме, степени достоверности, к его соотношению с другими высказываниями», т. е. выражаются *оценочно-характеризующие* значения, следуя классификации Русской грамматики [Шведова, 1980]. Здесь автор замечает, что языковые средства этой группы являются не эксплицитными, поскольку отношение говорящего к своему высказыванию не должно быть выражено «с помощью отдельной предикации с подлежащим в 1-м лице, обозначающим говорящего», и говорящий выступает как субъект сознания, мысли и других пропозициональных установок. Автор выделяет модальные слова, в большинстве употреблений которых субъектом является не сам говорящий, а лицо, обозначенное подлежащим в предложении, например, слова *можно, нужно, может, должен, возможно* и др. По мнению Е. В. Падучевой средства, с помощью которых говорящий неэксплицитно характеризует своё собственное отношение к степени достоверности высказывания, являются показателями эпистемической модальности [Падучева 1996: 299-301].

Во второй группе содержатся «показатели иллокутивного предназначения предложения», т. е. это экспрессивные средства, отражающие «коммуникативное намерение» говорящего в общении. По мнению автора, данные средства служат для передачи *собственных оценочных значений*, и сам говорящий не должен быть представлен эксплицитно, он выступает в качестве субъекта речи. Автором перечислены следующие семантические значения в этой группе: согласия/несогласия, приятие/неприятие, категоричное или ослабленное, одобрение, порицание, осуждение, призыв, побуждение, непонимание, угроза, подчёркивание и др.

Е. В. Падучева замечает, что в одном высказывании могут отразиться значения субъективной модальности двух групп, поскольку неэксплицитное выражение отношения говорящего обычно экспрессивно, а при выражении

экспрессивности зачастую отражается намерение говорящего. Следует отметить, что для значений обеих групп общим является:

- 1) Неэмплицитность модального субъекта в высказывании;
- 2) Присутствие говорящего эмплицитно [Падучева 1996: 299-301].

В Русской корпусной грамматике Е. В. Падучева уделяет особое внимание семантическим значениям возможности и необходимости, которые, по её мнению, представляют особый вид категории *субъективная модальность*. Автор выделяет онтологическую, деонтическую и эпистемическую возможность и необходимость, и выявляет особенности функционирования основных средств выражения субъективной модальности: наклонение, конструкции с союзами, частицами, с лексическим повтором, с междометиями, и вводные единицы.

А. В. Величко предлагает функциональный подход к изучению данной проблематики. В качестве объекта исследования автор берёт фразеологизированные структуры (далее ФС), которые связаны с «ментальной, интеллектуальной, эмоциональной стороной жизни индивида, выражают фатическое речевое поведение человека и нацелены на реализацию потребностей говорящего как коммуниканта» [Величко 2012: 17]. Автор отмечает, что фатическая функция ФС выполняются при помощи присутствия субъективной модальности. По её мнению, категория субъективной модальности – отражатель осложнённого взаимодействия между компонентами коммуникативной ситуации (адресатом, адресантом, содержанием коммуникации и действительностью). Она также указывает, что категория субъективная модальность в различных ФС представляет собой коммуникативный компонент, отражающий ситуацию коммуникации, указывающий на коммуникантов, их взаимоотношения, отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение высказывания к действительности.

В работе А. В. Величко предложены 6 семантических групп: ФС, выражающие оценку и характеристику (*Ай да мастер; Всем пирогам пирог!; Чем не подарок* и др.); ФС, выражающие согласие, приятие и возражение (*Ехать так ехать, Почему бы и не поехать; Это ли не помощь; Работа есть работа* и др.); ФС,

выражающие необходимость, целесообразность, ненужность и невозможность (*Как не пойти; Нет бы нам позвонить ему; Не сидеть же здесь до вечера!; Чтобы он когда опоздал!* и др.); ФС, выражающие референциальную ограниченность, единственность/множественность характеризуемой ситуации (*Ему бы только развлекаться; В городе что ни дом, то неповторимая архитектура; Где он только не побывал!* и др.); ФС, отражающие логическое акцентирование (*Уж кто-кто, а Илья хорошо знает Север; Он учится не где-нибудь, а в МГУ; Уж на что старожилы, и то не помнят такой суровой зимы* и др.); ФС, отражающие логическую обусловленность ситуаций (*Стоило ей уехать, как ему стало грустно и одиноко; Добро бы погода была хорошая, а то всю неделю идут дожди; Работа работой, а отдыхать тоже надо* и др.). Автор представляет более разностороннюю классификацию фразеологизированных структур, отражающих субъективно-модальные значения, в функциональном аспекте, однако в речевом пространстве также существуют способы выражения на различных уровнях языка, в частности, лексические, представляющиеся господствующими, и эти способы не проанализированы автором (например, модальные частицы: *вроде, авось, якобы* и др.; вводные слова: *конечно, пожалуй, может быть* и др.; лексико-семантические группы существительных, прилагательных, наречий, глаголов с разными субъективно-модальными значениями).

В современных работах также представляется новый подход к изучению категории субъективная модальность – *местоименный подход*, предложенный К. Т. Солдатенковой и Р. Вергаувен. Данный подход предлагает возможность рассматривать семантические значения субъективной модальности с помощью формального систематического способа, поддающегося проверке. По мнению авторов при таком подходе понятия местоименных предложений, возможности/невозможности пропорционального отношения между местоименными парадигмами и лексическими элементами, связанные с ними понятия предикатора конструкции и эпитакса играют важнейшую роль, и «значение конструкции должно быть определено в соответствии с формальными

характеристиками данной конструкции и местом, которое эта конструкция занимает в сети синтаксических осей» [Солдатенкова, Вергауен 2010: 167].

Однако авторы замечают, что значение предложения не всегда соответствует его формальным признакам. Например, «*Виктор работает на заводе*», «*Виктор в математике собаку съел*», во втором примере отношения пропорциональности с глагольным ядром и местоименными парадигмами нарушено. При этом следует отметить, что в регулярных синтаксических конструкциях присутствует «отношение пропорциональности между лексическими элементами глагольной конструкции и ее местоименной схемой» [Солдатенкова, Р. Вергауен 2010: 166–167], а в других предложениях такое отношение может нарушиться полностью или частично. В случае полного нарушения должно быть установлено ядро синтаксической конструкции, в качестве которого выступают предикатор, комплексный предикатор или модификатор, а если в предложениях отношение пропорциональности частично нарушено, то в структуру этих конструкций входят синтаксические фразеологизмы. Авторы также отмечают, что в предложениях существуют некоторые элементы конструкции, которые «не имеют отношения пропорциональности ни к местоименным парадигмам, ни к местоименному ядру синтаксической конструкции» [Солдатенкова, Р. Вергауен 2010: 166–167], и называют эти элементы эпитаксисами, например, союзы, вводные единицы, частицы, междометия и др.

Авторами проанализированы конструкции с лексическими фразеологизмами, синтаксическими фразеологизмами и эпитаксическими элементами. В данных нерегулярных синтаксических конструкциях исследователи пытаются устанавливать отношение пропорциональности, однако значения, которые могут рассматриваться с помощью местоименного метода, ограничены. Более того, средства выражения субъективной модальности разнообразны, и формальные признаки не всегда соответствуют их семантике.

Следующий подход к анализу изучаемого типа модальности – функционально-семантический. В коллективной монографии «Теория

функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность» выделяются 6 основных типов модальных значений:

1) Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/ирреальности, отражается отнесенность содержания высказывания к действительности;

2) Оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения её возможности, необходимости и желательности, выражается отношение субъекта высказывания к действию;

3) Оценка говорящим по степени его уверенности в достоверности сообщаемого, т. е. модальность достоверности;

4) Целевая установка говорящего: сообщение, вопрос, побуждение и желание, т. е. коммуникативная модальность, при этом в качестве модального значения выступает коммуникативная функция;

5) Значения утверждения/отрицания, с помощью которых отражается наличие/отсутствие объективной связи между объектами, о которых идёт речь в предложении;

6) Эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания [Бирюлин, Кордин 1990: 67–71].

Следует отметить, что, выделяя функционально-семантическое поле достоверности (далее ФСП достоверности), авторы отождествляют понятия модальности достоверности, субъективной модальности, эпистемической модальности и персуазивной модальности. Под ФСП достоверности понимается совокупность языковых средств, с помощью которых выражается «определяемая с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности» [Беляева 1990: 157]. В другой работе Е. И. Беляевой модальность достоверности (эпистемическая модальность) определяется как «устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности/недостоверности» [Беляева 1985: 126], автор также выделяет 4 класса модальности достоверности: модальность

уверенности, неуверенности, вероятности и логической необходимости.

По мнению Е. Н. Ореховой, *субъективная модальность* – это самостоятельная функционально-семантическая категория, обладающая оригинальным содержанием и специализированными средствами выражения на различных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, интонационном. Автор указывает, что если объективная модальность показывает пропозициональную сторону высказывания, т. е. соотнесённость с действительностью, то субъективная модальность связана с процессом осмысления фактов и явлений действительности. На семантическом уровне категория субъективной модальности рассматривается как совокупность «кваликативных смыслов (типовых субъективно-модальных значений), учитывающих характер компетенции субъекта речи, степень его осведомленности, эмоциональное состояние, стремление устанавливать контакт с собеседником, поддерживать его внимание, включать в ход собственных рассуждений и оценок» [Орехова 2011: 12]. А на грамматическом уровне данная категория выступает как предикативный аспект высказывания, который соотносит высказывание с действительностью, т. е. субъективная модальность «уточняет и корректирует объективно-модальное значение предложения, связанное с оппозицией реальности-ирреальности» [Орехова 2011: 13].

В исследовании Е. Н. Ореховой предлагается тщательное рассмотрение субъективно-модальных значений и их средств выражения. Автор выделяет 6 типовых кваликативных значений субъективной модальности: ядерное значение достоверности-недостоверности с центром в виде модальности предположения; околядерные – эмоционально-оценочное, логической оценки, контактоустанавливающее, эвиденциальное, степени обычности.

По мнению автора, *субъективная модальность достоверности-недостоверности* представляет собой модальную шкалу степеней достоверности, на двух полюсах которой расположены категории категорической и проблематической достоверности. В поле категорической достоверности

центральное место принадлежит семантике уверенности, а в поле проблематической – семантике предположения. На этой шкале также располагаются иные субъективно-модальные значения: сомнение, допущение и мнимость.

Кроме ядерного субъективно-модального значения достоверности/недостоверности Е. Н. Орехова также выделяет следующие околядерные значения изучаемой категории:

1) *Эмоционально-оценочное значение*, которое связано с категорией эмотивности и отражает субъективное отношение говорящего к высказыванию с точки зрения его эмоционального состояния. Автор отмечает, что категория эмотивности проявляется в зависимости от характеристики оценки: при выражении неодобрения могут выражаться презрение, гнев, отвращение, страх, страдание, стыд и др., а при выражении одобрения – радость, удивление, интерес и др.;

2) *Логическая модальность*, по мнению автора, выражает логику размышления, обозначение важных моментов в ходе рассуждений, выделение ключевых, с точки зрения автора, моментов высказывания. Автором выделены следующие типы логической модальности: модальность реляционности, модальность вывода, модальность связи с предшествующими и последующими частями текста, модальность добавочного сообщения, включения-исключения, модальность важности, иллюстративная модальность;

3) *Контактоустанавливающее значение* проявляется в диалогической ситуации, с его помощью говорящий может проверять наличие речевого контакта со стороны адресата, поддерживает его внимание, активное восприятие информации;

4) С помощью средств выражения *эвиденциального значения* в высказывании говорящий может указывать на автора излагаемой мысли. Данная категория прагматически обусловлена, поскольку она проявляется в диалоге, полемике и научном дискурсе;

5) *Модальность обычности* определяется автором как разновидность

значения повторяемости, при этом она тесно связана с категорией темпоральности. По мнению автора, данная категория указывает на степень единичности, степень регулярности и степень обобщённости [Орехова 2011: 25–31].

Итак, в работе Е. Н. Ореховой рассматриваются различные способы, передающие значения субъективной модальности, и их функциональные особенности. Также автор справедливо указывает на ядерно-периферийную структуру функционально-семантического поля субъективной модальности.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что *субъективная модальность* неоднозначна и трактуется с различных точек зрения, более того, существуют типологии субъективно-модальных значений по разным основаниям. При изучении субъективной модальности центральное место принадлежит категории достоверности/недостоверности, другими словами, эпистемической модальности.

Понятие *эпистемическая модальность* заимствовано из терминологии логики, как и понятие модальности в целом. В современной лингвистике для обозначения этого феномена используются различные термины: *модальность достоверности, персуазивная модальность, модальность истинности, внешняя субъективная модальность, модализация*. Однако большинство исследователей рассматривает данную категорию в рамках субъективной модальности в более узком подходе. Можно заключить, что *эпистемическая модальность* представляет собой особый тип субъективной модальности, имеющий ряд языковых средств его передачи, с помощью которого выражается оценка степени достоверности/недостоверности содержания высказывания с позиции говорящего.

1.3. Понятие дискурса и история его изучения

1.3.1. Определение дискурса и его корреляция с текстом

В настоящее время наблюдается «дискурс-бум», который представляет собой «следствие ряда интеллектуальных и социальных факторов: современных технологий связи и власти СМИ, активной междисциплинарной диффузии, лингвистического поворота в философии и введения термина «коммуникация» в философское употребление» [Касавин 2008: 286]. Также в современной науке

появляется новое научное направление – дискурсология и новый метод научного исследования – дискурс-анализ. Несмотря на то, что существуют немало научных исследований, посвящённых этой тематике, однако отсутствует чёткое и общепризнанное определение дискурса, которое охватывало бы все его характеристики употребления. Также ударение слова *дискурс* вызывает трудность при его употреблении, поскольку в этом слове два равноправных варианта ударения: *ди́курс* или *диску́рс*.

Следует отметить, что понятие *дискурс* изучается в пределах целого ряда научных дисциплин, таких, как лингвистика, философия, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, психолингвистика и т. д., и имеет многозначность и междисциплинарность. Исходя из этого, в современной науке существуют различные подходы к данному научному объекту.

Слово *дискурс* происходит от латинского слова *discurrere*, которое имеет значение *обсуждение*. Слово *дискурс* как термин появляется в эпоху Возрождения, и развивается в философии, риторике и теологии. В этот исторический период дискурс используется как метод, «который при помощи совершенного способа выражения артикулирует способности разума и извлекает сокрытые истины из существа предмета» [Касавин 2008: 287]. В XVII в. с дискурсом связывается обсуждение научных вопросов в эссеистском стиле с употреблением национального языка, в это время происходит изменение стиля рассуждения, индивидуальное авторство текста представляется значимым. Одновременно под влиянием догматизации дискурс служит для создания функционального «эквивалента божественному откровению» [Касавин 2008: 287-288]. В следующем столетии сосуществуют понятия *дискурс* и *трактат*, следует отметить, что естественнонаучные проблемы рассматриваются дискурсивно-эссеистически, а гуманитарные трактуются систематически. В XVIII в. *дискурс* активно развивается в области литературоведения, точнее, эстетического и натуралистического французского романа. И готовит стилистическую базу для формирующихся гуманитарных наук. В XX в. многие учёные обращают внимание на данную

тематику, и появляются многочисленные исследования, посвящённые теории дискурса, их принято относить к двум направлениям:

1) Немецкая школа, которая формулирует моральные принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия на основе философских теорий Канта и англо-американских теорий языковых актов;

2) Французская школа дискурс-анализа, которая объединяет критику рациональности Ницше и Хайдеггера с постмодернистски понятым неоструктурализмом и отождествляет дискурс с феноменом власти. В конце этого периода *дискурс* начинают изучать в иных сферах, таких как психология, этнография, социология и другие социально-гуманитарные дисциплины [Касавин 2008: 287–288].

В современную лингвистику термин *дискурс* введён американским исследователем З. Харрисом в статье «Дискурс-анализ», опубликованной в 1952 г. Автор определяет *дискурс* как «последовательность предложений, произнесённую (или написанную) одним (или более) человеком в определённой ситуации» [Харрис 1951: 3]. По мнению З. Харриса дискурс-анализ связан с дескриптивной лингвистикой и лингвокультурологией, т. е. при дискурс-анализе рассматриваются последовательность предложений, предложенных говорящим, в создании действительности, а также взаимодействие говорящего, речи и социальной ситуации. Можно отметить, что в дискурс-анализе главными объектами являются не только сам язык или языковые единицы, но также ситуация, в которой употребляется язык.

В современной русистике понятие *дискурс* появляется в конце XX в., во многих исследованиях используются имя прилагательное *дискурсивный* и его сочетания. Например, Л. П. Якубинский употребляет сочетание *дискурсивное говорение* и полагает, что изучение языка в зависимости от условий общения является базой языкознания [Якубинский 1986: 312]. Л. С. Выготский предлагает термин *дискурсивное мышление* и *логически-дискурсивное мышление* в сфере психолингвистики [Выготский 1999: 75]. Кроме того, А. Н. Леонтьев даёт целый

ряд терминов с данным прилагательным – дискурсивная деятельность, дискурсивное познание, дискурсивная мысль, дискурсивный процесс и дискурсивный план [Леонтьев 1983: 80–345]. Только в 70-х годах дискурс как самостоятельный термин начинает появляться в русских лингвистических работах.

Таким образом, изучение дискурса имеет длительную историю, которая может прослеживаться до исторического периода Возрождения. Следует отметить, что данное понятие имеет различные трактовки, и до сих пор о нём не существует единого мнения.

В лингвистике понятие *дискурс* рассматривается наряду с такими похожими понятиями как речь, связная речь [Г. Г. Почепцов], поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство и текст [В. Г. Борботько]. В рамках языкознания данное понятие также рассматривается, используются определения от коммуникативно целостного и завершённого речевого произведения [Е. В. Клобуков] до определенного типа ментальности [И. Д. Арутюнова], от вербализованного работающего сознания [О. Г. Ревзина] до сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, влияющие на его производство и восприятие [Т. А. ван Дейк, Р. А. Каримова], от реального, естественного текста до речевых жанров.

С точки зрения коммуникативного (функционального) подхода дискурс зачастую определяется как один из видов коммуникации (коммуникативное явление). Ю. Хабермас считает, что дискурс употребляется «для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающего рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм, правил социальной жизни. Одновременно над этим вопросом работал Эмиль Бенвенист, который рассматривает дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист 2002: 312]. С этой же точки зрения Т. А. ван Дейк рассматривает дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [ван Дейк 1989: 7].

Под дискурсом В. Г. Борботько понимает «текст, но такой, которой состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько 1998: 8]. В этом исследовании отождествляются автором понятия *текст* и *дискурс* и не показывается корреляция дискурса с текстом. В более поздних работах он уточняет, что «дискурс, называемый также текстом связной речи, представляет собой речемыслительный процесс, проводящий к образованию структуры» [Борботько 1998: 1].

Г. А. Орлов рассматривает *дискурс* как категорию речи, которая реализуется в виде устного или письменного речевого высказывания, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т. п.) [Орлов 1991: 14]. В этом определении дискурс рассматривается как речевое высказывание, и автор уточняет форму дискурса – письменная или устная речь и объём дискурса.

Наряду с коммуникативным подходом также появляется структурно-синтаксический подход, при котором дискурс рассматривается как часть текста, которая превышает по объёму *предложение, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и абзац*. В. З. Демьянков рассматривает *дискурс* как фрагмент текста, который состоит из более чем из одного предложения или независимой части предложения. Он указывает, что *дискурс* не всегда концентрируется вокруг главного концепта и создаёт общий контекст, который описывает действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п. По мнению В. З. Демьянкова, главными компонентами являются обстоятельства, сопровождающие события, фон, поясняющий события, оценка участников события и информация, соотносящая дискурс с событиями [Демьянков 1995: 7].

В лингвистическом энциклопедическом словаре представляется социальное,

культурно-ситуативное, когнитивное понимание данного понятия и раскрывается отличие дискурса от текста. При этом подходе дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах из сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин дискурс, в отличие от термина текст, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова 1990: 136-137].

В. В. Красных подчёркивает, что *дискурс* – это не только само высказывание, представляющее собой результат речемыслительной деятельности, но и деятельность, в процессе которой порождается данное высказывание. Она определяет *дискурс* как «вербализованную речемыслительную деятельность, понимая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [Красных 2003: 113]. При данном рассмотрении результатом дискурса является текст, созданный в процессе коммуникации, а дискурс представляет собой сама речемыслительная деятельность. Следует отметить, что в данной трактовке среди экстралингвистических факторов дискурса, служащих для взаимопонимания между участниками коммуникативной ситуации, основным является лингвокогнитивный план, который связан с языковым сознанием и обслуживает отбор языковых средств в определённом общении, и этот параметр дискурса влияет на результат, т. е. создание текстов. А собственно лингвистический план дискурса непосредственно связан с системой языка, с употреблением языковых средств, с помощью которых порождаются тексты.

Итак, анализ современной научной литературы показывает, что *дискурс* представляет собой сложное междисциплинарное многоаспектное научное явление, в лингвистической сфере он также не имеет однозначного определения. Вслед за

В. В. Красных под дискурсом мы понимаем коммуникативное явление в виде речемыслительной деятельности, которая одновременно представляет собой как процесс, так и продукт данной деятельности, в структуру дискурса входят собственно лингвистические и экстралингвистические параметры, обеспечивающие удачную коммуникацию между её участниками [Красных 2003: 113].

В современной русистике исследователи пытаются разграничить понятия текста и дискурса. Термин *текст* традиционно трактуется как языковая единица, которая имеет «сложную, иерархически организованную многоплановую структуру, представляющая собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [Солганик 2005: 15]. Вместе с изучением текста появляются другие направления изучения данной тематики – стилистический анализ, коммуникативная стилистика. При этом *текст* приобретает также экстралингвистические признаки, такие как установки, цели адресата и адресанта, фоновые знания, этнические и культурные особенности и др. В настоящее время новым объектом исследования является дискурс, и на корреляцию дискурса с текстом существуют различные точки зрения. При рассмотрении различных определений дискурса можно заметить, что понятие дискурса зачастую определяется через понятие текста, и данные понятия рассматриваются в подчинённом соотношении.

Текст – видовое понятие, *дискурс* – родовое. Согласно мнению В. В. Богданова, текст определяется как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Исходя из этого, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [Богданов 1993: 5–6].

Дискурс представляет собой также частную форму текста. В. Г. Борботько подчёркивает, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, т. е. дискурс, текст – более общее понятие, чем дискурс, дискурс

всегда представляется в виде текста, однако не любой текст является дискурсом, т. е. дискурс – это частная форма текста [Борботько 1998: 1].

И. Т. Касавин в своей работе «Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» указывает, что *текст* и *дискурс* являются лишь частично пересекающимися понятиями, и дискурс как неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия с контекстом [Касавин 2008: 272].

Некоторые исследователи рассматривают *текст* как результат дискурса. Так, по мнению В. Е. Чернявской, *дискурс* – это процесс речемыслительной деятельности, туда включаются многочисленные лингвистические, социальные и другие факторы, а текст – это продукт данного процесса, частью дискурса [Чернявская 2002: 230]. Е. С. Кубрякова и О. В. Александрова отмечают, что *дискурс* представляет собой «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму [Кубрякова, Александрова 1997: 19–20].

Исходя из этой точки зрения, Л. В. Селезнёва под дискурсом понимает процесс текстопостроения. По её мнению, в рамках дискурса важным аспектом является текстопостроение, рассматриваемое автором как категорию для установления диалогического отношения, представляющего собой особый тип смысловой связи. При этом дискурс определяется как целостный коммуникативный процесс, «направленный на образование текста с учетом коммуникативно-прагматических установок и в соответствии с принципом диалогического единства», а текст – система, в которой осуществляются данные коммуникативно-прагматические установки [Селезнёва 2014: 72]. Л. В. Селезнёва также выделяет следующие установки – интенция составителя текста; учёт целевой аудитории; установка на систему языка; форма и стиль текста; установка на событие, вызывавшее написание текста.

Таким образом, *дискурс* и *текст* являются взаимосвязанными понятиями,

которые с различных точек зрения характеризуют коммуникативную деятельность, дискурс представляет собой процесс речемыслительной деятельности, куда входят коммуникативные единицы, и одновременно образуется текст, который является продуктом данной деятельности.

1.3.2. Понятие медиадискурса и его место в общей системе дискурса

С середины XX века в России и за рубежом наблюдается значительный рост развития информационно-коммуникационных технологий, с помощью которых создаётся глобальная сеть медиа коммуникации. В это время постепенно формируется и развивается новое информационное пространство, в котором главными способами передачи информации являются средства массовой информации (СМИ), при этом язык СМИ приобретает свои особенности и представляет собой одну из разновидностей литературного языка. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на функционирование языка СМИ, также существуют многочисленные работы, в которых данная тематика рассматривается в рамках самых различных направлений, таких как социолингвистика, функциональная стилистика, дискурсология, контент-анализ, когнитивная лингвистика, риторическая критика [Добросклонская 2020: 11].

В 2000 году появилось новое научное направление в современной русистике – *медиалингвистика*. Данный термин введён Т. Г. Добросклонской, которая предлагает интегрированный подход к изучению языка СМИ, объединяя усилия представленных разных научных направлений, и определяет предмет данного направления как изучение функционирования в сфере массовой коммуникации, т. е. в медиалингвистике проводится исследование речеупотребления в конкретной определённой сфере – массмедиа [Добросклонская 2020: 14].

В рамках медиалингвистики рассматриваются два соотносительных понятия: *медиа́тэкст* и *медиа́дискурс*, которые представляют собой основные формы осуществления массовой коммуникации. Перед рассмотрением данных понятий следует вспомнить соотношение между понятиями текста и дискурса, поскольку

понятия медиатекста и медиадискурса являются производными от них.

Как уже отмечено выше, *текст* рассматривается как цель или результат речемыслительной деятельности; *дискурс* выступает в качестве совокупности процесса и результата коммуникации, учитывая как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Термин *медиатекст* активно употребляется с 70-х годов XX века в работах российских и зарубежных исследователей. Особое внимание данной тематике уделяют С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелёв, Г. Я. Солганик, Т. Г. Добросклонская, Н. А. Кузьмина, Я. Н. Засурский, Т. ван Дейк, Алан Белл, Норман Фейерклаф, Роберт Фаулер и т. д.

Опираясь на функционально-стилевую типологию текстов, Г. Я. Солганик справедливо указывает, что язык СМИ также является функционально-стилевым образованием, моделирующим национальный язык, поскольку наряду с представленными функциональными стилями текста массовая информация играет особую роль в современной языковой ситуации. Из этого следует выделить медиатекст, который по мнению Г. Я. Солганика определяется как одна из разновидностей текста, «принадлежащая массовой информации, характеризующая особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и его субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанную на массовую аудиторию» [Солганик 2005: 15].

В современной научной среде *медиатекст* также рассматривается как результат, цель массовой коммуникации. Под данным феноменом Я. Н. Засурский понимает продукт коммуникации, обладающий универсальностью текста, включающий в различные медийные структуры: газету, радио, телевидение, интернет и др., осуществляющий с помощью, как и вербальных, так и невербальных средств. К последним автор относит графические элементы в газете, звучащие слова и шумы на радио, кинокадры, фото и рисунки для визуального произведения [Засурский 2005: 5].

М. Ю. Казак рассматривает данное понятие как «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак 2013: 323], и выделяет следующие основные характеристики медиатекста: медийность (информация передаётся посредственно различными медийными средствами, и организация текста зависит от формата канала); массовость (адресант зачастую является коллективным, а адресат – массовой аудиторией); интегративность (в одно единство массовой коммуникации входят разные семиотические коды); открытость (свободная структура, в которую включаются интертексты и компоненты, представляющие собой источник цитирования).

В лингвистическом энциклопедическом словаре В. Н. Ярцева отмечает, что в настоящее время уровень массовой коммуникации расширяет понятие текста, который традиционно рассматривается как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, свойствами которой являются связность и целостность» [Ярцева 1990: 507], под влиянием развития современных медийных технологий *текст* превращается в поликодовый, и приобретает новые структурно-смысловые особенности. При этом Т. Г. Добросклонская определяет *медиатекст* как базовую категорию в медиалингвистике, представляющую как «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская 2020: 30].

Таким образом, понятие медиатекста тесно связано с понятием текста, однако *медиатекст* отличается от *текста* тем, что медиатекст представляет собой продукт медийной коммуникации, в структуру которого включаются не только вербальные, но и невербальные (графические, звучащие, визуальные, мультимедийные средства) компоненты; медиатекст также может применяться в различных медийных форматах.

Что касается понятия *медиадискурс*, то многие исследователи рассматривают его как производное понятие от *дискурса*. Е. А. Кожемякин определяет медиадискурс как любой вид дискурса, представляющий собой «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность», которая осуществляется в масс-медийном пространстве и производится с помощью СМИ. Автор также отмечает, что предметом медиадискурса являются как социальные процессы, так и способы их описания и передачи знания о них [Кожемякин 2010: 16].

Опираясь на основу теории дискурса, М. Р. Желтухина рассматривает *медиадискурс* как «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознание коммуникантов» [Желтухина 2004: 132], в данном определении автор справедливо отмечает, что *медиадискурс* представляет собой результат массовой коммуникации, продуцируемый с помощью СМИ, также сама социокультурная деятельность, с помощью которой формируется общее мнение в массовой аудитории. По мнению М. Р. Желтухиной, медиадискурс имеет опосредованный характер, поскольку между адресантом и адресатом существует пространственная и временная дистанция.

Т. Г. Добросклонская в работе «Медиалингвистика: теория, методы, направления» рассматривает медиатекст как дискретную единицу медиадискурса и даёт более общее определение медиадискурса: «это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия». При разграничении понятий текста, медиатекста и медиадискурса автор опирается на теорию модели коммуникации, основными составляющими которой являются отправитель сообщения, получатель сообщения, канал передачи сообщения, обратная связь, само сообщение, процессы

кодирования и декодирования сообщения и ситуацию общения. Учитывая основные компоненты модели коммуникации, Т. Г. Добросклонская полагает, что *текст* является самим сообщением, *медиа́текст* – единством сообщения и его канала передачи, *медиа́дискурс* – сообщением в совокупности со всеми другими компонентами модели коммуникации [Добросклонская 2020: 110–112].

Е. А. Уварова рассматривает *медиа́дискурс* как беспорядочный поток информации, который внедряется в социум, а *медиа́текст* – «осколок» *медиа́дискурса*, который представляет собой некое структурированное образование и избавляет данный информационный поток из хаотичности [Уварова 2015: 52–53].

Следует заключить, что понятия *текст*, *дискурс*, *медиа́текст*, *медиа́дискурс* представляются взаимосвязанными между собой, и имеют свои собственные отличительные признаки. В данной работе *медиа́дискурс* рассматривается как особый вид дискурса, который представляет собой основную единицу в медиалингвистике, синтезирующую процессы и результаты речемыслительной деятельности в рамках медийного пространства, включающую в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Что касается *медиа́текста*, то можно его определить как дискретную единицу *медиа́дискурса*, структурирующую поток информации в массовой коммуникации.

Выделяя информационно - аналитический тип *медиа́дискурса*, следует обращать внимание на тенденцию размывания границ между выделенными жанрами в современной журналистике. Анализируя аналитическую прессу различной специальной тематики, О. В. Ширяева отметит, что «реализуется конвергенция информационного и аналитического компонентов *медиа́дискурса*: новостные сообщения «обросли» комментариями экспертов, а аналитические жанры (корреспонденция, проблемная статья, аналитическое интервью, аналитический обзор, журналистское расследование и др.) предстали тесно связанными с оперативными событиями — сводками курсов акций, перестановками в руководстве компаний, скачками валют и пр.» [Ширяева 2014:

80].

В массовой коммуникации на основе функционального подхода традиционно выделяются три жанровые группы: группа информационных жанров (новости, репортаж, заметка, хроника и т. д.), группа аналитических жанров (интервью, комментарий, статья, расследование, рецензия и т. д.) и группа художественно-публицистических (очерк, анекдот, пародия и т. д.). Данная классификация предложена московской школой жанроведения и стала общепринятой, однако смешанные типы медиадискурса трудно определять только по их функциям, и важно учитывать их собственно лингвистические и экстралингвистические факторы.

По мнению Л. Е. Кройчика, в структуру публицистического произведения входят три важнейших компонента: сведение о новости или возникшей проблеме; фрагментарное или обстоятельное осмысление ситуации; способы воздействия на адресата и выражения эмоций (на логико-понятийном или понятийно-образном уровне). При этом выделяются 5 групп жанров:

- 1) Оперативно-новостные: заметка и её разновидности;
- 2) Оперативно-исследовательские: интервью, репортажи, отчёты;
- 3) Исследовательско - новостные: корреспонденция, комментарий (колонка), рецензия;
- 4) Исследовательские: статья, письмо, обозрение;
- 5) Исследовательско - образные (художественно-публицистические): очерк, эссе, фельетон, памфлет [Кройчик 2000: 138–139].

А. Л. Дмитриевский предлагает более подробную классификацию, учитывая различные сферы мышления человека, которые обладают соответственно разными потребностями. С его точки зрения, существуют три самостоятельные сферы творческой деятельности, соответственно три группы жанров в журналистике:

- 1) Журнализм (информационно - аналитическая деятельность) – деятельность по поиску, фиксации и публичному оперативному распространению информации, сведений, которые востребованные обществом;

2) Публицистика – деятельность по анализу, прогнозированию и оценке современной социальной действительности, с целью обнаружения актуальных социальных проблем, публичному оглашению их и обсуждению социально приемлемых путей их решения;

3) Беллетристика – публичная смысло- или образопорождающая деятельность на основе ценностного осмысления бытия человека в мире.

К журнализму относятся следующие жанры: заметка, информация, новость, интервью, отчёт, корреспонденция, хроника, дневник, дайджест и некролог, среди перечисленных заметка является родовым жанром этой группы, а остальные находятся на периферии. В публицистику автор включает такие жанры как: статья, реплика, комментарий, колонка, обозрение, обзор, рецензия, письмо, дебаты/круглый стол, социальный эксперимент, журналистское расследование, визуально-графические формы (плакат, фотообвинение, демотиватор, карикатура, мем), брошюра, монография, памфлет, эссе. Отметим, что и в этой группе ведущим жанром является статья. В беллетристике выделяются следующие жанры: рассказ, зарисовка, репортаж, очерк, хроники, история, фельетон, путешествие, и рассказ является родовым жанром этой группы [Дмитровский 2014: 153–157].

Важно отметить, что данная классификация предложена на основе традиционной типологии, однако автор связывает свою классификацию со сферами мышления человека, и даёт подробное описание каждой жанровой группы и выделяет родовой жанр и периферию.

Т. Г. Добросклонская в современной системе СМИ выделяет следующие основные группы жанров: новости, информационная аналитика и комментарий, авторские тематические материалы (features) и рекламные тексты. В качестве типологически формирующих признаков она предлагает:

- 1) Способ создания (авторский — корпоративный, устный — письменный);
- 2) Форма создания (устная письменная);
- 3) Форма воспроизведения (устная — письменная);
- 4) Канал распространения (конкретное средство массовой информации);

печать, радио, телевидение, мультимедийные интернет-платформы);

5) Функционально-жанровый тип текста;

6) Принадлежность к универсальному медиатопику (политика, бизнес, образование, культура, спорт и т.д.) и тематическая доминанта [Добросклонская 2020: 34].

О. В. Ширяева справедливо отмечает, что в настоящее время в сфере медиалингвистики рассматриваются различные типы медиадискурса, как дискурсы рекламы, пиара, прессы, телевидения, радио, интернет-коммуникаций (социальные сети, онлайн-издания, форумы, блогосфера), и специфика каждого типа медиадискурса отражается на всех уровнях порождения, композиции, оформления и восприятия текста. Она предлагает рассматривать жанровую систему СМИ таким образом:

- 1) Новостной;
- 2) Репортажный;
- 3) Информационно - аналитический;
- 4) Эссеистический;
- 5) Нарративный;
- 6) Рекламный;
- 7) Пиар-дискурс.

По мнению автора среди дискурсоопределяющих признаков главным является коммуникативная установка информационно - аналитических текстов, которая происходит на интеллектуально-абстрагирующие операции с информацией, например, в процессах анализа, сопоставления, синтеза, систематизации, диагноза, прогнозирования. При этом она выделяет следующие принципы установления коммуникации в информационно - аналитическом медиадискурсе:

- 1) Абстрагирование адресанта от личной (эмоциональной, идеологической) сопричастности содержанию сообщения;
- 2) Генерирование семантики обобщенной предметности (т.е. концентрации на общем, а не частном отборе фактов, явлений и мнений, работающих на гипотезу);

3) Дистанцированный, «монологический» дискурс (коммуникативная установка «презентация»);

4) Специализация знания, определяющего отбор и восприятие информации (экспертные ниши, тематические рубрики, профили, терминологическая насыщенность лексики);

5) Риторика среднего (т.е. умеренного, лаконичного, малоэкспрессивного) стиля;

6) Неравномерное распределение «горячей» и «холодной» информации (принцип перевернутой пирамиды);

7) Схематизация иллюстративного материала (использование графиков, диаграмм, таблиц как средств визуальной схематизации результатов проведенного анализа информации) [Ширяева 2012: 97].

Таким образом, информационно - аналитический тип медиадискурса представляет собой гибридный жанр и является главным жанром в общей системе современной массовой коммуникации. Тексты такого типа медиадискурса не только информирует о событиях и происходящем в окружающем нас мире, но и воздействует на развитие общества в различных областях жизни человечества, влияет на формирование определённого мировоззрения у адресата.

В качестве материала нашего исследования выступают статьи из традиционной авторитетной газеты «Коммерсантъ» и китайской газеты 《环球时报 ‘Глобал таймс’》 (*Huánqiu shíbào*), статьи из которых относятся к политической, экономической, общественно-социальной сфере; информационно-аналитические диалоги из подкаста «Розенталь и Гильденстерн», который посвящён функционированию современного русского языка и нормам литературной речи; интервью из видеоблога «А поговорить?» и видеопрограммы 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》 (*yuánzhuō pài*), диалоги из которых принадлежат научной, художественной и социальной сфере. Данные источники относятся к информационно - аналитическим типам медиадискурса, поскольку они выполняют не только информирующую, но и воздействующую функцию с помощью

реализации разных аналитических стратегий. При этом в структуре каждого типа информационно - аналитического медиадискурса проявляется выражение субъективной модальности, с помощью которого передаются авторские мнения, оценки и эмоции, воздействующие в определённой аудитории. Важно отметить, что выбранные нами СМИ полезны для преподавания РКИ в китайской аудитории: во-первых, они могут быть источником отбора материала для урока РКИ, поскольку в них содержится множество языковых образцов, способствующих развитию как языковых, так и коммуникативных компетенций у учащихся; во-вторых, при анализе русского и китайского медиадискурса в учебной аудитории могут быть устранены причины интерференции у носителей китайского языка.

1.3.3. Выражение эпистемической модальности как дискурсивный маркер в медиадискурсе

Понятие *дискурсивный маркер* (далее ДМ), появилось в 1970-х гг., но сравнительно недавно стало привлекаться к анализу медиадискурса. В качестве отдельного класса единиц с нечёткими границами ДМ стали рассматривать в конце 20 века в работах таких учёных, как Б. Фрейзер, В. Гладров, А. А. Кибрик, К. Л. Киселева, Е.А. Котов, М. В. Каменский, И. М. Кобозева, В. Л. Захаров, С. А. Манаенко и т. д.

В настоящее время в некоторых исследованиях всё ещё можно встретить термин *дискурсивное слово* (ДС), который в современной медиалингвистике употребляется в качестве синонима понятия *дискурсивный маркер*. Однако в рамках данной работы предполагаем, что термин *дискурсивный маркер* представляется более академичным и точным, поскольку в широком понимании дискурсивный маркер включает также невербальный способ, который рассматривается в экстралингвистическом плане, а термин ДС предполагает анализ именно на языковом уровне.

Немецкий филолог-русист В. Гладров отмечает, что ДМ коррелируют с понятиями «модальные слова», «модусные слова», и эти маркеры представляют

собой некие «выразители» отношения говорящего к действительности и к сообщаемому, т. е. при употреблении данных маркеров проявляется как объективная, так и субъективной модальность высказывания [Гладров 2009: 239-248]. Данная атрибуция по-прежнему закреплена за служебными (незнаменательными) словами, чаще рассматриваемыми в рамках коммуникативно- и когнитивно-дискурсивных парадигм. В. Гладров, например, относит их к «оперативным прагматическим частям речи», «прагматическим операторам», при помощи которых «передаются различные установки говорящего к концептуализированному положению дел и к способу передачи информации в тексте и дискурсе» [Гладров 2009: 242].

В Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило данное понятие трактуется как «языковой инструмент структурирования дискурса», в него включены средства различных уровней языка – «от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций». ДМ – это языковые единицы, также отдельные звуки, которые, как отмечают многие лингвисты, не обладают практическим лексическим значением, но оказывают сильное влияние на структурирование разговорной речи, именно с их помощью в общении выражаются разные типы интенций [Жеребило 2010: 95]. В данном широком понимании понятия ДМ включают в себя ещё и интонационные маркеры, характеризующие устную речь, но функционирующие в письменной речи, для того чтобы сделать её более динамичной и выразительной.

И. М. Кобозева и В. Л. Захаров определяют языковую сущность дискурсивных маркеров в когнитивном и коммуникативном аспекте: в дискурсивных маркерах их важнейшей частью является семантическая специфика слова, поскольку ДМ соотносят реальное содержание высказывания с коммуникативной ситуацией, отодвигая на второй план его формальные признаки. У ДМ, по мнению исследователей, есть определенные морфологические и синтаксические признаки. В русском языке ДМ имеют следующие общие признаки: морфологическую неизменяемость; неспособность быть ядром синтаксической

группы; синтаксическую функцию союза или адьюнкта; возможность синтаксически связываться как с именной, так и с глагольной группой; при нейтральном порядке слов большая удаленность от ядра группы препозитивных «дискурсивных» адьюнктов по сравнению с «недискурсивными» [Кобозева, Захаров 2004: 292].

С. А. Манаенко в коллективной работе «Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник» рассматривает дискурсивные маркеры как «слова разных частей речи, передающие вспомогательную информацию и служащие для организации и оформления основной и комментирующей информации» [Манаенко 2018: 129]. С. А. Манаенко также отмечает, что общим свойством ДМ является прямая связь с функционированием дискурса при передаче содержания порождаемого текста, ДМ не имеют денотативного значения, показывают отношение между частями дискурса, обеспечивают связность текст, отражают процесс коммуникации (взаимодействия адресанта и адресата), выражают различные типы оценки, «пресуппозиция, мнения, соотносят, противопоставляют разные утверждения говорящего» [Манаенко 2018: 130]; в качестве ДМ чаще выступают частицы, вводно-модальные слова, союзы и некоторые наречия, однако среди них модальные слова и частицы, по мнению В. В. Виноградова, они «определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Виноградов 1972: 568].

Рассматривая различные прагматические маркеры (прагматемы, далее ПМ) в устном дискурсе, Н. В. Богданова-Бегларян выделяет следующие различия между ПМ и ДМ: во-первых, ДМ порождаются на сознательном уровне и отражают сознательное отношение говорящего к окружающей среде в устном, также в письменном дискурсе, а ПМ употребляются говорящим автоматически, т. е. несознательно, и характерны для устного общения; во-вторых, ДМ представляют полноценные языковые единицы, обладающие узуальным лексическим значением и демонстрирующие полную грамматическую парадигму, а что касается ПМ, то они

являются готовыми единицами, не имеющими лексического значения, подчас и грамматического; в третьих, ДМ как полноценные языковые единицы фиксируются в словарях, а ДМ рассматриваются за рамками лингводидактики [Богданова-Бегларян 2018: 94-97].

В рамках нашей работы особое внимание обращаем именно на те ДС, которые демонстрируют различные семантические значения эпистемической модальности, в том числе вводные слова, модальные частицы, модальные глаголы, наречия и глаголы с изучаемой семантикой. Данные ДМ также выполняют функцию *хеджирования*, которое принято рассматривать как функционально-прагматическую категорию, смягчающую авторскую позицию в конфронтационной коммуникативной ситуации. *Хеджирование* является объектом изучения в лингвистике со второй половины XX в. Термин *хеджирование* в лингвистику впервые введён американским лингвистом Дж. Лакоффом. По его мнению, *хеджи* – это «слова (по его мнению, *модификаторы*), значения которых имплицитно подразумевают неясность; слова, функция которых заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясным» [Лакофф 1973: 471].

В русистике данный феномен рассматривается с конца XX в. Следует отметить, что *хеджирование* представляется более широким и многогранным понятием, изучается в различных типах дискурса, его коммуникативная релевантность и способы реализации всё ещё не определены до конца. Основные положения изучения данного феномена отражены в исследованиях таких учёных, как А. П. Марюхина, А. Н. Баранов, В. Намсараев, Г. А. Осипов, О. Г. Горина, В. М. Глушак, О. Д. Пастухова, Е. М. Ручкина и т. д.

О. Д. Пастухова рассматривает *хеджирование* в рамках современного русского и английского политического дискурса и определяет его как «прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счёт представления предметов и явлений нечёткими и неоднозначными» [Пастухова 2019: 10]. По её мнению, *хеджи* являются разновидностью функциональных эвфемизмов, которые позволяют избегать

коммуникативных рисков или конфликтов, а также завуалировать факты, за счёт ослабления иллюкативной силы высказывания, смягчения пропозиции. На материале русского политического дискурса к наиболее частотным хеджам относятся модальные слова (например, *пожалуй, видимо, может быть* и др.), глагол «мочь» в сочетании с неопределённой формой глагола (например, *может разразиться, можем сделать* и др.) и эпистемические глаголы в форме 1-го лица единственного числа (например, *я считаю, я полагаю* и др.) [Пастухова 2018: 99]. Что касается материала нашего исследования, то можно отметить, что не все выделенные средства могут быть хеджами-эвфемизмами, поскольку некоторые из них эксплицитно выражает и усиливает авторскую позицию (например, *вряд ли, маловероятно, скорее всего, я глубоко убеждён, без всяких сомнений, я сомневаюсь* и др.).

Итак, ДМ – это объединение различных разрядов языковых единиц, функционирование которых направлено на формирование тех или иных жанров дискурса. Хеджирование можно рассмотреть как одну из вспомогательных функций некоторых ДМ, выступающих в качестве хеджей, которые способствуют имплицитному выражению авторского мнения и смягчению выражения авторской позиции в определённой коммуникативной ситуации, также позволяют избежать или уменьшить коммуникативные конфликты или риски.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что *дискурсивный маркер* представляет собой отдельный класс языковых единиц (лексические, синтаксические, интонационные) для организации коммуникации, реализующие функции субъективной и объективной модальности, отражающие дополнительную и вспомогательную информацию, и предназначенные для построения дискурса и достижения коммуникативной цели. В современных исследованиях выявляются следующие доминирующие функции ДМ:

- 1) Эпистемическая: с помощью ДМ выражается отношение говорящего к высказыванию на различных степенях достоверности и недостоверности;
- 2) Авторизующая: это указание на происхождение информации;

- 3) Метатекстовая: это указание на способы построения высказывания;
- 4) Функция коммуникативного членения текста, т.е., фиксации коммуникативно-смысловых фрагментов, установления логических, причинно-следственных, телеологических связей между ними;
- 5) Фатическая – служащая для установления и поддержания контакта с собеседниками общения [Ширяева 2013: 148].

Таким образом, *дискурсивные маркеры* выражают разные типы субъективной или объективной модальности в разных видах медиадискурса, в том числе и в информационно - аналитическом. При образовании тех или иных форм медиаобщения средства выражения эпистемической модальности и оценки могут быть дискурсивными маркерами, которые выполняют ряд доминирующих функций для выражения собственного авторского отношения к сообщаемому, также для структурирования медиаобщения; кроме того, частные ДМ могут быть хеджами, которые функционируют для избегания коммуникативных рисков и создания комфортной атмосферы коммуникации.

1.4. Эпистемическая модальность как способ реализации коммуникативной стратегии в современном русском медиадискурсе

Как сказано выше, *медиадискурс* как особый вид коммуникации включает в себя процесс речевого общения, также и его результат, в структуре медиадискурса присутствуют собственно лингвистические и экстралингвистические параметры. При этом при формировании данного типа дискурса проявляется не только введение того или иного сведения, анализ и результат его обсуждения, но также и представляется сам процесс речевого общения между коммуникантами, который направлен на достижение определённой коммуникативной цели. Следует отметить, что для формирования дискурса в медийном пространстве характерна цельность, т. е. речевая деятельность в этой сфере имеет определённую коммуникативную цель, процесс формирования дискурса принято рассматривать как процесс достижения коммуникативных целей всех участников в дискурсе. При этом в медийной сфере категория *эпистемическая модальность* играет важную роль, с помощью её средств

выражения говорящий может оказывать воздействие на аудиторию и достигать максимального коммуникативного эффекта. Итак, в рамках данного исследования *эпистемическая модальность* рассматривается как один из способов реализации коммуникативных стратегий при формировании современного медиадискурса.

В современной лингвистике понятие *коммуникативная стратегия* трактуется, по меньшей мере, разнообразно. В общем смысле данное понятие представляет собой определённую последовательность коммуникативных действий одного из коммуникантов в ситуации речевого общения, в которой лежит план речевых поведений, направленный на достижение как глобальной, так и локальной коммуникативной цели.

В рамках когнитивных лингвистических исследований термин *стратегия* впервые введён Т. А. ван Дейком и У. Кинчем для дискурсивного анализа. При когнитивном подходе коммуникативная стратегия определяется как характеристика когнитивного плана общения, совокупность когнитивных операций, связывающаяся с восприятием дискурса и являющаяся стратегией понимания и интерпретации смысла. Следует отметить, что данный когнитивный план осуществляется в самом процессе построения дискурса и на композиционной структуре дискурса, и в данном когнитивном плане представлены последовательные действия, которые взаимодействуют друг на друга и направлены на достижение определённой цели [ван Дейк 1989:54]. В рамках дискурсивного анализа русский исследователь В. И. Карасик замечает, что реализация коммуникативной стратегии также обусловлена ходами речевого общения и жанром дискурса, и определяет данное понятие как «последовательность интенций речевых действий, реализуемая в конкретной последовательности коммуникативных ходов, определяемая целями дискурса и реализуемая в его жанрах» [Карасик 1999: 3].

Также с когнитивной позиции О. С. Иссерс в работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» определяет коммуникативную (или речевую) стратегию как план общения, который осуществляется с помощью различных

комбинированных способов, и комплекс речевых действий, направленных на достижение и решение коммуникативной цели коммуникантов. Автор отмечает, что слово «стратегия» первоначально употребляется в военной области, и означает искусство ведения крупных операций и войны, в основе этого термина присутствует идея планирования действий, которые соотносятся с социальной конфронтацией и противоборством. При этом автор полагает, что важнейшим параметром коммуникативной стратегии является планирование процесса речевого общения в зависимости от конкретных условий общения и личностей каждого его участника (адресантов и адресатов), а также реализация запланированных действий речевого общения [Иссерс 2008: 54-109]. Важно отметить, что планированием речевого общения является не только создание высказывания на языковом уровне, а также линия речевых действий, выполняющих воздействующую функцию. В его другой работе автор указывает, что речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, в основе которого лежит выбор «оптимальных языковых средств», направленный на достижение целей высказывания и коммуникации для заинтересованной стороны [Иссерс 1999: 67].

В современной русистике *коммуникативная стратегия* также рассматривается в русле прагматической лингвистики, в рамках которой главную роль играет речевое поведение. А. П. Сковородников определяет изучаемое понятие таким образом: «Коммуникативная стратегия – это общий план, или вектор, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [Сковородников 2004: 6].

Рассмотрев различные определения коммуникативной стратегии, можно обобщить, что существенным признаком является планирование коммуникативных действий, при этом следует говорить о готовности плана общения в информационно - аналитическом медиадискурсе. Существует множество жанров,

относящихся к данному изучаемому дискурсу, в том числе традиционные жанры – газетная статья и интервью, более новые – подкаст и видеоблог, в которых представлены разные степени готовности планирования речевых поведений. Можно отметить, что в газетном варианте высочайшая степень готовности планирования, поскольку между коммуникантами (автором и читателем) не имеется прямая связь, до начала общения весь план автора уже реализован в виде текста, в структуре которого представлены выбранные автором языковые средства для достижения определённой цели. Что касается жанров подкаста и видеоблога, то необходимо упомянуть спонтанность речевых поведений, поскольку общение в таких случаях может быть частично спонтанным или полностью спонтанным. При таком общении участники должны подобрать подходящие вербальные или невербальные средства для достижения цели за достаточно краткое время, при этом здесь готовность планирования невысокая.

Во многих лингвистических исследованиях различаются понятия *коммуникативная стратегия* и *коммуникативная тактика*, которые представляются смежными и взаимосвязанными.

По мнению О. С. Иссерс, интересующие нас понятия рассматриваются в родовидовом отношении. Автор замечает, что *стратегия* и *тактика* взаимосвязаны с основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, поэтому стратегия является «когнитивным планом общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра», а коммуникативная тактика представляет собой конкретные речевые действия, с помощью которых реализуется коммуникативная стратегия [Иссерс: 2008: 110].

В. Б. Кашкин рассматривает коммуникативную тактику как комплекс конкретных ходов коммуникативного общения и даёт следующую дефиницию: «коммуникативная тактика – более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных

коммуникативных намерений» [Кашкин 2000: 132].

Указывая на поэтапные интенции общения, в Словаре лингвистических терминов под понятием коммуникативной тактики понимается «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия. Коммуникативная тактика соотносится с выполнением отдельных шагов по воплощению каких-либо частных целей» [СЛТ, 157].

Таким образом, *коммуникативная стратегия* и коммуникативная *тактика* взаимосвязаны, принято их рассмотреть в родо-видовом отношении. *Стратегия* – комплекс запланированных речевых действий, направленных на достижение и решение коммуникативной цели коммуникантов, и осуществляемых с помощью комбинированными способами; что касается *тактика*, то она представляется совокупностью коммуникационных приёмов, направленных на достижение частных интенций на отдельном этапе общения.

Можно отметить, что в современной лингвистической литературе классификация коммуникативной стратегии представляется дискуссионной. Разнообразие выделения стратегических целей определяет многочисленность типов стратегии, поскольку исследователи рассматривают данную проблематику по разным основаниям и в разных типах дискурса.

О. С. Иссерс в своей работе представляет классификацию по степени «глобальности» коммуникативной цели. По мнению автора, в лингвистическом плане коммуникативные стратегии являются специфическими способами речевого поведения, которые реализуются глобальным намерением коммуникантов. При этом выделяются исследователем общие и частные стратегии. Общие стратегии используются для «достижения более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т. п.), а частные – для «характеристики конкретного разговора с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т. п.)» [Иссерс 2008: 105]. Автор также замечает, что общие и частные стратегии взаимосвязаны, поскольку общие стратегии могут быть реализованы с помощью частных. Например, «общая

стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки» [Иссерс 2008: 105].

Также О. С. Иссерс предлагает классификацию типов общих стратегий с точки зрения функций, выделяются основные (семантические или когнитивные) и вспомогательные стратегии. К основным стратегиям автор относит те стратегии, которые «на определённом этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей». В связи с этим основные стратегии обусловлены «воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение». А вспомогательные стратеги, по мнению исследователя, «способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Иссерс 2008: 106]. Вспомогательные стратегии в зависимости от задачи коммуникации также подразделяются на прагматические (построение имиджа, формирования эмоционального настроения), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой), и риторические (привлечение внимания, драматизация).

Итак, в классификации О. С. Иссерс проявляется условность и противоречивость, в самой работе автор указывает, что выделенные типы стратегии взаимосвязаны и влияют друг на друга, между этими типами стратегии также наблюдается функциональная общность.

Учитывая коммуникативные цели, осуществляемые в современном русском и китайском медиадискурсе, в рамках нашего исследования можно выделить два общих типа стратегии: стратегии информирования и аналитики. Стратегией информирования можно назвать стратегию, которая осуществляется для достижения коммуникативной цели – сообщить, и эпистемическая модальность способствует передаче информации с определённой долей достоверности/недостоверности, при этом можно выделить такие частные стратегии, как стратегии предположения и утверждения.

В данном типе медиадискурса также реализуется стратегия аналитики, с помощью которой говорящий выражает собственное личное мнение о

высказывании и даёт оценку высказанному. В данном случае эпистемическая модальность функционирует для осуществления стратегий дискредитации и убеждения. При выражении эпистемической модальности некоторые языковые средства несут на себе сильный отрицательный оттенок, можно назвать такую ситуацию как «отрицание в форме сомнения», при этом принято выделять тактику отрицания для формирования стратегии дискредитации. При анализе с помощью эпистемической модальности также достигается стратегическая цель – убедить других коммуникантов, поскольку некоторые средства выражения данного типа модальности имеет утвердительное значение. Итак, выражение эпистемической модальности представляет собой важный компонент в современном русском и китайском медиадискурсе, поскольку данная категория способствует осуществлению как общей, так и частной стратегии, направленных на достижение определённых коммуникативных целей коммуникантов.

Таким образом, *коммуникативная стратегия* представляется необходимой при формировании коммуникации в сфере современного медиадискурса, с помощью которой достигаются коммуникативные цели участников. А коммуникативной тактикой является комплекс конкретных речевых поведений, которые направлены на осуществление поэтапных намерения коммуникантов. В рамках данного типа общения категория эпистемической модальности представляет собой один из важнейших способов реализации коммуникативной стратегии, в которой содержится когнитивный, лингвистический и прагматический план.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

В современном русском языке *модальность* представляет собой одну из главнейших антропоцентрических категорий, которая изучается при функционально-семантическом подходе, выражение которой является важным компонентом высказывания при формировании современного медиадискурса, поскольку при помощи данной категории в дискурсе передаётся как объективное,

так и субъективное отношение коммуниканта к содержанию высказывания и соотносительности высказывания с окружающей действительностью.

Эпистемическая модальность рассматривается как один из типов категории модальности. В русистике категория эпистемической модальности определяется как главная разновидность категории субъективной модальности, выражающая отношение коммуниканта к высказанному по шкале достоверности/недостоверности.

Выражения эпистемической модальности – важные модусные компоненты любого высказывания, при формировании медиаобщения в современном русском и китайском обществе они выступают в качестве дискурсивных маркеров, которые, с одной стороны, выражают собственное авторское мнение и видение, с другой стороны, организует коммуникативное действие – медиадискурс.

Понятие *дискурс* имеет междисциплинарный характер, его принято рассматривать как особый тип речемыслительной деятельности, которая синтезирует одновременно как процесс, так и результат данной деятельности, обладает собственно лингвистическими и экстралингвистическими параметрами.

Медиадискурс – центральный предмет медиалингвистики, он является особой разновидностью дискурса, одним из видов коммуникации, представляющим в единстве процесса и результата вербализованной речемыслительной деятельности в рамках медийного пространства, и обладающим как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. В свою очередь *медиатекст* также является центром изучения в медиалингвистике и определяется как дискретная единица медиадискурса, показывающая результат медийной коммуникации, структурируя поток информации в процессе формирования данного типа коммуникации.

При формировании современного русского медиадискурса категория эпистемической модальности представляет собой один из способов реализации коммуникативной стратегии, учитывая глобальные медийные коммуникативные цели, изучаемая категория способствует осуществлению таких общих

коммуникативной стратегий, как *стратегия информирования и стратегия воздействия*. Также выделяются следующие частные стратегии, представляющие собой отдельные стадии реализации общей стратегии: *стратегии предположения и утверждения, стратегии дискредитации и убеждения*.

Понятие *модальность* – общая языковая категория, присутствующая в языках различных типов; модальность может быть выражена иными средствами. Так, в китайском языке представляется иное понятие изучаемой категории. В современной китаистике в рамках категории модальности различаются два близких понятия: 语气 ‘тон, интонация, наклонение, модальность’ (*yǔqì*) и 情态 ‘настроение, эмоция, модальность’ (*qíngtài*). Можно определить первое понятие с точки зрения коммуникации и грамматики, и выделить повествовательный, вопросительный, побудительный и восклицательный типы наклонения, которые подобны функциональным типам предложений в русской лингвистике; что касается второго понятия, то оно представляется семантической категорией и выражает как объективное, так и субъективное отношение говорящего к окружающему миру при помощи различных средств. В китайском языке также выделяется категория 认知情态 ‘эпистемическая модальность’ (*rènzhī qíngtài*) как один из подтипов категории модальности, которая связана с сознанием коммуниканта и с помощью которой отражается субъективное отношение к содержанию высказывания или событию по признаку реальности/ирреальности или достоверности/недостоверности. Полагаем, что преподавателю русского языка как иностранного, работающему с китайскими учащимися, полезно иметь представление об этих особенностях, чтобы процесс овладения русскоязычной коммуникацией проходил успешнее.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

2.1. Статья, интервью, подкаст и видеоблог как материал для анализа функционирования средств выражения эпистемической модальности

Для анализа функционирования средств выражения субъективной модальности в современном медиадискурсе мы обратились к различным источникам материала. Во-первых, представляется важным выбрать актуальные для современного человека жанры; во-вторых, нужно учитывать, что не все медиажанры предполагают частое появление средств субъективной модальности.

Газета остаётся важнейшим источником ежедневной информации, при этом электронная форма существования газеты превращает её жанры в гибридные. Газетные статьи и интервью демонстрируют, как журналист и приглашенный эксперт относятся к обсуждаемой проблеме – следовательно, это один из типов текстов, которые важно привлечь к анализу с целью наблюдения за функционированием средств субъективной модальности.

Сегодня человек часто предпочитает слушать, а не читать СМИ. Подкасты стали частью повседневной жизни нашего современника. Для нашего исследования важно, что подкаст даёт возможность наблюдать за тем, как автор или его собеседники выражают своё отношение к обсуждаемому предмету и к окружающему миру в целом.

Случается, что мы хотим получить информацию, глядя на говорящего, при этом в силу ряда социальных и технологических причин обращаемся не к ТВ-шоу, а к многообразным видеоблогам [Медведева, 2021]. Видеоблог, как и подкаст, позволяет анализировать подготовленную устную речь автора и приглашенных им гостей, при этом выражение субъективного отношения к окружающему миру – именно то, что привлекает адресатов к этому медиажанру.

Для нас было важно, чтобы газета, подкаст, видеоблог отвечали следующим

критериям:

- были адресованы массовому адресату, имели высокий рейтинг популярности;
- признавались качественными СМИ (авторы и приглашенные гости демонстрируют отличное владение русским литературным языком);
- были ориентированы примерно на одну целевую аудиторию;
- позволяли анализировать речь разных субъектов, т. е. в подкасте и видеоблоге должны появляться приглашенные гости.

Рассмотрев различные медиапродукты, мы остановились на газете «Коммерсант», подкасте «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблоге «А поговорить?», как на материале, отвечающем заданным критериям отбора. Авторитетность выбранной газеты не подлежит сомнению; подкаст посвящён функционированию русского языка, его авторы (главный редактор «Грамоты.ру»³, научный сотрудник Института русского языка РАН Владимир Пахомов⁴ и журналист Александр Садиков⁵) выбирают интересные для широкой аудитории проблемы, приглашают людей, создающих оригинальный речевой продукт. О популярности и широкой аудитории этого медиапроекта свидетельствует возможность послушать его архивные выпуски на платформе «Литрес»⁶. Видеоблог ведёт журналист Ирина Шихман⁷, о её высоком профессиональном и зрительском рейтинге говорит упоминание этого блога в научных исследованиях [Медведева 2021:262]. Ведущая приглашает экспертов в разных областях жизни, соответственно, каждый выпуск посвящен какой-либо современной проблеме.

Методом сплошной выборки были отобраны материалы, в которых мы

---

³ Полное название «Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ» – интернет-портал, посвящённый русскому языку;

⁴ Пахомов Владимир Маркович – Научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Главный редактор портала «Грамота.ру». Председатель Филологического совета всероссийской акции «Тотальный диктант»;

⁵ Садиков Александр – Шеф-продюсер студии «Техника речи». Автор и ведущий подкаста «Розенталь и Гильденстерн»;

⁶ «Литрес» – крупнейший представитель рынка электронных книг и аудиокниг в России и странах СНГ;

⁷ Ирина Шихман – Российская журналистка, телеведущая, видеоблогер, ведущий видеоблога «А поговорить?». 18 ноября 2022 года Минюст России внёс Шихман в список физических лиц — «иностранных агентов».

отметили присутствие средств выражения субъективной модальности: 80 статей и интервью из газеты (153 случая употребления средств выражений эпистемической модальности); 7 выпусков подкаста (175 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности); 6 выпусков видеоблога (148 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности). Полагаем, что результаты нашего анализа можно рассматривать как объективную картину, показывающую функционирование интересующих нас средств в современном медиадискурсе.

2.2. Типовые языковые средства выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе

В эпоху информации формируется новейшее медийное пространство, которое охватывает различные социальные сообщества; в нём сохраняются традиционные источники информации и благодаря развитию современных технологий создаются новые каналы передачи тех или иных сведений. При этом медиадискурс представляет собой социальную гиперкоммуникацию, происходящую в единстве процесса и результата вербализованной речемыслительной деятельности, обладающую как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. Главная функция современного медиадискурса – это оказать воздействие на аудиторию, чтобы создать определённое общее мнение у адресата, в связи с этим выражение эпистемической модальности как модусный компонент высказывания играет важную роль для формирования современного русского медиадискурса, поскольку реализация данной категории представляет собой «особую ментальную операцию, которая позволяет адресанту понять окружающую действительность, выработать своё отношение к ней и донести своё собственное мнение до адресата» [Нагорный 2010: 43]. По нашему наблюдению, при формировании высказывания в различных медиажанрах проявляются многочисленные субъективно-модальные значения, такие как уверенность, утверждение, предположение, сомнение, оценочно-эмоциональное значение, логическое значение, эвиденциальное значение,

значение обычности и др.

Выражение эпистемической модальности встречается в медиадискурсе очень часто, не удивительно, что и в русском, и в китайском языке имеется большой набор языковых средств, которые расположены на разных языковых уровнях; рассматривать категорию эпистемической модальности принято с функционально-семантической позиции. По мнению множества исследователей [В. Г. Адмони 1964, А. В. Бондарко 1990, Е. И. Беляева 1990, И. Г. Никольская 2009, Е. Н. Орехова 2011 и др.], описание функционально-семантического поля эпистемической модальности представляется в ядерно-периферийной модели, в ядро входят лексические, лексико-грамматические и словообразовательные средства; к периферии относятся другие средства, как грамматические (морфологические и синтаксические), так и интонационные.

Опираясь на общую структуру ФСП субъективной модальности, мы предполагаем, что выделенные из современного медиадискурса разноуровневые вербализованные средства также могут быть представлены в ядерно-периферийной структуре, при этом к ядру следует отнести такие группы лексических средств, как вводное слово, модальная частица, ЛСГ разных частей речи с изучаемой семантикой; к периферии – сослагательное наклонение и различные синтаксические единицы. Все указанные средства, демонстрирующие модальные значения достоверности/недостоверности, независимо от их расположения на различных языковых уровнях, взаимодействуют между собой. Наш анализ материала показывает, что лексическая единица как господствующее средство располагается в основе любой интонационно оформленной синтаксической конструкции, однако на семантику лексической единицы непосредственное воздействие оказывает как интонация, так и структура той или иной синтаксической конструкции.

Необходимо отметить, что при анализе материала мы исходили из семантического принципа («от значения к форме»), т. е. подвергали анализу все контексты, в которых, по нашему мнению, присутствовала субъективная

модальность. Затем выявленные контексты были классифицированы по формальному признаку, т. к., во-первых, такое представление кажется нам более оправданным для диссертационного исследования, а во-вторых – именно презентация языкового материала «от формы к значению» оказывается востребованной в иностранной аудитории при изучении русского языка. Этими соображениями объясняется структура второй главы настоящего исследования.

2.2.1. Лексические средства выражения эпистемической модальности

Лексические единицы как ядерные способы выражения эпистемической модальности являются наиболее яркими показателями собственного отношения коммуниканта в тех или иных контекстах современного русскоязычного медиадискурса. На материале можно сделать вывод о том, что лексические средства представляют наиболее объёмную группу, частотность их употребления распределяется следующим образом (Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3):

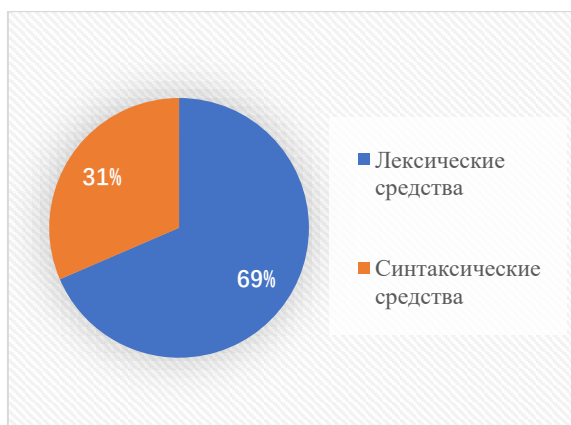

Рис. 1. Частотность употребления лексических средств на материале газеты «Коммерсантъ».

Рис. 2. Частотность употребления лексических средств на материале подкаста «Розенталь и Гильденстерн».

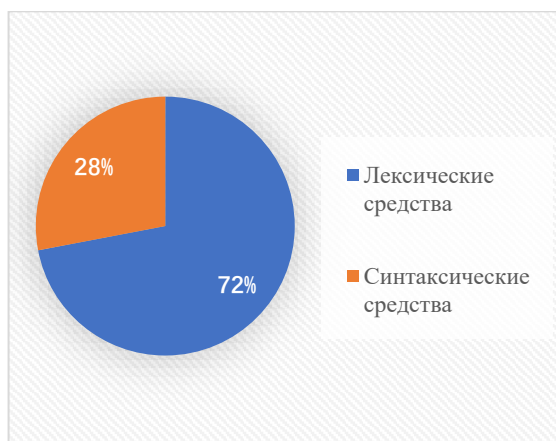

Рис. 3. Частотность употребления лексических средств на материале видеоблога «А поговорить?».

Анализ материала позволяет выделить следующие группы лексических средств выражения эпистемической модальности:

1. Вводное слово.

При выражении различных модальных значений, располагающихся на шкале достоверности/недостоверности, с наиболее высокой частотностью употребляются группа вводных единиц. В эту группу входят наиболее разнообразные языковые единицы – слово, словосочетание и конструкция: *конечно, действительно, безусловно, пожалуй, возможно, похоже, наверно (наверное), вероятно, разумеется, допустим, по-моему, по-видимому, скорее всего (скорее), по крайней мере, казалось бы, может быть (может), правда, что..., кажется, что..., мне кажется, что....*

Рассмотрим примеры: «— *Шмоткесса – классное слово, на самом деле, феминитив такой, который вызывает одновременно и уважение, и улыбку при этом. Кто это придумал? Почему вы решили это использовать? Почему, я не знаю, не «шмотки», не какая, ещё какой-нибудь суффикс? Что за «шмоткесса»? — Я думаю, вы знаете, производная от всяких принцесс, **возможно**, ещё что такое добавилось, а «шмот», там в шестнадцатых, восемнадцатых, это же просто главное слово было вообще, фэшн-индустрии, и поэтому соединение такое, и вроде бы за «шмот», но вроде бы что-то не рыцарское, но около королевского...» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.04.2021]. В этом примере*

представлен фрагмент диалога между Чумой Вечеринкой⁸ и ведущими подкаста. Здесь Чума Вечеринка информирует об образовании слова *шмоткесса*, и с помощью вводного слова *возможно* даёт предположение, что суффикс *-есс-* имеет ещё другое значение.

«Увеличение числа заболевших на несколько сотен человек ещё ни о чём конкретном не говорит, однако любая волна начинается с медленного роста, отмечает заведующий лабораторией Института молекулярной генетики РАН Константин Северинов. «Если следовать официальной статистике, в течение трёх последних недель у нас наблюдается некий стазис. Количество положительных результатов по ПЦР-тестам не увеличивается, но остается тем не менее выше, чем было год назад, когда, казалось бы, был жесткий локдаун, — говорит “Ъ” господин Северинов. — С другой стороны, мы имеем 4 млн человек, которые заразились коронавирусом в течение года, и около 7 млн полностью привившихся. Получается, есть 11 млн человек, которые, можно считать, от вируса в ближайшее время защищены. Оставшиеся 134 млн, по-видимому, с инфекцией еще не сталкивались и в отсутствие активной вакцинации, безусловно, переболеют» [Газета «Коммерсантъ», №77/В от 11.05.2021]. В этом контексте вводные слова отражают разные степени уверенности: в первом случае автор даёт предположение, что такое количество людей не сталкивается с инфекцией коронавируса и не под защитой вакцинации; а во втором случае автор убеждает, что эти люди переболеют.

2. Модальная частица.

Среди лексических средств наиболее ярким выразителем представляется класс модальных частиц. При выражении данной изучаемой категории в контекстах медиадискурса присутствуют следующие модальные частицы: *ага, ещё бы, вроде (бы), вроде как, как бы, будто (бы), вряд (ли), навряд ли, разве, что ли, неужели, ли, неужто, якобы, едва ли (не), авось, небось*.

---

⁸ Чума Вечеринка – известная блогер, настоящее имя которой Виктория Чуманова. Создатель известного YouTube-канала «Луи Вагон», а также автор одноименного канала о моде, размещенного на площадке Яндекс.Дзен.

Например, «По данным специализирующейся на кибербезопасности Cybereason, DarkSide требует от покупателей согласиться на своего рода договор: не применять полученные вирусы против больниц, хосписов, школ, моргов, крематориев, похоронных бюро, университетов, некоммерческих организаций, органов власти, а также компаний, которые производят и распространяют вакцины от COVID-19. Под защитой также **якобы** компании на территории бывшего СССР» [Газета «Коммерсантъ», №77/В от 11.05.2021]. В этом случае модальная частица *якобы*, которая характерна для книжной речи, представляет собой выразитель эпистемической модальности, с помощью которого проявляется неуверенность автора в точности вводимой информации.

«— Вот как мы с тобой можем рассуждать, почему в школе не любят диктанты? — Просто, потому что в школе в принципе ученики не любят никакие формы проверки. — Но это муштра, да, это муштра, это какое-то не очень интересное упражнение, плюс для многих это связано с перспективой получить не очень хорошую оценку, поэтому **вряд ли** это может вызывать какой-то энтузиазм» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 23.11.2022]. Данный пример является фрагментом обсуждения между ведущими подкаста — А. Садиковым и В. Пахомовым. В речи последнего выражается семантика сомнения при помощи употреблении модальной частицы *вряд ли*, которая несёт на себе сильный отрицательный оттенок, и выражается негативное отношение говорящего к диктанту, более того, высказанное действие, по мнению говорящего, не может быть реализовано.

3. Лексико-семантические группы глаголов, прилагательных и страдательных причастий, наречий с семантикой достоверности/недостоверности.

1) Лексико-семантическая группа глаголов, несущих семантику достоверности/недостоверности:

На материале различных типов современного медиадискурса видно, что модальность достоверности также непосредственно выражается с помощью

модальных глаголов. К анализу были привлечены 10 глаголов: *сомневаться/не сомневаться, верить/не верить, доверять/не доверять, думать/не думать, утверждать, предлагать, бояться, опасаться, беспокоиться, подозревать*.

Приводим примеры: «*«Я боюсь, мы не сможем дать исчерпывающий перечень организаций, которые нужно прописать в законе»*, — ответила вице-премьер, предложив «*доверять руководителям регионов*», где будут приниматься решения об ограничениях» [Газета «Коммерсантъ», №230 от 17.12.2021]. В этом примере неуверенность ярко выражается в прямой речи вице-премьера с помощью глагола *бояться*, который с одной стороны, является показателем эпистемической модальности, с другой стороны представляется опорным словом употребляемой в контексте сложной синтаксической конструкции.

«*Сроки проведения переписи привлекли внимание парламентской оппозиции. В первых числах марта “Ъ” стало известно, что первый секретарь Московского горкома КПРФ Валерий Раикин направил депутатский запрос премьеру Михаилу Мишустину, министру экономики Максиму Решетникову и Элле Памфиловой. Он опасался, что проведение переписи в эти сроки создаст «серьезные помехи» для кампании по выборам в Госдуму, намеченным на 19 сентября. <...> Вице-спикер Госдумы от ЛДПР Игорь Лебедев тогда заявил, что проведение переписи одновременно с выборами приведет к путанице. Зампред «Яблока» Иван Большаков подозревал, что перепись назначили на сентябрь, чтобы «мобилизовать зависимый электорат»» [Газета «Коммерсантъ», №84 от 20.05.2021]. В этом контексте эпистемическая модальность проявляется в косвенной речи секретаря Московского горкома КПРФ Валерия Раикина и зампреда «Яблока» Ивана Большакова, при этом дважды употребляются глаголы, предающие уверенность в разных степенях и присутствующие в структуре сложноподчинённых конструкций. В первом случае глагол *опасаться* выражает наиболее высокую степень возможности с точки зрения коммуниканта, что проведение переписи в это время повлияет на выборы в Госдуму для этой компании; а во втором случае глагол *подозревать* отражает сильнейшее сомнение в*

номинально заявленной цели переписи.

2) Лексико-семантическая группа прилагательных и страдательных причастий, несущих семантику достоверности/недостоверности:

В эту группу включено 8 единиц: *уверенный/не уверенный, вероятный/невероятный, возможный/невозможный, убеждённый, сомнительный, подозрительный, спорный и неопределённый*. Необходимо отметить, что при выражении эпистемической модальности данные единицы могут употребляться в их полной или краткой форме.

Рассмотрим примеры: «— *Что вы имеете в виду по поводу того, что у нас происходит? Что вас не устраивает?* — <...> *Я скажу не очевидную вещь, но я в ней глубоко **убеждён**, что даже сталинское время было не случайным, и вина за это страшное время лежит не только на Сталине, она лежит на тех, кто готов был его принять, кто его ждал, и это было довольно большое количество людей, но тут большого и не надо, общество может быть заряжено небольшой группой*» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. Представленная реплика является фрагментом интервью с писателем Е. Г. Водолазкин⁹ про Средневековье. Употребляется краткая форма прилагательного *убеждён* для того, чтобы передать семантику *убеждённость* другим коммуникантам и оказать воздействие на них. Более того, наречие *глубоко* усиливает данную модальность, чтобы достигнуть максимального воздействующего эффекта.

«*И ещё одна абсурдная ситуация. Нет, не одна. В 2015 году “Ъ” сообщил, что детские онкологи опасаются использовать дженерики — они не **уверены** в их действии, нет сравнительной базы*» [Газета «Коммерсант», №240, 27.12.2019]. В этом примере передается общее мнение, что действия дженериков небезопасны (сомнение в безопасности). Для этого употребляется краткая форма прилагательного (*не*) *уверенный*, которая выражает семантику сомнения в наиболее высокой степени.

---

⁹ Евгений Германович Водолазкин – русский писатель и литературовед.

3) Лексико-семантическая группа наречий, несущих семантику достоверности/недостоверности:

К этой группе относится 12 слов: *несомненно, верно, действительно, наверняка, точно, обязательно, именно, совершенно, очевидно, абсолютно, ясно/не ясно, маловероятно.*

Например, «— ... *есть вопрос цифровой зависимости, да, и гаджетозависимости, то есть там всё сложнее, быть с собой без гаджета, да, в любую свободную минуту человек хватается за гаджеты, и формируются так называемые положительные связи, вот условно-рефлекторные, действительно стали, вот такой частью нашего существования <...>*» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 16.09.2020]. Данный пример представляет собой фрагмент обсуждения ведущим видеоблога и психотерапевтом А. В. Курпатовым¹⁰ темы «Гаджет в жизни современного людей». С помощью наречия *действительно* психотерапевт утверждает, что данные положительные связи стали частью жизни людей.

«— *В Тиктоке. — Везде! Да, вы наверняка видели канал «Луи Вагон», где-то у людей спрашивают, что на них надето, сколько это стоит, вот, может быть, кто-то по наводке Наташи Гридиной, из подкаста чего посмотреть, смотрел шоу «Холостяк»*» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.04.2022]. Здесь представлено начало выпуска подкаста, наречие *наверняка* привносит семантику «уверенность», и с его помощью ведущий утверждает, что все слушатели подкаста знают канал «Луи Вагон»¹¹, ведущей которого является Чума Вечеринка.

Таким образом, на материале современного российского медиадискурса мы можем увидеть, что при выражении эпистемической модальности используются разные группы лексических средств, представляющие собой ядерные компоненты в функционально-семантическом поле достоверности\недостоверности, и

---

¹⁰ Андрей Владимирович Курпатов – президент Высшей школы методологии, основатель интеллектуального кластера «Игры разума», создатель современной модели психотерапии;

¹¹ «Луи Вагон» – канал о моде. Его ведущий – Чума Вечеринка.

присутствующие в структуре других способов выражения данного типа модальности. Необходимо отметить, что выделенные лексические средства указывают на семантику эпистемической модальности в разной степени, кроме того, в разных контекстах данные единицы могут нести на себе оттенок утверждения или отрицания. Среди перечисленных лексических средств большинство функционирует для передачи собственно авторского мнения, и для реализации коммуникативной воздействующей стратегии, чтобы у аудитории сформировалось общее мнение.

2.2.2. Грамматические средства выражения эпистемической модальности

В функционально-семантическом поле достоверности/недостоверности одними из периферийных средств представляются синтаксические единицы, обладающие более осложнённой структурой. В рамках данной работы обнаружены следующие грамматические способы:

1. Сослагательное наклонение глагола.

*«— Хочу с вами представить себя в средние века (вау! – в это время говорит медиевист), во-первых, 5 главных отличий средневекового человека от современного. — Но и боюсь, что у вас не было **бы** ютуб канала, даже не потому что как бы не было электроники соответствующей, потому что как-то, как-то, вот так, вы сама по себе (Женщина – говорит Ирина Шихман). Да, ну то есть вы могли, вы могли вполне обладать голосом, но с благословения какого-то мужчины (Ага – говорит Ирина Шихман). Понимаете? Это, наверное, первое отличие. Ничего личного! Значит, что ещё вы **бы** точно верили в христианского бога, потому что не знаю, как и во что вы верите, и вы **бы** верили в христианского бога, наверное, раз в год минимум вы **бы** исповедовались. А наша жизнь была **бы** более подчинена вообще всяким ритмам, не только, а литургическим, да богослужебным, воскресенья там в церкви, а вообще всё, всё более ритмично, мне кажется, было» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. Данная реплика представляет*

собой часть разговора ведущего видеоблога и медиевиста О. С. Воскобойникова¹², в высказываниях медиевиста присутствует комплекс языковых средств выражения эпистемической модальности, в том числе сослагательное наклонение, с помощью которого отражается собственно авторское предположение и указывается на определённую долю неуверенности. В данном случае говорящий предполагает, какие отличия средневекового времени от нынешнего существуют, в фразах «боюсь, что у вас не было бы ютуб канала», «ещё вы бы точно верили в христианского бога» и «жизнь была бы более подчинена всяким ритмам» сослагательное наклонение является одним из показателей уверенности/неуверенности и отражает разные степени неопределённости.

«Диетолог Алексей Ковальков уверен, что основная проблема — в отсутствии знаний о том, как и почему нужно питаться правильно: «Если бы дети были в этом плане грамотные, они бы, и сидя дома, знали, что нужно есть»» [Газета «Коммерсантъ», №78 от 12.05.2021]. В данном примере представлена косвенная и прямая речь диетолога, с помощью сослагательного наклонения отражается сильное сомнение диетолога в том, что у современных детей есть знания о правильном питании.

2. Риторическая вопросительная конструкция.

Для выбранных источников риторический вопрос является более частотным средством выражения модальности достоверности, для газетной статьи данный способ способствует созданию диалогизации в незвучащем тексте, а для подкаста и видеоблога он представляется ярким выразителем эмотивности, зачастую употребляется с восклицательной интонационной конструкцией.

Рассмотрим примеры. *«Но вы уверены, что все Ломоносовы-то? Ну всем нужно было, тогда сто лет назад, всё побросать и идти в университеты?»* [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 16.09.2020]. В данном примере дважды

---

¹² Олег Сергеевич Воскобойников – российский медиевист и переводчик, специалист по культуре и искусству средневекового Запада. Ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Профессор гуманитарного факультета НИУ ВШЭ. Один из авторов «Большой Российской энциклопедии».

употребляется риторическая вопросительная конструкция, чтобы выразить мнение психотерапевта А. Курпатова, что не всем нужно высшее образование и не все могут стать учёными. С помощью риторического вопроса явно выражается авторское утверждение с отрицательным оттенком (то есть говорящий явно высказывает свое сомнение в возможности утвердительного ответа).

Важно отметить, что во многих случаях употребления риторического вопроса также присутствуют лексические единицы – модальные частицы: *ли, или, разве, неужели, что ли, (а) что, если*, которые несут на себе семантику изучаемого типа модальности.

Например, *«А что, если у современного Китая тоже нет никаких огромных идей в отношении Европы? **Что, если** Си Цзиньпин приезжал в Париж просто для того, чтобы делать свою рутинную работу? Что, если те, кто говорят — «Пояс и путь» есть обычный проект долгосрочных инвестиций китайской государственной экономики в логистическое обеспечение своей огромной внешней торговли, и больше ничего — правы?»* [Газета «Коммерсант», №11 17.04.2019]. В этом примере с помощью вопросительных конструкций с модальной частицей *(а) что, если* выражается сильное сомнение в политических действиях главы Китая. В этих вопросах употребляемая частица является ярким показателем данной семантики, более того, указывает сомнение на высшей степени и приносит отрицательный оттенок. Однако сама по себе конструкция относится к анализируемым в данном параграфе грамматическим средствам.

*«**Неужели** ты считаешь, что у тебя какой-то небольшой активный запас? несколько минут назад ты сказал слово «отчуждение», которое я бы вообще не подумал употребить»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 01.03.2021]. В этой реплике с помощью риторического вопроса выражается авторское сомнение в том, что у его собеседника небольшой словарный запас. Можно отметить, что в данной вопросительной конструкции важнейшим компонентом также является модальная частица, которая усиливает семантику сомнения.

3. Сложносочинённое предложение.

При передаче анализируемого типа модальности также используются те или иные сложные синтаксические конструкции, в том числе сложная сочинительная конструкция, в которой центром структуры являются разные типы союзов: *или...*, *или...; не то..., не то...; то ли..., то ли...; не то чтобы (что), но (а)....*

Например, «— *Вот была замечательная история. Сам Амвросий Медиоланский, это в Милане, и пришёл император Феодосии, и было на ипподроме, византийском <...> вот и что-то у него какое-то недоразумение возникло с местным населением, **то ли** его камнями забросали, **то ли** ещё что-то, в общем он упал вниз, приказал истребить всех, кто был на этом ипподроме <...>*» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. Этот пример представляет собой часть рассказа писателя Евгения Водолазкина об истории императора Феодосии. Обсуждая произведение «Оправдание острова», писатель употребляет сочинительную конструкцию с союзом *то ли... то ли...*, указывающую на определённую степень неуверенности в том, что именно произошло у героя рассказа.

«*Многие абхазы до сих пор с болью говорят о том отрезке истории, дипломатично умалчивая о роли Российской Империи в этом переселении. Тогда многим пришлось отсюда уйти. Везли кораблями в Турцию, но доплыли не все — умерли от болезней или бросились за борт в тоске по родине, рассказывают абхазы. Они мечтают вернуть хоть часть потомков сограждан обратно. С этой целью для беженцев из Сирии в Сухуме построили два новых дома. Эти обиды история **не то чтобы** лечит, **но** корректирует*» [Газета «Коммерсант», №43, 05.11.2019]. В этом высказывании авторское мнение изложено с помощью сложной сочинительной конструкции, в которой семантику эпистемической модальности носит противительный градационный союз *не то чтобы, но...*, в этом контексте выражается более высокая степень неуверенности в том, что представленные проблемы решаются со временем с помощью исторического осмысления, автор утверждает, что история корректирует эти вопросы.

4. Сложноподчинённое предложение.

При выражении эпистемической модальности в процессе медийного общения также употребляется сложноподчинённая изъяснительная конструкция, необходимыми составляющими которой являются различные группы опорных слов, располагающихся в главной части конструкции. В связи с этим разноуровневые языковые средства взаимодействуют между собой, в структуре СПП опорным словом представляются те лексические единицы, которые составляют ЛСГ глаголов, прилагательных и наречий с данной семантикой.

Рассмотрим некоторые примеры: *«Вы читаете все эти отзывы под роликами в Ютубе по поводу манеры вашей речи? Бывают ли какие-то хейтеры в этом плане? Как вы на это реагируете? — Знаете, я уверена, что это всё очень прилипчиво, потому что давеча даже мы с подругой шли, и она постоянно говорит, что после встречи со мной всё, я её заедаю. Но это же не только словесное, какое-то сочетание, это же интонационные ряды, это вот, знаете, это подачи сами по себе <...>»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.04.2021]. Данная реплика представляет собой фрагмент разговора ведущего подкаста и Чумы Вечеринки, ведущий задаёт гостье выпуска вопрос о манере ее речи, и в ответе проявляется модальность утверждения, которая отражена при помощи СПП с опорным словом *уверена*. При употреблении указанной конструкции говорящий даёт оценку своей необычной речи, далее приводит доказательство.

«Исполнительный директор «Русбренда» Алексей Поповичев сомневается, что сторонам удастся прийти к компромиссу: в крайнем случае Starbucks и другие просто будут писать «молоко» в кавычках» [Газета «Коммерсантъ», №85 от 21.05.2021]. В этом газетном тексте используются разные способы передачи эпистемической модальности; в начале фрагмента, выражая яркое сомнение в представленной ситуации, говорящий употребляет СПП с опорным словом *сомневаться*, являющимся ядерным компонентом ЛСГ глаголов с семантикой достоверности/недостоверности.

5. Словосочетание и фразеологизированное сочетание.

При выражении тех или иных значений категории эпистемической модальности употребляется множество словосочетаний и сочетаний, которые принято называть коммуникемами, отличающимися от фразеологических единиц. Под понятием коммуникемы В. Ю. Меликян и А. В. Меликян понимают «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, <эта единица> логически и грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающая определенное непонятное смысловое содержание (т. е. не равное суждению), не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и не распространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, стимулирующую, волюнтативную, эмоционально-оценочную, регулятивную, эстетическую, прагматическую и информативную функцию» [Меликян и Меликян 2015: 43]. При этом можно отметить, что коммуникема является особым типом продукта фразеологизации языковых единиц в современном русском языке, она изучается в рамках синтаксиса и характеризуется следующими особенностями: готовность, вариативность, полупредикативность и невозпроизводимость. В рамках данной работы рассматриваются следующие словосочетания: *с уверенностью, с вероятностью, выразить опасение, есть сомнение и оставаться скептиком*; и такие коммуникемы-сочетания: *никаких сомнений нет (не было, не вызывать, не оставаться), Без (всяких) сомнений, Это правда, Под (большим) вопросом и Бог (его) знает.*

1) С уверенностью.

«Как объяснила в ходе брифинга в пятницу Самира Асма, на факте такого расхождения и основано предположение ВОЗ о еще большем числе смертей на настоящий момент. «Пандемия развивается, и точность нашей оценки будет улучшаться. Но на данный момент мы предполагаем, что можно с уверенностью

говорить о нижнем пороге количества смертей 6–8 млн человек», — объяснила она» [Газета «Коммерсантъ», №86 от 22.05.2021]. Здесь в контексте эпистемическая модальность проявляется с помощью словосочетания *с уверенностью*, которое ярко выражает в прямой речи говорящего семантику достоверности.

2) С высокой вероятностью.

«А вот тех, кто был отправлен на расстрел в 1940–1941 годах, с **высокой вероятностью** привозили на вырубку на правом берегу Ордынки» [Газета «Коммерсантъ», №84 от 20.05.2021]. В этом фрагменте газетной статьи говорящий с наименьшей степенью неуверенности сообщает аудитории, что в то время расстрел происходил чаще на правом берегу Ордынки. При этом словосочетание *с высокой вероятностью* является ярким показателем эпистемической модальности в речи говорящего. Данное выражение является неполной, разговорной реализацией литературного выражения «высокая степень вероятности».

3) Выразить опасение.

«19 мая секретарь генсовета «Единой России» Андрей Турчак на совещании у президента по вопросам реализации послания Федеральному собранию неожиданно попросил главу государства перенести основной этап Всероссийской переписи населения, запланированной на август—сентябрь этого года, на октябрь. Он **выразил опасение**, что работу переписчиков и сотрудников избиркомов будут делать одни и те же люди, особенно в малых городах и районах» [Газета «Коммерсантъ», №84 от 20.05.2021]. В этом случае семантика эпистемической модальности проявляется в косвенной речи секретаря генсовета «Единой России» с помощью подчинительной изъяснительной конструкции, центром которой является словосочетание *выразил опасение*, указывающее на определённую долю неуверенности в указанной ситуации.

4) Есть сомнение в чём-либо.

«Операторам нужна биометрическая аутентификация в основном для удаленного заключения договоров, объясняет ведущий аналитик РАЭК Карен Казарян: «Правда, в законе предусмотрена возможность удаленного заключения

договоров только через ЕСБ». По его мнению, если несколько лет назад бизнес думал, что у биометрии есть перспективы, то сейчас в этом есть сомнения» [Газета «Коммерсантъ», №65 от 14.04.2022]. В данном контексте в косвенной речи журналиста употребляется словосочетание *в этом есть сомнения*, которое является дискурсивным маркером, направленным на выражение собственно авторского мнения.

5) Оставаться скептиком.

««Я как был, так и остаюсь большим скептиком насчёт минских соглашений», — отметил эксперт в беседе с “Ъ” [Газета «Коммерсантъ», №83 от 19.05.2021]. В этом контексте намечено собственное мнение политолога о минских соглашениях, для этого употребляется словосочетание *остаюсь большим скептиком*. Центром употребляемого словосочетания представляется слово *скептик*, которое отражает семантику сомнения.

6) Никаких сомнений нет (не было, не вызывает, не остаётся).

«— Как вы считаете, молодой человек в России может осознанно построить политическую карьеру с помощью партии? — Сто процентов. Даже сомнений никаких не вызывает. Таких молодых людей достаточно» [Газета «Коммерсантъ», №92 от 01.06.2021]. Данный пример представляет собой фрагмент интервью с Д. А. Медведевым¹³, в его речи употребляется несколько способов, передающих высочайшую уверенность. Особое внимание обратим на коммуникему *сомнений никаких не вызывает*, ср.: *«Без никакого сомнения, без всякого сомнения — выражение уверенного утверждения, согласия, подтверждения»* [Меликян, 2019:32]. При помощи выделенной коммуникемы речь говорящего оказывается эмоционально окрашена, и ярко выражается уверенность в возможности политической карьеры с помощью партии для молодых людей.

Вариант реализации коммуникемы видим в таком примере: *«С позицией в*

---

¹³ Дмитрий Анатольевич Медведев – Российский государственный и политический деятель. Первый заместитель председателя Военно-промышленной комиссии Российской Федерации. Заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации. Председатель партии «Единая Россия».

отношении конфликта Китаю помогли определиться представители США. 14 марта советник президента по нацбезопасности Джейк Салливан заявил: если Китай поможет России избежать ограничений, его «без всяких сомнений будут ждать серьезные последствия» [Газета «Коммерсантъ», №53 от 29.03.2022]. В этом случае семантика достоверности проявляется в прямой речи советника президента по нацбезопасности Джейка Салливана с помощью коммуникемы *без всяких сомнений*, которая имеет эмоциональную окраску и, с одной стороны, отражает уверенность в высокой степени, а с другой стороны, усиливает выражаемую семантику.

7) Это правда.

«Чем больше живу, тем больше понимаю, что твоя помощь обществу может заключаться прежде всего в том, чтобы ты, условно говоря, был нормальным человеком, никого не грыз, никого не посиживал, чтобы ты старался говорить хорошие вещи, поменьше ругать кого-то, если это выразить в терминах Серафима Саровского, он говорил, «стяжи мир в себе, и тысячи вокруг тебя спасутся», это правда» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. Во многих контекстах лексическая единица «правда» употребляется как вводное слово для передачи семантики уверенности. В этом примере слово *правда* входит в состав коммуникемы *это правда*, с помощью которого коммуникант утверждает то, что он рассказал выше о нынешнем обществе. *«И то, и то правда – выражение подтверждения, согласия»* [Меликян, 2019:126]; *«Ваша правда, правда ваша, и правда – выражение согласия [там же, 246].*

8) Под (большим) вопросом.

«— Анастасия, лучше не рисковать, лучше не стоит, потому что все эти слова, авторка, редакторка, блогерка, о которых сейчас говорят и спорят, эти слова пока не признаны официально словами русского литературного языка, нормативными словами, их пока нет в словарях, и поэтому сослаться будет ни на что, и очень вероятно, что если вы так напишите, то вам это засчитают за ошибку, поэтому пока всё-таки стоит писать «автор», «редактор» и т. д. — Ну

никто не запрещает нам все эти слова употреблять, как нам вздумается в обычной речи, но важно, что именно в каких-то нормативных изданиях, там словарях, они не зафиксированы. — Да, а здесь же ведь ситуация, когда вы демонстрируете владение нормами литературного языка, а для нормы эти слова пока под большим вопросом» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.10.2020]. Этот пример отобран из выпуска подкаста по теме «феминитив», здесь два ведущих отвечают на письма слушателей. В конце реплики А. Пахомова используется словосочетание *под большим вопросом* для выражения сильного сомнения в том, что данные феминитивы являются нормативными словами современного литературного языка. В НКРЯ найдено 332 случаев данной коммуникемы, например, «Во-вторых, если во влиянии Ю. Хабермаса на современную социальную мысль вряд ли кто-нибудь усомнится, то весомость других участников сборника под большим вопросом» [Владимир Малахов. О пользе хрестоматий // «Отечественные записки», 2003].

9) Бог (его) знает.

«Но на самом деле и в академической грамматике к местоимениям относятся далеко не все слова, которые в школьной грамматике относятся к местоимениям. Ты, наверное, помнишь такие таблицы, школьные разряды местоимений по значению, и там выделялись местоимения вопросительные, относительные, определительные, указательные, бог знает, ещё какие» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 08.09.2020]. В данном примере ведущие обсуждают трудности в классификации местоимений русского языка. Фразеологизированное сочетание *бог знает*, выражающее значение *неизвестно* [Учебный фразеологический словарь, 1997], указывает на определённую долю неуверенности в разделении местоимений в школьной программе.

Итак, при формировании современного российского медиадискурса используются разноуровневые вербализованные средства, среди которых господствующими представляются различные разряды лексических единиц, поскольку они являются наиболее ярким выразителем изучаемого типа

модальности, более того, они присутствуют в структуре других средств. Обширную группу также представляют собой те или иные грамматические способы, которые обладают осложнённой структурой, в связи с этим может возникнуть трудность при обучении русскому языку как иностранному. Необходимо отметить, что указанные способы не изолированы друг от друга, в различных контекстах они взаимодействуют между собой.

2.3. Взаимодействие категорий субъективной модальности при формировании современного русского медиадискурса и авторские средства их выражения

Анализируя разноуровневые средства выражения эпистемической модальности, на материале современного русского медиадискурса также можно наблюдать множество языковых средств выражения иных субъективно-модальных значений, поскольку категория эпистемической модальности представляет собой центральное место при изучении субъективной модальности, более того, её выражение сопровождается появлением иных категорий субъективной модальности, таких, как *категория оценки, категория эмотивности, категория логической модальности, категория обычности, категория эвиденциальности* [Орехова 2011: 25–31] и др.

Итак, выражение категории субъективной модальности зачастую представляется в осложнённой комплексной структуре, чтобы точно описать коммуникативную ситуацию, ярко выразить позицию говорящего и достигнуть максимального коммуникативного эффекта. Различные типы категории субъективной модальности тесно взаимосвязаны между собой, и выражение эпистемической модальности имеет более сложную семантическую композицию. К наиболее важным компонентам, сопровождающим процесс выражения тех или иных значений эпистемической модальности, следует отнести оценочные и эмотивные составляющие [Лю Хаотун 2022: 66-72].

Категория оценки, по мнению большинства исследователей, рассматривается

как одна из разновидностей субъективной модальности [Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Н. Ю. Шведова], с её помощью выражается ценностное отношение говорящего к окружающей действительности. Выражение оценки представляет собой *модальную рамку*, вложенную внутрь структуры высказывания, и не имеет связи с логико-семантическим и синтаксическим построением высказывания [Вольф 1978: 34]. По нашим наблюдениям, в структуре выражении эпистемической модальности зачастую присутствует категория оценки, которая представляет собой основное содержание высказывания, т. е. две категории в подчинённом соотношении:

Рис. 4. Подчинённое соотношение между категориями эпистемической модальности и оценки.

Рассмотрим некоторые примеры: «— *Как вы считаете, всё ещё может стать хуже в отношениях России и США?* — *Не думаю, что станет еще хуже и что мы обречены на вечную конфронтацию. Я убеждён, что, по мере того как Китай будет набирать экономическую и военную мощь, он станет угрозой и для России. Это может способствовать ее сближению с США*» [Газета «Коммерсантъ», №201 от 03.11.2021]. Данный пример представляет собой фрагмент интервью с политологом, в его речи употребляются различные средства для выражения убеждённости – *Не думаю, что...* и *Я убеждён, что...*, во втором случае в структуру выражения эпистемической модальности включена оценочная часть «он (Китай) станет угрозой и для России», и можно сказать, что выражение оценки является основным содержанием представленного высказывания, и

выражается в структуре убеждения.

«— <...> в ней (орфографическая форма, реализованная большевиками) было простейшее решение заложено: под ударением после всех шипящих всегда писать «о», без ударения писать «е», то есть мы бы тогда писали «шорох», «шов» как мы пишем сейчас через «о», а ещё мы писали бы «пришол», «жолтый», «чорный», «пчолка», ещё тоже с буквой «о», вот представь себе такие написания. — Выглядит, **конечно, ужасно**, потому что для нас это очень сейчас непривычно» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.10.2020]. В этом фрагменте обсуждения орфографии русского языка выражение эпистемической модальности представляется также в осложнённой структуре, вместе с семантикой убеждения, выражающейся через вводное слово «конечно», также отражается авторская оценка написания представленных русских слов при помощи оценочных слов *ужасно* и *непривычно*.

Анализ материала показывает, что при выражении собственного авторского мнения категории эпистемической модальности и оценки могут быть в параллельном соотношении:

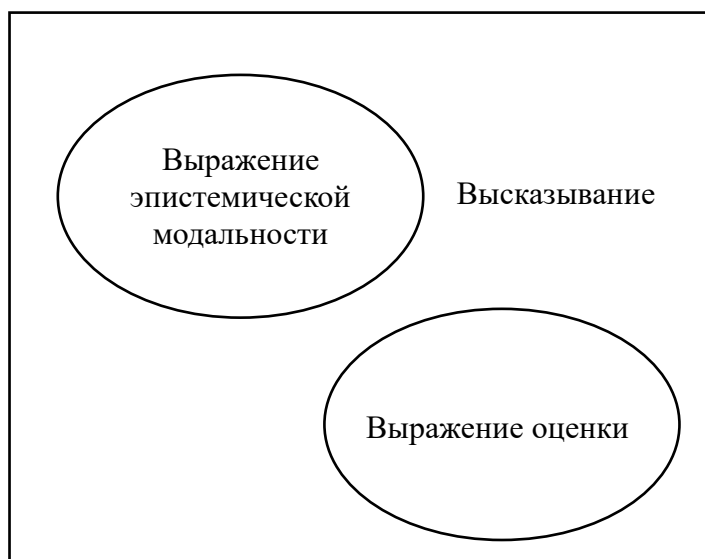

Рис. 5. Параллельное соотношение между категориями эпистемической модальности и оценки.

Приведём пример, «— Ну да, но тут есть важный нюанс, про который обычно, ну так **не очень говорят**, мы не знаем, это важно, насколько взаимодействия в социальных сетях и в реальной жизни соотносится. Ну т. е. насколько, **грубо говоря**, та динамика, те вещи, которые мы видим в социальных

*сетях, насколько эти вещи, они типа имеют отношение к реальной жизни, потому что, ну вот, мы, например, видим как распространяются какие-то, например, фэйки, что-то, да такого раньше не было, это значит, что, скорее всего, появление социальных сетей добавило какое-то, кое, какое-то изменение внесло в наше социальное взаимодействие, которого раньше не было. И поэтому вот это несоответствие между реальной жизнью и социальными сетями, это ответ на вопрос, **грубо говоря**, через годы мы сможем изучать социальные сети, как вот это явление, но насколько они будут соответствовать, и насколько не соответствовать реальной жизни не понятно» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 19.12.2019]. Этот пример является фрагментом интервью с журналистом А. Коняева¹⁴ по теме «изучение социальных сетей», в речи интервьюируемого употребляется множество языковых средств выражения субъективной модальности, в том числе, наиболее важные компоненты представляют собой выражения эпистемической модальности и оценки. Например, вводное слово *скорее всего* употребляется для передачи авторского предположения, что появление социальных сетей оказало большое влияние на взаимодействие в обществе, кроме этого, просторечное выражение *не очень (говорят)* выражает оценку количества высказываний о данной ситуации, также говорящий дважды использует вводное слово *грубо говоря* для передачи оценки своему высказыванию.*

«Россия взорвала дипломатическую бомбу: МИД РФ в пятницу опубликовал проекты документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО, переданных американцам за два дня до этого. Москва требует от Вашингтона и его союзников юридически зафиксировать отказ от расширения НАТО, прекратить военное сотрудничество с постсоветскими странами, убрать американское ядерное оружие из Европы, отвести силы

---

¹⁴ Андрей Юрьевич Коняев – российский журналист и популяризатор науки. Издатель научно-популярного интернет-издания N + 1, в 2015—2017 годах был главным редактором. Бывший колумнист и шеф-редактор отдела «Наука и техника» на сайте Lenta.ru. Основатель сообществ «Лентач» и «Образовач». Преподаватель мехмата МГУ, кандидат физико-математических наук. Ведущий подкаста «KuLi Podcast».

Североатлантического альянса на позиции 1997 года и ещё много чего. При этом в РФ опасаются эскалации в случае отказа США от уступок. В Вашингтоне вроде бы к разговору готовы» [Газета «Коммерсантъ», №231 от 18.12.2021]. В этом высказывании модусным компонентом являются выражения предположения автора и языковая метафора. В начале представляется языковая метафора *Россия взорвала дипломатическую бомбу*, с помощью которой отражается оценка автором действия России. В конце высказывания выражаются авторские предположения с помощью неопределённо-личного предложения с глаголом *опасаться* и модальной частицы *вроде бы*.

Категория эмотивности также представляет собой важный параметр при выражении субъективной модальности, поскольку различные эмоции являются неотъемлемым компонентом разума, мышления, языкового сознания и поведения в различных сферах жизни человека, кроме того, выбранные нами жанры медиадискурса характеризуются экспрессивностью, и при выражении эпистемической модальности и оценки зачастую употребляются различные эмоциональные окраски.

Например, «— *Я скажу не очевидную вещь, но я в ней глубоко убеждён, что даже сталинское время было не случайным, и вина за это страшное время лежит не только на Сталине, она лежит на тех, кто готов был его принять, кто его ждал, и это было довольно большое количество людей, но тут большого и не надо, общество может быть заряжено небольшой группой»* [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. В этом случае представлен фрагмент рассказа писателя Е. Г. Водолазкина о периоде Средневековья, здесь говорящий выражает семантику убеждённости для воздействия на других собеседников, употребляя краткую форму прилагательного *убеждён*. Важно отметить, что наречие *глубоко* выступает в качестве эмоциональной окраски, которая усиливает выражаемое модальное значение, чтобы выразить экспрессивность и достигнуть максимального воздействующего эффекта.

«— *Да, разбор слова по составу, мы подчеркиваем всё время в школе какие-*

то там части слова, зачем мы это делаем, выясним сегодня, как вообще словообразование и понимание того, как строится оно в русском языке, помогает бороться нам с мифами о происхождении слов и народной этимологией, как вообще понимание строения слов помогает нам правильно писать, и почему **вообще** тема словообразования для школьного русского языка такая сложная, что нам **вообще** это даёт для понимания языка <...>» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 06.10.2020]. Отобранное высказывание представляет собой фрагмент обсуждения темы «разбор слов в школьной программе», в речи ведущего много раз употребляется усилительное слово *вообще*, которое относится к разговорному стилю [ТСРЯ Ожегова, 96] и привносит в высказывание экспрессивность. Следует отметить, что выражение оценки говорящим темы «словообразование» для школьной программы эмоционально окрашено, поскольку в его структуру также включено усилительное средство *вообще*.

Итак, эпистемическая модальность представляет собой многоаспектную категорию, при её выражении также активно функционируют иные типы субъективной модальности, в том числе категории оценки и эмотивности. На материале современного медиадискурса наблюдается подчинённое и параллельное соотношение между категориями эпистемической модальности и оценки. Что касается категории эмотивности, то она является важным компонентом высказывания в СМИ, и вместе с другими категориями субъективной модальности категория эмотивности способствует достижению максимального коммуникативного эффекта.

Кроме вышеперечисленных общих языковых средств выражения субъективной модальности, в изучаемых типах медиадискурса активно употребляются собственные авторские средства для передачи оценки, в структуру которых вложены имплицитные авторские коннотации, раскрывающиеся при помощи контекста. Под понятием *авторская коннотация* в данной работе понимается особый авторский смысл, который не является общеязыковым коннотативным значением употребляемой языковой единицы, а проявляется только

в определённом контексте. В рамках данной работы выделяются следующие группы авторских средств выражения субъективной модальности:

1. Оценочные лексические единицы, проявляющие индивидуальные коннотации в контексте.

В эту группу входят общеязыковые средства, с помощью которых отражается авторская оценка, однако индивидуальная авторская коннотация проявляется полностью в рамках контекста. Например, «— *И можно вообще взять какие-то более классические, может быть, даже если избитые надоевшие примеры, почему по-разному пишем слова «каменный» и «юный», например. Вот в слове юный, бывает, часто ошибочно пишут две буквы -н-. — Точно так же, я, вот главная моя боль в школе, я никак не мог, т. е. я запомнил, но каждый раз себя одёргиваю, слово «длина»*» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 06.10.2020]. В данном фрагменте текста употребляются разные способы передачи субъективности, в том числе эпистемической модальности. С помощью выделенного выражения *главная моя боль* даётся негативная оценка говорящего (лексическая единица «боль» передаёт и физическое, и душевное страдание), объект оценки – состояние человека, вынужденного писать с соблюдением норм (написание слова «длина» – сложный вопрос для говорящего, для него это не автоматический выбор правильного написания). Вырванная из контекста конструкция «главная моя боль» может выполнять различные функции: быть номинацией физического ощущения (например, в диалоге пациента и врача), быть обозначением мгновенного, возможно однократного переживания (ср., например: «я плохо сдал экзамен. Главная моя боль – я ведь был готов, и не смог этого показать»). В приведенном же выше контексте мы видим, что автор хочет выразить негативное отношение к повторяющейся ситуации, в которой ощущал свою неполноценность.

«Помнишь ли ты заголовки о том, что лингвисты, тюменские лингвисты обнаружили в русском языке новый союз «в смысле». Помнишь заголовки? В прошлом году это был, хайп такой» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 06.10. 2020]. В этом примере употребляется варваризм, который происходит от

английского слова *hype* (шумиха, назойливая реклама), он отражает авторское отрицательное отношение к тому, что было много сообщений в прессе о новом союзе в русском языке. В данном случае оценка выражается собственно языковым средством, лексической единицей (так современная молодежь пренебрежительно отзывается о факте излишнего шума в СМИ, создании искусственного ажиотажа), однако контекст раскрывает полный авторский смысл и дополняет структуру оценки (здесь порицание, неодобрение и отстранение, ирония).

2. Нейтральные лексические единицы в функции оценочных.

В эту группу можно включить те слова, которые относятся к нейтральному стилю, с помощью которых проявляется авторское субъективное отношение к высказанному. Приведём примеры.

*«Раньше, раньше я приводил этот, вот пример с Макдоналдсом, был такой проект, когда помещали на долгое время чизбургер, гамбургеры и картошку, и показывали, что он не портится <...> Это булочка в целом она, знаешь, как говорят, **растворяется** во рту, в целом там не будет вот этой, вот важной составляющей»* [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 09.07.2021]. Глагол *растворяться* обозначает химический процесс, эмоционально не окрашен (напротив, мы ожидаем, что сахар и кофе могут растворяться). Однако из контекста можно узнать, что обсуждаемая булочка из сети быстрого питания, по мнению говорящего, не содержит важного для здоровья человека компонента и потому вредна для здоровья. Говорящий передаёт негативное отношение к предмету разговора с помощью нейтрального в других контекстах глагола.

*«— Ну вот вопрос, в таком случае, от школьника, может поступить ... что есть и такая теория, и такая, а как же на уроке-то действовать, если сейчас школьник заявит, что местоимение-то вообще-то ваше не часть речи? — Но это же не такой **волюнтаризм**, если ты говоришь, что ты согласен с точкой зрения лингвистов, которые местоимения не считают за часть речи, то ты должен понимать принципы, по которым они так считают, основание для этой классификации, если ты можешь это доказать и утверждаешь, что ты*

придерживаешься такой точки зрения, ну да здорово!» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 08.09.2020]. В данном контексте при выражении авторского мнения употребляется слово *волюнтаризм* (философский термин, «воля – это первооснова всего сущего», а также шире – «субъективистские, произвольные решения, игнорирующие объективно существующие условия и закономерности общественной жизни, экономики и т.п.» [Словарь иностранных слов, с. 135]). Авторская интенция заключается в оценке описанной собеседником ситуации: он считает, что недостаточно утверждать, что нет такой части речи, важно дать объяснение своей позиции. Говорящий считает, что при выражении мнения нельзя опираться только на своё желание, нужно понять суть вопроса. В данном контексте слово *волюнтаризм* имеет негативные коннотации, позволяет говорящему передать отношение к обсуждаемому предмету речи.

3. Индивидуально-авторские выражения.

В этой группе представляются особые употребления автором языковых единиц, которые, с одной стороны, содержат авторскую коннотацию, с другой стороны, направлены на достижение максимального коммуникативного эффекта. Рассмотрим примеры.

*«Но вот меня в школе учили по тому учебнику, в той концепции, в которой меня учили, что причастие, деепричастие – это отдельные части речи, для меня это были слова вполне нормальные, самостоятельные части речи. И после того, как я узнал категорию состояния, был **второй шок** узнать о том, что причастие, деепричастие в академической грамматике рассматриваются не как отдельные части речи, как формы глагола»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн». Выпуск 8.09.2020]. В этом примере сочетание *второй шок* является авторским средством. В русском дискурсе есть устойчивые выражения *кто-либо в шоке* и *(у кого) был шок*, которые указывают на сильное удивление и иногда разочарование субъекта (ср. например: «Это был шок: жительница Новороссийска обнаружила дома настоящего скорпиона» [Сайт города-героя Новороссийск, 14.05.2022]). В примере из подкаста используется другая конструкция: «был шок + инфинитив» (был шок понять, был

шок услышать и т.п.). Синтаксическое стяжение характерно для устной формы неподготовленной речи (ср. *для меня был шок, когда я узнал...), но в рамках нашего исследования отмечаем этот способ выражения субъективной модальности. Автор использует лексическую единицу, имеющую негативные коннотации (связанные с причинами и/или последствиями шока в прямом или переносном значении), для выражения своей негативной оценки описываемого события (ср. *я узнал, что существуют слова категории состояния, и очень огорчился, что этого не знал. Вторым неприятным открытием, к сожалению, было то, что...).

«А которые совмещают окончания разных типов склонения, и слово «путь», которое имеет окончание третьего склонения во всех падежах кроме творительного падежа, где представлено окончание второго склонения, то есть путём, и на самом деле, вот со словом «путь» особый вид интересной истории, у слова «путь» особый путь, потому что откуда вообще всё это взялось, просто потому что раньше число склонений в русском языке было больше, и в древнерусском языке было шесть типов склонения существительных» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 8.09.2020]. В этом примере авторским средством выражения отношения является языковая игра (лексическая единица *путь* сопоставляется с устойчивым выражением (*у кого*) *особый путь*), с помощью которой эмоционально выражается авторская позиция. Благодаря фрагменту подкаста можно выяснить, что у слова «путь» интересная история и потому особое склонение.

Можно заключить, что категория эпистемической модальности тесно связана с такими категориями субъективности, как категория оценки, категория эмотивности, категория логической модальности, категория обычности, категория эвиденциальности и др. В связи с этим в современном русскоязычном медиадискурсе собственное отношение коммуниканта к окружающей действительности обладает осложнённой структурой, в которую включён комплекс модусных компонентов, выражающих различные субъективно-модальные значения, направленные на достижение определённой коммуникативной цели. Анализ

материала показывает, что при выражении эпистемической модальности и других значений категории субъективной модальности имеется большой набор общих языковых средств, расположенных на различных уровнях языка; для передачи авторской оценки также используется множество собственных авторских средств, с помощью которых раскрывается имплицитная авторская коннотация, и редко наблюдается случай употребления авторских средств для передачи достоверности/недостоверности. В рамках данной работы выделяются следующие группы авторских средств передачи оценки: оценочные лексические единицы, проявляющие индивидуальные коннотации в контексте; нейтральные лексические единицы в функции оценочных; индивидуально-авторские выражения.

2.4. Особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе

Как показано выше, при формировании современного медиадискурса используются различные разряды вербализованных средств выражения категории эпистемической модальности, в рамках данной работы проанализированные языковые средства рассматриваются как дискурсивные маркеры (дискурсивные слова), которые, с одной стороны, структурируют разные типы медиадискурса и обеспечивают связность между частями общения, с другой стороны, представляют собой важный модусный компонент высказывания и передают основную или комментирующую информацию с точки зрения коммуниканта по модальной шкале достоверности/недостоверности.

Материалом, выбранным нами для проведения анализа, являются популярные качественные информационно - аналитические типы медиадискурса в современном российском и китайском обществе: газета, подкаст, видеоблог и видеопрограмма. Данные типы современного медиадискурса представляют собой различные каналы передачи информации, которые реализуются в разных формах речи (книжно-письменная и устно-разговорная), имеют широкую аудиторию, охватывающую разные социальные слои, и приобретают новейшие особенности,

характерные для современного медиаобщения. При этом употребление средств выражения эпистемической модальности представляется в этих источниках разным образом, и в каждом типе медиадискурса существуют свои особенности употребления языковых средств для достижения тех или иных коммуникативных эффектов.

2.4.1. Особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в газете «Коммерсантъ»

Газета «Коммерсантъ» представляет собой наиболее официальный источник информации среди рассмотренных нами, здесь публикуются информационно - аналитические статьи, посвященные темам из различных сфер. В рамках данной работы проанализировано 80 статей, отобрано 230 случаев употребления средств выражения субъективной модальности, среди них 153 случая употребления средств выражений эпистемической модальности. Частотность употребления различных общих способов выражения эпистемической модальности представляется следующим образом (Рис. 6):

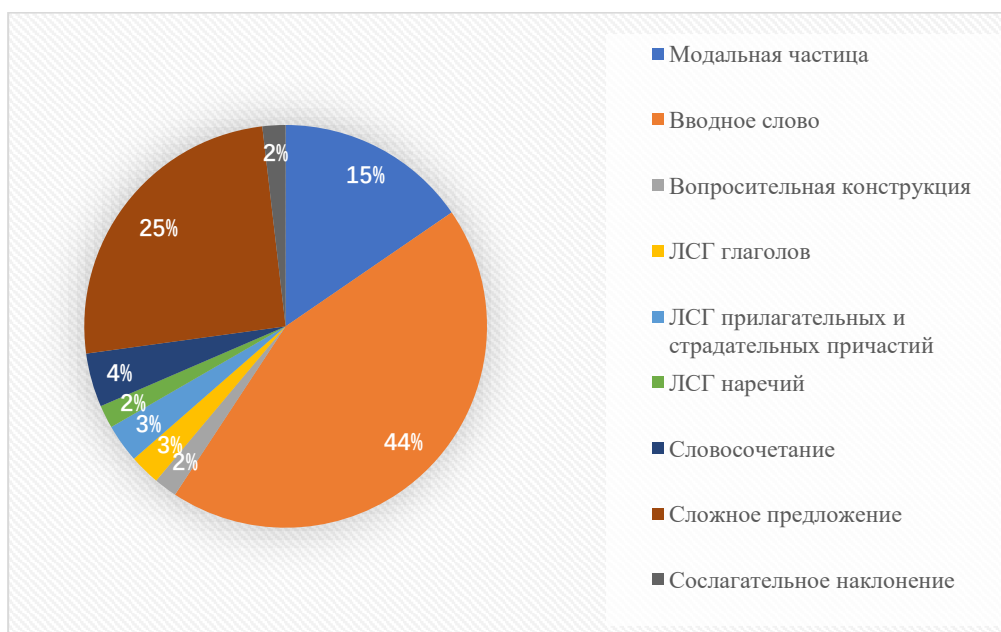

Рис. 6. Частотность употребления равноуровневых средств выражения эпистемической модальности в газете «Коммерсантъ».

Следует отметить, что в газетных медиажанрах при выражении достоверности/недостоверности используется большой набор языковых

показателей, среди них господствующими способами представляются вводное слово (44%), сложная синтаксическая конструкция (25%) и модальная частица (15%).

Среди собранных материалов особое средство представляет собой модальная частица «якобы», которая является устаревшей и книжной лексической единицей, употребляется для выражения семантики неуверенности [Толковый словарь Ожегова, с. 918]. Анализ материала показывает, что модальная частица «якобы» зачастую используется в газетном тексте для передачи авторского отношения к сообщаемому с определенной долей неуверенности, на материале газеты «Коммерсантъ» обнаружено 11 контекстов с выделенной модальной частицей, однако в других источниках она нам не встретилась.

Например, *«В любом случае атака на Colonial Pipeline — самое масштабное из известных на сегодня киберпреступлений в сфере ТЭК, говорит Мария Белова <...> Она **якобы** стояла и за атаками на бразильские государственные энергетические компании <...>, произошедшими в феврале 2021 года. <...> По данным специализирующейся на кибербезопасности Cybereason, DarkSide требует от покупателей согласиться на своего рода договор: не применять полученные вирусы против больниц, хосписов, школ, моргов, крематориев, похоронных бюро, университетов, некоммерческих организаций, органов власти, а также компаний, которые производят и распространяют вакцины от COVID-19. Под защитой также **якобы** компании на территории бывшего СССР. <...> Власти США неоднократно обвиняли российские спецслужбы в кибератаках в отношении своей информационной инфраструктуры. За **якобы** осуществленное Россией при помощи кибертехнологий вмешательство в американские президентские выборы 2016 года и взлом программного обеспечения компании SolarWinds в 2020 году в отношении Москвы Вашингтоном были введены санкции»* [Газета «Коммерсантъ», №77/В от 11.05.2021]. В примере трижды употребляется модальная частица *якобы*, характерная для книжно-письменной речи, она является способом включения личности автора, и при этом выражает авторское сомнение в объективном

представлении политических ситуациях, чтобы в аудитории сформировалось определенное общее мнение. Итак, устаревшая частица *якобы* всё ещё не входит в пассивный словарный запас современного русского языка, она активно функционирует при формировании письменной формы медиадискурса.

Характерным способом передачи эпистемической модальности для газетного материала также является модальная частица *едва ли не*, которая относится к книжному стилю речи, выражает значение *очень вероятно*, и представляет собой синоним выражений *скорее всего* или *чуть ли не* [БАС, с. 506]. Приведем примеры.

«Дудь — многолетний главред сайта *Sports.ru* и *едва ли не* лучший интервьюер в стране (по крайней мере, в своей спортивной области), он умеет задавать самые колкие вопросы без хамства и не стесняется энергичных выражений» [Газета «Коммерсантъ», №40 от 19.11.2021]; «При этом сербская авиакомпания *Air Serbia* осталась *едва ли не* единственной в Европе, совершающей рейсы в Москву и Санкт-Петербург» [Газета «Коммерсантъ», №56 от 01.04.2022]. В этих примерах один из способов проявления личности автора представляет собой модальная частица *едва ли не*. В первом контексте значение эпистемической модальности вложено в структуре выражения категории оценки, объект оценки — блогер Дудь¹⁵, и автор ему дает позитивную оценку, что он лучший интервьюер в стране. При этом выделенная частица привносит в высказывание утвердительный оттенок. Следует отметить, что в данном фрагменте статьи используются лексические единицы различного стиля, наряду с книжным словом *едва ли не* употребляются такие выражения разговорного стиля: по крайней мере, главред (сокращение словосочетания «главный редактор») и хамство. Во втором контексте частица *едва ли не* отражает авторское мнение о том, что с большой вероятностью авиакомпания Сербии стала единственной европейской компанией, которая совершает рейсы в Россию.

---

¹⁵ Юрий Александрович Дудь — российский журналист, видеоблогер, теле- и радиоведущий. Главный редактор издания *Sports.ru* (2011—2018); ведущий авторского канала на YouTube под названием «вДудь» (с 2017 по настоящее время). С 2022 г. внесен в реестр СМИ—«иностранных агентов»

Для книжно-письменной речи характерно употребление сложных синтаксических конструкций, а в нашем случае, на материале газетного медиатекста при выражении модальных значений достоверности/недостоверности наиболее частотным способом является сложноподчиненное изъяснительное предложения, в главной части которого употребляются различные типы опорных слов, а в придаточной части функционируют разные союзы или союзы-частицы (среди всех собранных примеров обнаружено 39 контекстов с употреблением данного типа средств). В качестве опорных слов выступают глагол, наречие, страдательное причастие и вводное слово.

Например, *«Многие эксперты не сомневались, что в списке окажется, например, Украина: еще в феврале ее назвал недружественным государством пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков»* [Газета «Коммерсантъ», №81 от 15.05.2021]; *«Отметим, два предупреждения о нарушении закона «О СМИ» позволяют Роскомнадзору (РКН) через суд отозвать у «Новой газеты» свидетельство о регистрации. Планирует ли ведомство подать такой иск, неясно; в РКН не ответили на соответствующий запрос “Ъ”»* [Газета «Коммерсантъ», №53 от 29.03.2022]; *«Я уверен, что многих из них ожидает блестящее политическое будущее»* [Газета «Коммерсантъ», №92 от 01.06.2021]; *«— Удастся ли России и США, по вашим прогнозам, достичь новых договоренностей в сфере контроля над вооружениями? — <...> Можно ли сейчас рассчитывать на достижение таких договоренностей между США и Россией? Мне кажется, что это неверный подход к проблеме»* [Газета «Коммерсантъ», №210 от 19.11.2021]. Можно отметить, что сложноподчинённое изъяснительное предложение употребляется не только для передачи собственного мнения автора, но и для выражения мнения другого лица в косвенной речи. В качестве опорного слова данного типа сложного предложения выступают различные разряды лексических единиц с семантикой достоверности/недостоверности, они представляют собой центр сложного предложения, и можно отметить, что сама структура предложения является формой выражения эпистемической модальности,

а содержание данного типа модальности выражается с помощью лексических единиц. Итак, в этом случае лексические и синтаксические средства взаимосвязаны, совместно функционируют для выражения различных отношений лица говорящего или другого лица к сообщаемому.

Употребление вставной конструкции также является одной из черт письменного текста, поскольку в ней содержится добавочная информация, попутное замечание и авторский комментарий, чтобы точно передать мысль автора. На материале газеты «Коммерсантъ» видно, что зачастую используются вводные единицы с модальными значениями, среди них вставная конструкция представляет собой особое средство выражения эпистемической модальности, поскольку в ее структуре располагаются иные способы выражения данного типа субъективной модальности и с ее помощью наглядно показывается авторское отношение к сообщаемому. Рассмотрим некоторые примеры.

«Уровень коллективного иммунитета в России, по данным оперштаба правительства, сейчас составляет 49%, и при нынешней динамике вакцинации (которая, безусловно, изменится с принятием законопроектов, но как, пока неизвестно) к 1 февраля 2022 года цифры даже в 80% вакцинированных очень проблематичны» [Газета «Коммерсантъ», №206 от 13.11.2021]; *«Собчак — первая женщина в гостях у Дудя, и это еще одна важная тема: размеры аудитории (и степень предполагаемого влияния на эту аудиторию) у Дудя таковы, что каждое его слово и действие становится политически значимым. Мало женщин в шоу — признак скрытого сексизма (кажется, это обвинение как раз и прозвучало в разговоре с Собчак) <...>»* [Газета «Коммерсантъ», №40 от 19.11.2021]. В представленных контекстах во вставные конструкции вложены разные авторские мнения и уточняющие сведения, для этого употребляются разные средства передачи субъективности. В первом случае вводное слово *безусловно* ярко указывает семантику уверенности в высказывании, что в вакцинации будут внесены изменения; а во втором контексте вставная конструкция употребляется для передачи авторской оценки нынешней социальной ситуации, при этом в ней

используется вводная конструкция *кажется*, передающая авторское предположение о представленном социальном явлении.

Тексты газеты «Коммерсантъ», одного из официальных источников информации, обладают особенностями книжно-письменной речи: при выражении эпистемической модальности активно используются модальные частицы *якобы* и *едва ли не*, которые характерны для книжного стиля и представляют собой устаревшие лексические единицы; особую группу составляют сложноподчинённые изъяснительные предложения с различными типами опорных слов и с различными типами союзов; также употребляются вставные конструкции, в структуре которых функционируют те или иные средства выражения данного типа субъективной модальности, с помощью которых наглядно выражается авторское мнение, адресованное определенной группе читателей.

В материалах газеты «Коммерсантъ» нами были выявлены и иные функциональные особенности употребления языковых средств выражения категории эпистемической модальности, как и других видов категории субъективной модальности.

При передаче авторского субъективного отношения в газетном типе медиадискурса активно используется множество слов или выражений разговорного стиля, чтобы обеспечить экспрессивность текста и достигнуть максимального коммуникативного эффекта. Например, *«Кроме того, как считает собеседник “Б”, Москва, скорее всего, будет настаивать на изменении позиции США в контексте военно-технического сотрудничества с Киевом и в вопросе выполнения Украиной Минских соглашений»* [Газета «Коммерсантъ», №232 от 21.12.2021]; *«Для публики помоложе в этой «новой искренности» нет ничего особенно нового: хип-хоп, стендап, видеоблоги, вся новая культура, саморазвивающаяся в сети, строится на подобной пацанской лихости без тормозов»* [Газета «Коммерсантъ», №40 от 19.11.2021]; *«Рядом пенсионеры окружили мужчину в байкерской кожанке: «Где Зюганов, почему его здесь нет? Зачем он сидит 30 лет как собака на сене?» «Мы делаем общее дело!» — оправдывался перед стариками первый секретарь МПО*

*КПРФ «Советское» Сергей Курганский <...> Защита считает дело политическим, а приговор незаконным. Однако его можно воспринимать как оправдание «с учетом того, что в России оправдательных приговоров без присяжных фактически не бывает», сказал “Ъ” адвокат историка Александр Обозов.» [Газета «Коммерсантъ», №84 от 20.05.2021]. В первом контексте авторское мнение ярко выражается с помощью вводного сочетания *скорее всего*, которое относится к разговорному стилю и выражает вероятность чего-либо [БТСРЯ Кузнецова, с. 1199]. В этом случае с помощью выделенного вводного слова автор экспрессивно указывает на высокую вероятность представленной политической ситуации; во втором случае используются некоторые экспрессивные разговорные выражения: *пацанская лихость*, *без тормозов* и *публика*, которые представляют собой яркие выразители авторской оценки *новой культуры*; а в третьем контексте употребляется фразеологизм *кто-либо как собака на сене*, который имеет разговорный характер (кто-либо сам не пользуется чем-либо и другим не даёт пользоваться) [Фразеологический словарь современного русского языка, с. 390], здесь авторы констатируют текущую ситуацию, при этом включают прямую речь участников этой ситуации, с помощью выделенного фразеологизма выражается экспрессивность и негативное отношение к данной политической фигуре.*

Следующей особенностью является особое употребление языковых средств выражения субъективной модальности в качестве метафор. Однако следует отметить, что в основном языковые метафоры используются для передачи авторской оценки, среди собранных материалов не наблюдается случаев употребления средств выражения эпистемической модальности в качестве языковых метафор.

Рассмотрим некоторые примеры: *«На пресс-конференции Сергей Лавров рассказал: он вместе с министром Шойгу заявил французской стороне о беспочвенности утверждений о том, что российские власти якобы поощряют контакты Мали с частной военной компанией»* [Газета «Коммерсантъ», №206 от 13.11.2021]; *«Более того, Байден мог бы дать понять Путину: он понимает, что*

у России есть важные стратегические интересы в Восточной Европе. Восточная Европа — это задний дворик России» [Газета «Коммерсантъ», №201 от 03.11.2021]; *«Те, кто ждал от G20 именно «климатических» успехов, разочарованы — с энтузиазмом подтвердив всеобщее намерение бороться с глобальным потеплением, мировые лидеры немедля продемонстрировали, как новый климатический символ веры может быть использован для решения более насущных проблем»* [Газета «Коммерсантъ», №199/II от 01.11.2021]. В данных контекстах языковые метафоры функционируют для выражения авторского оценочного отношения к тем или иным представленным ситуациям. В первом случае употребляется слово *беспочвенность*, с его помощью отражается отношение говорящего к данной политической ситуации в косвенной речи (эти утверждения Франции не аргументированы, не имеют основания); во втором случае языковая метафора выражается словосочетанием *задний дворик*, которое эксплицитно демонстрирует авторскую оценку, что восточная Европа – стратегическая территория для России; что касается третьего контекста, то здесь присутствует метафора *климатический символ веры*, с помощью которой отражается негативное отношение автора к предлагаемым мировыми лидерами способам решения текущих климатических проблем (это все только символы, не имеется практического значения).

Таким образом, поскольку газета «Коммерсант» представляет собой наиболее официальный и распространенный канал передачи информации в современном российском обществе, при формировании данного типа медиадискурса средства выражения эпистемической модальности имеют такие черты книжно-письменной речи, как употребление книжной лексики, сложной синтаксической конструкции и вставной конструкции, наличие полной структуры предложения. С другой стороны, отмечаем следующие нехарактерные для книжной формы речи (но ожидаемыми в публицистическом тексте) особенности: употребление экспрессивной разговорной лексики или выражений, употребление средств выражения категории оценки в качестве языковых метафор, чтобы выразительно показать адресанту авторское

отношение к той или иной ситуации.

2.4.2. Особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в подкасте «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблоге «А поговорить?»»

Подкаст «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблог «А поговорить?» являются относительно новыми жанрами СМИ, появившимися благодаря глобальным изменениям в сфере информационных технологий, и представляют собой популярные источники аналитической информации в современном российском обществе. Можно отметить, что данные каналы представлены в разговорно-устной форме речи, вся коммуникация проходит в форме диалога или полилога, в ходе которого обсуждаются те или иные вопросы; имеют характеристики информационно - аналитического типа современного медиадискурса, поскольку главной функцией, осуществляемой в контекстах этих источников, является информирование, однако комментирующая часть представляется необходимой; обладают чертами научно-популярного стиля речи, так как обсуждаемые на этих новых медийных платформах темы связаны с различными научными исследованиями, так подкаст «Розенталь и Гильденстерн» посвящен представлению актуальных лингвистических вопросов широкой аудитории, а в видеоблоге «А поговорить?» представлены интервью с различными экспертами, в частности учёными, и рассмотрены те или иные темы, актуальные для современного общества.

Для анализа, проведенного в нашей работе, было привлечено 7 выпусков подкаста, проанализирован 281 случай употребления средств выражения категории субъективной модальности, среди них 175 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности; а из видеоблога привлечено к анализу 6 выпусков, обнаружены 270 случаев употребления средств выражения категории субъективной модальности, из них 148 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности.

Для данных жанров медиадискурса при выражении эпистемической модальности характерен большой набор общих языковых средств, и частотность их употребления представляется следующим образом (Рис. 7, Рис. 8).

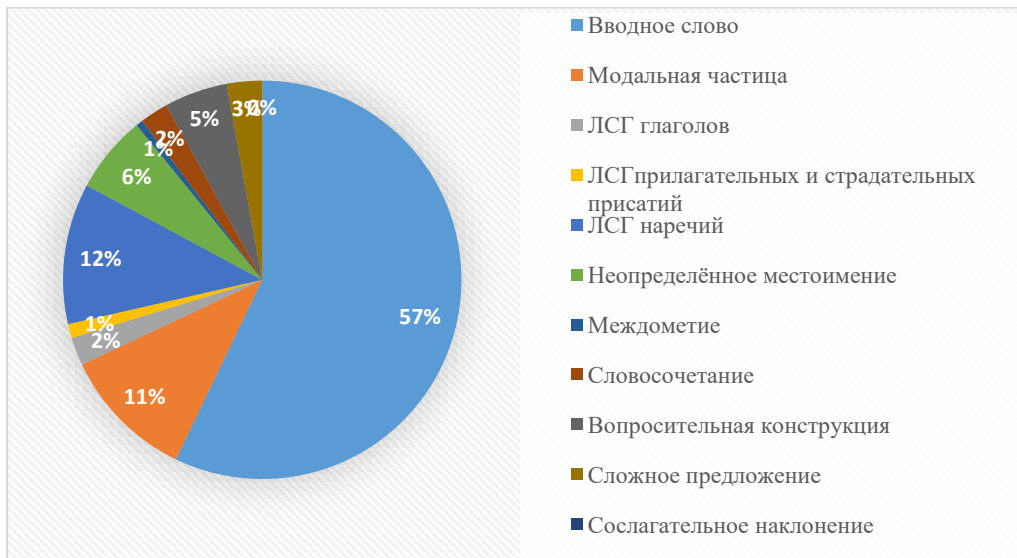

Рис. 7. Частотность употребление разноуровневых средств выражения эпистемической модальности в подкасте «Розенталь и Гильденстерн».

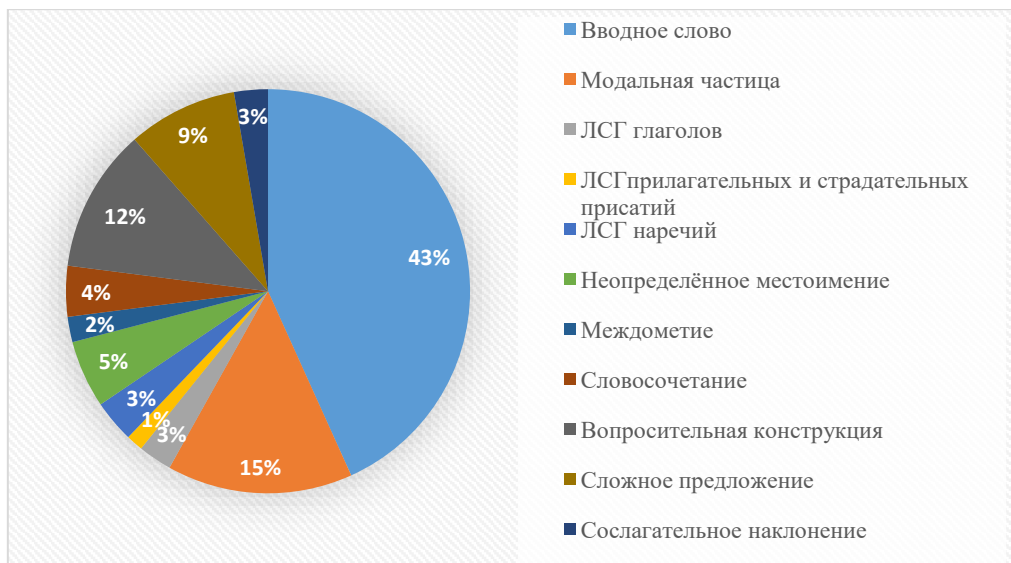

Рис. 8. Частотность употребление разноуровневых средств выражения эпистемической модальности в видеоблоге «А поговорить?».

Можно отметить, что при выражении категории эпистемической модальности как в газете «Коммерсантъ», так и в данных формах медиаобщения наиболее частотными средствами являются группы вводных слов и модальных частиц. Однако для формирования представленных типов употребляются особые средства выражения субъективной модальности, в том числе эпистемической модальности, которые характерны именно для изучаемых типов медиаобщения.

Наиболее характерная черта подкаста и видеоблога, по нашим наблюдениям, – проявление экспрессивности коммуниканта. Анализ материала показывает, что в качестве способов передачи экспрессивности выступают различные разряды языковых средств выражении семантики достоверности/недостоверности и других видов субъективной модальности.

В рамках нашего материала наблюдается множество лексических единиц разговорного стиля, которые одновременно отражают различные субъективно-модальные значения, в частности семантику эпистемической модальности, и являются носителями эмоциональной окраски, они представляют собой второстепенные компоненты высказывания и усиливают выражение эмоции коммуникантов. В проанализированных контекстах замечены следующие разговорные слова, в частности нецензурные слова, передающие как субъективно-модальные значения, так и эмоциональную сторону высказывания: *вроде, вряд ли, навряд ли, кажется, наверняка, разве, по крайней мере, ещё бы, как бы, здорово, класс, классно, наконец-то, круто, так себе, потрясающий, чудовищен, несусветный, прикольно, супер, окей, че, проваливаться, резаться, тискаться, тупеть, гудеть, дед, херня, офигенно, хрен* и т. п.

Рассмотрим некоторые примеры.

*«— Есть ли какое-то исследование того, что люди действительно стали меньше общаться офлайн? — Я очень люблю, люблю группу «Наутилус», и вообще не люблю «Вячеслав Бутусов», и у него вышла песня «Дети сидят в интернете», да это она настолько чудовищна, и что я даже не знаю, с какой стороны к ней подойти. Т. е., вот у тебя человек, он ну как-то написал песню «Алчи», человек пел песню «Крылья», и тут вот «Дети сидят в интернете», **че** происходит вообще? Дед ты о чём? Ну как бы видео называется «Две с половиной минуты», дед гудит о том, что все сидят в интернете» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 19.12.2019]; «— **Наконец-то** у нас гостей Чума Вечеринка – шмоткесса, историк*

моды, шоураннер, автор канала в Телеграме, Инстаграме¹⁶ и Ютубе, да ещё... — В Тиктоке. — Везде! Да, вы **наверняка** видели канал «Луи Вагон», где-то у людей спрашивают, что на них надето, сколько это стоит, вот, может быть, кто-то по наводке Наташи Гридиной, из подкаста чего посмотреть, смотрел шоу «Холостяк»» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 20.04.2021]. В представленных контекстах выражение категории субъективной модальности, в частности эпистемической модальности, представляет собой наиболее важный компонент высказывания, выражающийся при помощи различных языковых средств, среди них разговорная лексика является ярким показателем экспрессивности говорящего. В первом случае в речи гостя (журналист А. Коняев) для того, чтобы явно передать авторскую пренебрежительную оценку певца, употребляется ряд слов разговорного стиля: *че* – сленговая форма слова «что», *дед* – старый человек, старик [БАС, с. 604], *гудеть* – непрерывно, сильно ныть, ломить [БАС, с. 458], *как бы* – выражение приблизительного подобия, сходства [Толковый словарь Ожегова, с. 260]. Во втором контексте также употребляются эмоциональные окраски: разговорное слово *наконец-то* показывает, что выпуск с гостью Чумой Вечеринкой долгожданный; модальная частица *наверняка* отражает авторское утверждение, что канал Чумы Вечеринкой популярный, все его смотрят.

Кроме разговорной лексики, экспрессивность вербализуется также при помощи различных усилительных средств, сопровождающих выражение эпистемической модальности и других субъективно-модальных значений в тех или иных контекстах. В нашем материале обнаружены следующие усилительные слова: *ну, же (ж), вот, ведь, господи, очень, вообще, совсем, весьма, абсолютно, довольно, потрясающе, просто-напросто, настолько, безумно, гораздо, совершенно, именно, вполне, действительно, относительно, глубоко, столь, всё-таки* и т. д.

Приведём примеры: «Я скажу не очевидную вещь, но я в ней **глубоко** убеждён, что даже сталинское время было не случайным, и вина за это страшное время

---

¹⁶ Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

лежит не только на Сталине, она лежит на тех, кто готов был его принять, кто его ждал, и это было довольно большое количество людей, но тут большого и не надо, общество может быть заряжено небольшой группой» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]; «— А, Саша, вас уже обманул, потому что это я сижу под елочкой, он сидит не под елочкой. А под каким деревом, Саша, ты сидишь? — Я сижу под пихтой, но **ведь** мы, мне кажется, словом «ёлка» называем любое новогоднее рождественское дерево, потому что всё, что с иголками, для нас всё ёлка. — **Вот действительно** да, что сосна, что пихта, что не знаю, кто из них лиственница, действительно, ёлка – любой новогоднее дерево. А «пихта» **именно** с таким ударением, не пихта́, говорит нам Словарь Штудинера» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 04.01.2021]. В приведенных примерах один из способов проявления экспрессивности представляет собой усилительное слово, употребляющееся при выражении эпистемической модальности и других видов субъективной модальности. В первом случае представлена часть рассказа писателя Е. Г. Водолазкина о периоде Средневековья, здесь автор выражает семантику убеждённости для воздействия на других собеседников, употребляя краткую форму прилагательного *убеждён*. Более того, наречие *глубоко* усиливает данное модальное значение, чтобы выразить экспрессивность и достигнуть максимального воздействующего эффекта. В следующем примере представлен фрагмент дистанционного общения между ведущими подкаста, они говорят о заставке-фоне в онлайн-комнатах. В этом фрагменте при передаче субъективного отношения говорящего также используются различные эмоциональные усилительные окраски: *ведь, вот, действительно и именно*.

В подкасте и видеоблоге ярким показателем экспрессивности также является группа фразеологических единиц, обладающих теми или иными коннотативными значениями, с помощью которых выражается собственное авторское отношение к высказанному. В рамках нашей работы отмечено 16 фразеологических единиц: *кошмар какой, уязвимые места, ниже уже некуда, спустя рукава, с ума сойти, чёрт ногу сломит, боже мой, диву даваться, китайская грамота, закрыть*

гештальт, всплывать в память, незакрытый гештальт, быть в шоке, тихо ненавидеть, чудом уцелеть, на носу, не зря.

*«— Я честно, на самом деле не помню, что именно нам про словообразование рассказывали в школе, даже если тема была, она наверняка была, вот разбор слова по составу я помню <...> а вот словообразование, ну, так, как-то ничего **в памяти не всплывает**, при этом в кабинете русского и литературы, я иногда брал с полки словообразовательный словарь, возможно, даже сейчас погуглил, это мог быть словарь Тихонова <...>. — Скорее всего, да. — Но для меня это было просто **китайская грамота**, я совершенно не понимал, как этот словарь устроен, как им пользоваться» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 06.10.2020]; «— <...> Скажем, жуки плавунцы, они вообще замечательно придумали. Самец после спаривания просто запечатывает самку таким специальным сургучом, белый такой делает, раз, на илюнку, закупоривает и половое отверстие, то есть застывает как сургуч, и всё, самка запечатана. — **Кошмар какой!** — Да, у них вообще замечательные и сложные отношения <...>» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 07.11.2019]. В представленных фрагментах в высказываниях коммуникантов вложены различные смыслы субъективной модальности, которые выражаются различными способами, среди них особые средства представляют собой фразеологические единицы, которые, с одной стороны, явно отражают субъективные отношения говорящего, с другой стороны, приносят в высказывание экспрессивность. В первом случае коммуниканты обсуждают темы разбора слов и словообразовательного словаря в школьной программе, при этом используемый фразеологизмы *не всплывать в памяти* и *китайская грамота* эмоционально демонстрируют авторскую оценку словообразования и словообразовательного словаря: они для говорящего сложные и непонятные. Во втором примере употребляется устойчивое выражение «кошмар какой» для того, чтобы показать, во-первых, удивление говорящего, что в природе существует такое действие у насекомых, во-вторых, его негативное отношение к рассказанной ситуации.*

Наши наблюдения показывают, что при передаче субъективной модальности

также наблюдаются некоторые случаи употребления варваризмов в качестве способа выражения экспрессивности. Под термином *варваризм* понимается «иноязычное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения» [СЛТ, с. 52]. Следует отметить, что среди собранных слов-варваризмов также существуют некоторые единицы, которые не используются для демонстрации субъективной модальности, например, *квиз* (от англ. «quiz», обозначает соревнование) и *спойлер* (от англ. «to spoil», обозначает «заранее говорить о том, что будет дальше»).

Например, *«Здесь, наверное, раз ты заговорил об открытиях, то хочется вспомнить недавнюю историю. Помнишь ли ты заголовки о том, что лингвисты, тюменские лингвисты обнаружили в русском языке новый союз «в смысле». Помнишь заголовки? В прошлом году это было, хайп такой»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 08.09.2020]; *«А что результаты Тотального диктанта дают вам, лингвистам, ну понятно, что они дают пишущим, это, во-первых, какая-то проверка собственной грамотности, или повышения или понижения самооценки, ну и просто фан, потому что это прикольно прийти и написать. А вам-то это зачем?»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 13.10.2020]. В этих контекстах субъективно-модальные значения выражены языковыми средствами, а употребление варваризмов нужно для передачи собственной оценки говорящим лицом представленных ситуаций. В первом контексте употребляется иностранное слово *хайп*, которое происходит от английского слова *hype* и обозначает шум в медиа и соцсетях о какой-либо теме, чтобы выразить негативную оценку открытия нового союза в русском языке. А в следующем контексте слово «фан» происходит от английского слова *fun* и имеет значение «забава» или «наслаждение» [Словарь современной лексики, жаргона и сленга, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-212.htm#zag-5476>], оно употребляется также для выражения оценки говорящего.

На материале подкаста и видеоблога очевидно, что еще один способ проявления экспрессивности - риторический вопрос, поднимающий семантику

сомнения на наиболее высокую степень. По статистике, риторический вопрос является частотным способом выражения эпистемической модальности для данных источников, в подкасте 5%, а в видеоблоге 12%.

Приведём примеры, «— *Ну ты же понимаешь, что все как раз смайлики появляются, именно потому, что зачастую в этих сообщениях непонятен, непонятна эмоция. — Смайлики появляются, потому что человеку действительно в письменной речи плохо передается эмоция, это раз, во-вторых, ну это, вот человек решил эту проблему, **че смайлики плохо что ли?** Наоборот, ты смотри, какой у нас стал разнообразный язык <...>*» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 19.12.2019]; «*Неужели ты считаешь, что у тебя какой-то небольшой активный запас? несколько минут назад ты сказал слово «отчуждение», которое я бы вообще не подумал употребить*» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 10.03.2021]. Можно отметить, что в этом случае риторический вопрос как способ выражения эпистемической модальности также привносит экспрессивность в высказывание, поскольку, во-первых, в контекстах выражается сильное сомнение, во-вторых, в устном общении сопровождается специальной повышенной интонационной конструкцией. В первом примере риторический вопрос с модальной частицей *что ли* обладает эмоциональной окраской, говорящий выражает сомнение в том, что появление смайликов в письменной речи – это плохо. А во втором риторический вопрос с частицей *неужели* выполняет подобную функцию.

Таким образом, на материале подкаста «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблога «А поговорить?» мы проследили за тем, как экспрессивность (одна из основных черт речи коммуникантов) проявляется разнообразными способами. Выделяются следующие типы средств выражения изучаемой категории, которые несут с собой эмоциональные окраски: разговорная лексическая единица, нецензурная лексика, эмоционально-усилительное средство, фразеологическая единица, варваризм и риторическая вопросительная конструкция.

Подкаст и видеоблог представляют собой гибридные жанры современной

медийной коммуникации, в их структуру также входят те элементы, которые характерны для книжно-письменной формы речи. Что касается средств выражения эпистемической модальности, то группа сложных синтаксических конструкций, которые характерны для создания письменного текста, также функционирует для формирования данных типов медиадискурса.

Сравнивая средства в подкасте и видеоблоге с используемыми сложными подчинёнными изъяснительными конструкциями в газете «Коммерсантъ», можно отметить, что в подкасте и видеоблоге в качестве субъекта данного типа сложного предложения зачастую выступает *я* и *мне*, чтобы эксплицитно выразить собственно авторское отношение к высказанному, а в газете данный тип предложения зачастую употребляется в косвенной речи для передачи мнения другого лица или группы людей. В газетном тексте данный тип сложного предложения в основном употребляется таким образом: *«Многие эксперты не сомневались, что в списке окажется, например, Украина <...>»* [Газета «Коммерсантъ», №81 от 15.05.2021], *«<...> Собеседник “Ъ” утверждает, что за неё мог вступиться спикер Госдумы Вячеслав Володин»* [Газета «Коммерсантъ», №81/П от 17.05.2021]; а в подкасте и видеоблоге при употреблении сложноподчинённого изъяснительного предложения присутствует личность: *«Я скажу не очевидную вещь, но я в ней глубоко убеждён, что даже сталинское время было не случайным <...>»* [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2020], *«<...> У меня, на самом деле не очень богатая речь <...> мне кажется, что у меня не очень много слов, и иногда меня это беспокоит <...>»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 01.03.2021].

Как показано выше, экспрессивность является важным составляющим речи коммуникантов в рамках современных медиа, однако по нашему наблюдению в структуру тех или иных высказываний также включается ряд лексических единиц, характерных для книжной формы речи и выражающих эпистемическую модальность или другие виды субъективной модальности, в рамках данной работы отмечены следующие слова: *якобы, изошрённый, противный, разумный, вечный, снобизм, гонение, величие, мощь, потрясение, трепет, напуганность.*

Например, «— Вы только что назвали французскую революцию, нашу революцию, они ни к чему, ну, т. е. изменилось вообще, изменилось всё. Что значит «Ни к чему не ведёт»? — Нет, это ведёт, ни к чему хорошему не ведёт, я бы так сказал, потому что вещи, которые призвана **якобы** решить революция, они решаются в рабочем порядке гораздо легче и проще, главное, без страшных жертв <...>» [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2020]; «<...> Вообще поговорим о проверочных работах по русскому языку, которые вызывали у многих **трепет** в школе, а именно о школе в наш четвертый сезон, который вы прямо сейчас, и слушайте <...>» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 13.10.2021].

Итак, можно заключить, что подкаст «Розенталь и Гильденстерн», видеоблог «А поговорить?» и газета «Коммерсантъ» представляют собой различные гибридные жанры современного медиадискурса, поскольку тексты этих источников показывает пересечение двух основных форм речи – устно-разговорной и книжно-письменной. Выделенные нами средства выражения эпистемической модальности, как и вообще выражения субъективной модальности, при их функционировании приобретают особенности в различных источниках. На материале газеты данные средства представляют собой показатели проявления личности автора в незвучащем тексте, при этом отражают субъективное отношение коммуникантов к обсуждаемому предмету и друг ко другу, для воздействия на аудиторию, и среди них некоторые средства подчас выступают в качестве эмоциональной окраски, характерной для устно-разговорной речи. Что касается новейших типов медиадискурса, то яркое проявление экспрессивности является отличающейся от газетного текста чертой, поскольку она является наиболее частотным компонентом высказывания, и для передачи экспрессивной стороны высказывания в речи коммуникантов употребляются различные разряды выделенных средств; в подкасте и видеоблоге структура выражения собственного мнения коммуникантов частично представляется в книжной форме, при этом употребляется ряд слов и сложное синтаксическое предложение, которые относятся к книжной речи.

2.5. Основная и вспомогательная функция выражения эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе

Как говорилось выше, в современном обществе медийная коммуникация как главный источник информации увеличивает своё влияние на жизнь человека, приобретает новые особенности. При формировании медиадискурса активно используется большой набор разноуровневых вербализованных средств выражения эпистемической модальности, поскольку данные средства представляют собой модусный компонент высказывания, с помощью которого отражается собственно авторское отношение к окружающей действительности с оценкой достоверности/недостоверности.

Медиадискурс - один из видов коммуникации, при этом коммуникативная цель является наиболее важным экстралингвистическим параметром для рассмотрения тех или иных функций, выполняемых средствами выражения модальности достоверности в различных контекстах. Необходимо подчеркнуть, что выделенные выше языковые средства выражения модальности в основном функционируют для передачи различных субъективно-модальных значений, которые расположены на модальной шкале достоверности/недостоверности, в плане выражения собственного мнения коммуниканта.

Рассмотрим пример: *«Увеличение числа заболевших на несколько сотен человек ещё ни о чём конкретном не говорит, однако любая волна начинается с медленного роста <...> Получается, есть 11 млн человек, которые, можно считать, от вируса в ближайшее время защищены. Оставшиеся 134 млн, по-видимому, с инфекцией ещё не сталкивались и в отсутствие активной вакцинации, безусловно, переболеют»* [Газета «Коммерсантъ» №77/В, 11.05.2021]. В представленном примере употребляются вводные слова *по-видимому* и *безусловно*, при их помощи, с одной стороны, говорящий даёт предположение, что такое количество людей не сталкивается с инфекцией коронавируса и не под защитой вакцинации; и убеждает, что эти люди еще переболеют.

В зависимости от коммуникативной цели, реализуемой в различных

контекстах при формировании современного медиадискурса, выделенные средства выражения эпистемической модальности также выполняют следующие второстепенные функции:

1) **Оценочная функция.**

Категория оценки как одна из разновидностей субъективной модальности тесно связана с категорией эпистемической модальности, в современном медийном общении при выражении оценки зачастую сопровождается проявлением эпистемической модальности, две взаимодействующие категории совместно функционирует для формирования и передачи авторского отношения к сообщаемому.

Например, *«Я, конечно, весьма против этого мифа, что средневековье самое жестокое, она, оно страдающее, да, но войны кровопролитными не были, но фактически никогда <...>»* [Видеоблог «А поговорить?», выпуск 31.10.2021]. Данный пример представляет собой фрагмент разговора медиевиста и ведущего видеоблога. В речи медиевиста выражается яркая авторская оценка средневековью, что это время не представляется самым жестоким, однако она проявляется в структуре выражения семантики утверждения средством вводного слова «конечно», т. е. оценка в форме утверждения.

2) **Эмотивная функция.**

С категорией эпистемической модальности неразрывно связана также категория эмотивности, которая отражает эмоциональное состояние говорящего, поскольку эмоция является важным элементом речи говорящего, и сопровождает процесс выражения модальности.

Рассмотрим примеры: *«Анастасия, лучше не рисковать, лучше не стоит, потому что все эти слова, авторка, редакторка, блогерка, о которых сейчас говорят и спорят, эти слова пока не признаны официально словами русского литературного языка, нормативными словами, их пока нет в словарях, и поэтому сослаться будет не на что, и очень вероятно, что если вы так напишете, то вам это засчитают за ошибку, поэтому пока всё-таки стоит писать «автор»,*

«редактор» и т. д.» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 20.10.2020]. В этом контексте ведущий подкаста отвечает на письмо слушателей и выражает наиболее сильное сомнение по отношению к написанию некоторых феминитивов, при этом в выражении недоверности присутствует экспрессивный компонент, который усиливает авторское выражение отношения к представленной ситуации.

3) Воздействующая функция.

В современном медиаобщении главная коммуникативная цель – управлять аудиторией и создать в ней общее мнение, при этом выражение эпистемической модальности также представляет собой одно из средств осуществления тех или иных коммуникативных целей.

Приводим пример: *«В ЕС приток беженцев с Украины, получивших право на трудоустройство как минимум в течение года, вероятно, смягчит всплеск спроса на труд и затормозит рост зарплат [Газета «Коммерсантъ» №57/П от 04.04.2022].* В этом примере представлено сомнение автора в том, что данный приток поможет смягчить всплеск спроса на труд и остановить рост зарплат. Можно отметить, что высказывание адресанта обладает целью, с одной стороны, сообщить актуальную информацию, с другой стороны, воздействовать на адресата, чтобы у него сформировалось определённое общее мнение (для жителей ЕС будут негативные последствия, т.к. затормозится рост зарплат).

4) Контактподдерживающая функция.

Некоторые средства выражения изучаемого типа модальности служат также для поддержания контакта между коммуникантами: *«— Тебе, вот, наверно, больше интересна фонетика? — Да, ну конечно! Поскольку как-то самого начала, может быть, потому что с детства я хотел попасть на радио, ну меня интересовала звучащая речь, и я всегда обращал внимание на то, как люди говорят...» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 01.03.2021].* Можно отметить, что используемое языковое средство не только функционирует для выражения авторского отношения к окружающей действительности, также представляется важным компонентом общения, которые поддерживают контакт с

другими коммуникантами. В этом примере на русском языке слово *конечно* отражает авторское утверждение об интересах в лингвистике, и выступает в качестве ответа на вопрос другого собеседника.

5) Функция демонстрации источника высказывания.

В рамках нашей работы данная второстепенная функция обнаруживается только на материале современного русского медиадискурса, при этом употребляются вводные единицы «мне кажется...» и «по-моему». Например, «*Можно ли сейчас рассчитывать на достижение таких договоренностей между США и Россией? Мне кажется, что это неверный подход к проблеме*» [Газета «Коммерсантъ» №201 от 03.11.2021]. «— *Вспомним Фердинанда де Соссюра, которого я раньше путал с Бодуэн де Куртенэ и Пьером де Кубертенем. — Но, по-моему, где-то к третьему сезону ты перестал их путать, стал их различать*» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 01.03.2021]. В представленных контекстах употребляемые вводные слова в основном выступают в качестве выразителя собственного авторского предположения, однако они также указывают на источник высказывания, что эти мнения принадлежат именно самому говорящему.

Таким образом, можно заключить, что медиадискурс представляет собой особый вид коммуникации, и является необходимой частью жизни человека. При формировании различных типов медиадискурса средства выражения эпистемической модальности выступают в качестве модусных компонентов высказывания, и передают отношения автора к сообщаемому по плану достоверности/недостоверности. При выражении эпистемической модальности используется множество разноуровневых языковых средств, главной функцией которых является интерпретация авторского мнения по модальной шкале достоверности/недостоверности. В зависимости от коммуникативной цели и контекста общения выделенные средства также выполняют следующие вспомогательные функции, сопровождающие проявление эпистемической модальности: оценочная функция; эмотивная функция; воздействующая функция;

контактоподдерживающая функция; функция демонстрации источника высказывания.

2.6. Средства выражения эпистемической модальности как способ реализации коммуникативной стратегии в современном медиадискурсе

Благодаря глобальным изменениям в сфере современных информационных технологий появляются новые способы и каналы передачи информации, с помощью которых создаётся новейшее медийное пространство, где происходит виртуальная коммуникация. Можно отметить, что медийное общение во всём мире продолжает увеличивать своё влияние на общество, в связи с этим мы полагаем, что современный человек является частью медийной коммуникации: с одной стороны, он представляет собой организатора коммуникации, который инициирует контакт, обрабатывает и распространяет медиатексты, представляющие собой результат коммуникации, с другой стороны, он также выступает в качестве адресата коммуникации, который воспринимает информацию и является объектом воздействия.

Медийное общение как любой вид коммуникации целенаправлен, при его развёртывании реализуются различные глобальные или локальные интенции коммуникантов, так что речевая деятельность в этой сфере подразумевает реализацию коммуникативных стратегий. В процессе данного типа общения происходит не только введение и анализ того или иного контента и результат его обсуждения, но также представляется и сам процесс воздействия и взаимодействия между коммуникантами, ведь медиатекст направлен на достижение определённых коммуникативной целей. Исходя из этого, в рамках данной работы в различных типах медиадискурса обнаруживается активное употребление различных разноуровневых языковых средств выражения эпистемической модальности в целях достижения максимального коммуникативного эффекта.

Таким образом, учитывая глобальность коммуникативной цели, осуществляемой в современном медиадискурсе, мы полагаем, что выделяется

общая и частная коммуникативная стратегия. Главная функция медийной коммуникации – информирующая и воздействующая, соответственно можно выделить два общих типа стратегии: стратегия информирования и стратегия воздействия. Рассмотрев значения, передающиеся посредством эпистемической модальности, в данной работе выделяем такие частные стратегии: стратегии предположения и утверждения, стратегии дискредитации и убеждения [Лю Хаотун 2023: 81-88].

Стратегией информирования можно назвать стратегию, которая осуществляется для достижения коммуникативной цели – донести информацию до адресата. На материале современного медиадискурса на двух языках данная стратегия представляется господствующей, поскольку изучаемые типы медиадискурса можно отнести к информационно - аналитическому жанру, и информационная часть является главным составляющим. При этом категория эпистемической модальности выступает в качестве одного из способов реализации коммуникативной цели информирования, который способствует передаче тех или иных сведений с определённой долей достоверности/недостоверности, исходя из этого, можно выделить такие частные стратегии, как стратегии предположения и утверждения.

Например, *«По данным специализирующейся на кибербезопасности Cybereason, DarkSide требует от покупателей согласиться на своего рода договор: не применять полученные вирусы против больниц, хосписов, школ, моргов, крематориев, похоронных бюро, университетов, некоммерческих организаций, органов власти, а также компаний, которые производят и распространяют вакцины от COVID-19. Под защитой также якобы компании на территории бывшего СССР»* [Газета «Коммерсантъ», №77/В от 11.05.2021]. В этом случае модальная частица *якобы*, которая характерна для книжной речи, представляет собой яркий показатель эпистемической модальности, с помощью которого проявляется неуверенность автора в точности вводимой информации. При этом реализована частная коммуникативная стратегия предположения, информация

передаётся с определённой долей недостоверности.

Выражение эпистемической модальности также способствует реализации частной коммуникативной стратегии утверждения. Например, *«Так, Александр Веллер, избранный по Мурманскому округу, сейчас баллотируется по Енисейскому округу (Красноярский край). По словам источника “Ъ”, депутат вступил в конфликт с губернатором Андреем Чибисом, но в партии и администрации президента решили, что он «скорее нужен» в новой Думе, и подобрали ему другую территорию. Из-за этого красноярскому депутату Раисе Кармазиной тоже пришлось искать другое место, и она идёт по списку в Ставропольском крае. Собеседник “Ъ”, утверждает, что за неё мог вступиться спикер Госдумы Вячеслав Володин»* [Газета «Коммерсантъ», №81/П от 17.05.2021]. В этом примере автор сообщает аудитории о том, что спикер Госдумы Вячеслав Володин будет красноярским депутатом, и стратегия утверждения реализована с помощью сложноподчинённого предложения с опорным словом *утверждать*, которая приносит в высказывание максимальную достоверность.

Воздействующая направленность характерна для изучаемых типов медиадискурса как на современном русском, так и на современном китайском языке. При этом стратегия воздействия также играет важную роль при организации медийной коммуникации. Реализуя данную стратегию, коммуникант выражает собственное личное отношение к высказыванию и даёт оценку высказанному, чтобы сформировать общее определённое мнение в этом общении. Анализ материала показывает, что категория эпистемической модальности функционирует для осуществления частных стратегий дискредитации и убеждения.

Стратегия дискредитации осуществляется с помощью выражений семантики сомнения, поскольку данные языковые средства несут на себе сильной отрицательный оттенок, с помощью которых коммуникант может дискредитировать какое-либо высказывание, можно назвать такую ситуацию как «отрицание в форме сомнения».

Например, *«Но это муштра (диктант), да, это муштра, это какое-то не*

*очень интересное упражнение, плюс для многих это связанные с перспективой получить не очень хорошую оценку, поэтому **вряд ли** это может вызывать какой-то энтузиазм»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», выпуск 13.10.2020]. В речи одного собеседника выражение семантики сомнения является средством реализации стратегии дискредитации, поскольку употребляемая частица *вряд ли* несёт на себе сильный отрицательный оттенок, и выражается негативное отношение говорящего к диктанту, более того высказанное действие, по мнению говорящего, не может быть реализовано.

Стратегия убеждения является главным составляющим общей стратегии воздействия, поскольку с помощью эпистемической модальности также достигается стратегическая цель – убедить других коммуникантов.

Например, *«**Но вы уверены, что все Ломоносовы-то? Ну всем нужно было, тогда сто лет назад, всё побросать и идти в университеты?»*** [Видеоблог «А поговорить? Выпуск «Гаджеты делают нас глупее, несчастнее и гробят наших детей?»]. В данном примере дважды употребляется вопросительная конструкция, чтобы выразить мнение психотерапевта. С помощью риторического вопроса явно выражается авторское убеждение, что не всем нужно высшее образование и не все могут стать учёными.

Таким образом, медиадискурс как особый тип дискурса играет важную роль в современном обществе, поскольку он представляет собой гиперкоммуникацию, которая охватывает широкую аудиторию и является главнейшим каналом передачи информации. При формировании современного медиадискурса зачастую употребляются те или иные вербализованные средства выражения эпистемической модальности, с их помощью, с одной стороны, выражается собственное отношение говорящего к окружающей его среде, с другой стороны, осуществляются как общие, так и частные коммуникативные стратегии, направленные на достижение глобальных или локальных интенций коммуникантов. В рамках данной работы на основании глобальных коммуникативных целей выделяются следующие общие коммуникативные стратегии: стратегии информирования и воздействия; что

касается локальных целей, то можно выделить стратегии предположения и утверждения, и стратегии дискредитации и убеждения.

2.7. Средства выражения эпистемической модальности в современном китайском медиадискурсе

В рамках современного китайского медиадискурса выражение эпистемической модальности также является главным способом передачи собственного авторского мнения об окружающей действительности. При медийной коммуникации на современном китайском языке также используются разноуровневые языковые единицы, разделение которых по частям речи представляется нерешённым до конца вопросом в современной синологии. Анализ показывает, что кроме общих языковых средств, для организации разных форм медиадискурса также активно используются собственно авторские средства выражения изучаемой категории, с помощью которых в тех или иных контекстах раскрываются индивидуально-авторские коннотации. По нашему наблюдению, выделенные нами языковые средства выражения данного типа субъективной модальности также являются составляющими функционально-семантического поля эпистемической модальности, структура которого представляется в ядерно-периферийной схеме. Как и в русском языке, господствующими средствами являются различные лексические единицы, на периферии располагаются синтаксические средства [Лю Хаотун 2023: 1-6]. Частотность употребления выделенных средств распределяется следующим образом (Рис. 9, Рис.10).

Рис. 9. Частотность употребления лексических средств на материале газеты «环球时报 ‘Глобал таймс’» .

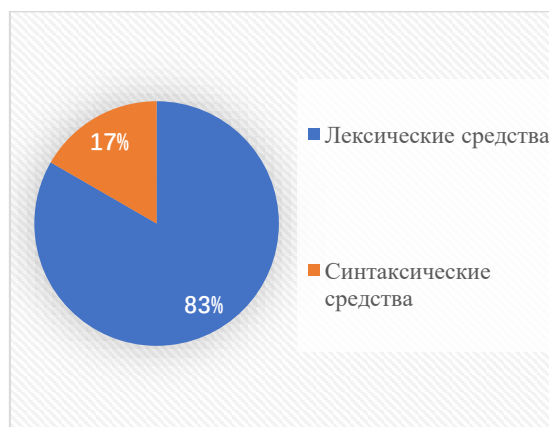

Рис. 10. Частотность употребления лексических средств на материале видеопрограммы 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》.

Выбор источника материала для анализа данного медиадискурса обусловлен следующими соображениями. Газета 《环球时报 ‘Глобал таймс’》 (*Huánqiú shíbào*) и Видеопрограмма 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》 (*Yuánzhuō pài*).

На основе анализа материала можно выделить следующие группы лексических средств выражения изучаемой категории:

1. Модальное слово.

Следует отметить, что классификация частей речи китайского языка отличается от современного русского языка, при этом предложенные переводы на русский язык соответствуют именно смыслу выделенных лексических единиц. Под названием *модальное слово* (возможный вариант перевода данного термина – *情态词 (qíngtài cí)*) мы понимаем группу слов, относящихся к разным служебным частям речи и выражающих те или иные модальные значения в определённом контексте. На материале современного китайского медиадискурса предполагаем выделение следующих подгрупп модального слова:

1) 情态副词 ‘модальное наречие’ (*qíngtài fùcí*): 的确 ‘действительно’ (*díquè*), 也许/或许/或是 ‘возможно’ (*yěxǔ/huòxǔ/huòshì*), 大概/大概率 ‘вероятно’ (*dàgài/dà gàilǜ*), 仿佛 ‘как будто’ (*fǎngfú*), 好像 ‘похоже’ (*hǎoxiàng*), 似乎 ‘повидимому’ (*sìhū*), 仿佛 ‘как будто бы’ (*fǎngfú*), 一定 ‘точно’ (*yīdìng*), 当然 ‘конечно’ (*dāngrán*), 恐怕 ‘пожалуй’ (*kǒngpà*), 未必 ‘вряд ли’ (*wèibì*), 真的 ‘действительно’ (*zhēnde*), 绝对 ‘абсолютно’ (*juéduì*), 莫非 ‘неужели’ (*mòfēi*),

难道 ‘разве’ (*nándào*), 无疑 ‘несомненно’ (*wúyí*), 肯定 ‘безусловно’ (*kěndìng*), 显然 ‘очевидно’ (*xiǎnrán*);

2) 插入语 ‘вводное слово’ (*chārù yǔ*): 其实 / 实际上 ‘в самом деле’ (*qíshí/shíjìshàng*), 真的 ‘это правда’ (*zhēnde*), 听说 ‘как говорят’ (*tīngshuō*);

3) 情态动词 ‘модальный глагол’ (*qíngtài dòngcí*): 能 ‘мочь’ (*néng*), 可能 ‘может быть’» (*kěnéng*).

Как сказано выше (параграф 1.1.), в современной китайской лингвистике категория модальности всё ещё не определена до конца, и существует мало работ, посвящённых всестороннему описанию разноуровневых средств выражения модальности. В рамках нашей работы среди выделенных модальных слов особое место занимает именно модальное наречие – 情态副词 (*qíngtài fùcí*). По мнению Чжан Юньцю (张云秋), Линь Сюцинь (林秀琴), 情态副词 (*qíngtài fùcí*) представляет собой важный элемент системы модальности китайского языка, но в отличие от модального глагола, выражающего именно ограниченную группу модальных значений, данный класс слов также передает иные семантические значения, которые представляются между категориями 语气 (*yǔqì*) и 情态 (*qíngtài*) и дают возможность установить разнообразные типы общения [Чжан Юньцю (张云秋), Линь Сюцинь (林秀琴) 2017: 128]. Необходимо подчеркнуть, что в эту подгруппу также входят те слова, которые выступают в качестве имени прилагательного или наречия в зависимости от порядка слов и коммуникативной ситуации: 无疑 ‘несомненно’ (*wúyí*), 肯定 ‘безусловно’ (*kěndìng*), 真的 ‘правда’ (*zhēnde*), 显然 ‘очевидно’ (*xiǎnrán*).

Рассмотрим пример: «尽管日本国内对加入“五眼联盟”仍存在不同声音, 但是随着日本加入美国发起的 PBP 倡议, 也许不久的将来, “五眼”可能就变成了“六眼”。(*Jìnguǎn rìběn guónèi duì jiārù “Wǔ yǎn liánméng” réng cúnzài bùtóng shēngyīn, dànshì suízhe rìběn jiārù měiguó fāqǐ de PBP chàngyì, yěxǔ bùjiǔ de jiànglái, “Wǔ yǎn” kěnéng jiù biàncéng liǎo “Liù yǎn”*) ‘Хотя в Японии по-прежнему раздаются

разные мнения о присоединении к альянсу «Пяти глаз», но по мере того, как Япония присоединится к инициативе ПБП, инициированной США, **наверно** в ближайшем будущем «Пять глаз», **может быть**, станет «Шесть глаз»» [Газета 《环球时报》, 01.08.2022]. В этом контексте авторское предположение передаётся с помощью слов 也许 ‘наверно’ (*yěxǐ*) и 可能 ‘может быть’ (*kěnéng*). Можно отметить, что употребляемые слова в системе морфологии китайского языка принадлежат группе наречий, более того, они приносят в высказывание семантику возможности, при этом ярко выражается авторское мнение.

2. Лексико-семантическая группа глаголов с семантикой достоверности/недостоверности.

Как в русском, так и в китайском языке глаголы являются яркими показателями изучаемой категории. Можно к данной ЛСГ отнести следующие единицы: 相信 ‘верить’ (*xiāngxìn*), 坚信 ‘твёрдо верить’ (*jiānxìn*), 肯定 ‘утверждать’ (*kěndìng*), 觉得 ‘думать или предполагать’ (*juéde*), 估计 ‘предполагать’ (*gūjì*), 怕/害怕/恐/恐怕 ‘бояться, опасаться’ (*pà/hàipà/kǒng/kǒngpà*), 怀疑 ‘сомневаться’ (*huáiyí*). Необходимо отметить, что лексемы 肯定 ‘утверждать’ (*kěndìng*) и 恐怕 ‘бояться, опасаться’ (*kǒngpà*) в зависимости от контекста употребления и порядка слов в предложении могут относиться как к группе глаголов, так и к группе модальных наречий, однако в разных случаях употребления с помощью данных лексических единиц выражается достоверность/недостоверность к сообщаемому.

Рассмотрим некоторые примеры, «中国乒乓球, 这个整个团体来说, 我相信这是不能接受的, 所以到第七局, 我觉得他们精神上是有紧张了。(Zhōngguó pīngpāngqiú, zhè gè zhěng gè tuántǐ lái shuō, wǒ xiāngxìn zhè shì bùnéng jiēshòu de, suǒyǐ dào dìqī jú, wǒ juéde tāmen jīngshén shàng shì yǒu jǐnzhāng liǎo) ‘Я **верю**, что потеря этой медали недопустима для китайского настольного тенниса и всей команды, поэтому в седьмой игре, я **думаю**, что они были напряжены стрессом’» [Видеопрограмма 《圆桌派》, сезон 5, серия 1]. В этом примере представлено

высказывание ведущего видеопрограммы, здесь его собственное мнение ярко выражается с помощью глаголов 相信 ‘верить’ (*xiāngxìn*) и 觉得 ‘думать или предполагать’ (*juéde*). В первом случае автор утверждает, что команда по настольному теннису Китая не может принять проигрыш, а во втором случае говорящий даёт своё предположение о состоянии спортсменов в игре.

«爱是一种非常难以描述的，一种情感，这个爱有很多种，比如说冲动，我肯定动物也有，但有一些爱恐怕只有人有。 (*Ài shì yī zhǒng fēicháng nányǐ miáoshù de, yī zhǒng qínggǎn, zhè gè ài yǒu hěnduō zhǒng, bǐrúshuō chōngdòng, wǒ kěndìng dòngwù yě yǒu, dàn yǒu yīxiē ài kǒngpà zhǐyǒu rén yǒu*) ‘Любовь – это очень неопишное чувство. Есть много видов любви, например, порыв, я утверждаю, что и у животных он есть, но существуют и другие виды любви, пожалуй, они есть только у людей’» [Видеопрограмма 《圆桌派》, сезон 5, серия 12]. В представленном примере для выражения достоверности употребляется глагол – 肯定 ‘утверждать’ (*kěndìng*), который многозначен и представляет собой разные части речи в различных контекстах. В другом случае данное слово может выступить в качестве модального наречия, отражающего авторское мнение с утверждающим оттенком; а в этом контексте слово употребляется как глагол, с помощью которого автор утверждает существование любви у животных.

3. Устойчивое выражение.

Учитывая отличия в понятии фразеологизма в современной русской и китайской фразеологии, в рамках данной работы используется термин «устойчивое выражение» для обозначения исконно китайских идиом и тех или иных устойчивых словосочетаний. К данной группе можно отнести следующие единицы: 毫无疑问 ‘без всякого сомнения’ (*háowú yíwèn*), 毋庸置疑 ‘не нужно сомневаться – несомненно, нет сомнений в чём-либо’ (*wúyōng zhìyí*), 不可否认 ‘нельзя не признать, бесспорно’ (*bù kě fǒurèn*), 两说 ‘сказать надвое – неточно, неопределённо’ (*liǎng shuō*), 没错 ‘нет ошибок – несомненно, точно’ (*méicuò*), 不好说 ‘нехорошо говорить – неясно, трудно сказать’ (*bùhǎo shuō*), 没准 ‘нет определённости –

вполне возможно' (*méizhǔn*), 说不定 'говорить неопределённо – может быть' (*shuōbùdìng*).

Например, «— 在大部分的事情上我们都是那个大多数人, 可是人活一辈子, 不能钻研所有事情, 所以我特别想学习, 就看见谁好什么, 我就特别想钻到, 就是你们这个“真好”的东西是什么? — 其实有没有“真好”, 都两说。(— *Zài dàbùfēn de shìqíng shàng wǒmen dū shì nà gè dàdùōshù rén , kěshì rén huó yī bèizi , bùnéng zuānyán suǒyǒu shìqíng , suǒyǐ wǒ tèbié xiǎng xuéxí , jiù kànjiàn shéi hǎo shíme , wǒ jiù tèbié xiǎng zuāndào , jiù shì nǐmen zhè gè “zhēn hǎo” de dōngxī shì shíme ? — Qíshí yǒuméiyǒu “zhēn hǎo” , dōu liǎng shuō*) «—Во многих случаях мы из большинства людей, но люди всю жизнь не могут разобрать всё, не могут стать профессионалом во всех сферах, поэтому я очень хочу учиться, хочу узнать, что является «настоящим хорошим» (совершенством)? — На самом деле существует ли настоящее хорошее (совершенство), это бабушка надвое сказала» [Видеопрограмма 《圆桌派》, сезон 5, серия 4]. Этот пример представляет собой часть разговора о совершенстве в какой-либо деятельности. В речи второго собеседника употребляется устойчивое выражение в пекинском диалекте 两说 'сказать надвое – неточно, неопределённо' (*liǎng shuō*), которое является неполным эквивалентом русского фразеологизма – «бабушка (ещё) надвое сказала», однако в китайском варианте отсутствует образ «бабушка». При его помощи в высказывании проявляется сильное сомнение говорящего в том, что существует совершенство в какой-нибудь деятельности.

При выражении эпистемической модальности, как показывает материал китайского медиадискурса, также используются различные синтаксические средства, однако они представляют собой особую группу средств, поскольку по сравнению с синтаксическими конструкциями русского языка система предложений китайского языка представляется другим образом, существует множество различий между двумя системами.

4. Вопросительная конструкция.

Можно отметить, что в обоих языках сходным способом передачи модальности сомнения является риторический вопрос, в центре которого расположено модальное наречие (на материале русского языка – модальная частица), представляющееся ярким показателем модальности. В рамках данного исследования обнаружены следующие модальные наречия: 莫非 ‘неужели’ (*mòfēi*), 难道 ‘разве’ (*nándào*). Например, «那么, 美国对中国施加的一系列不平等的苛刻条件是什么? 这难道是施恩吗? (*Nàme, měiguó duì zhōngguó shījiā de yī xìliè bù píngděng de kēkè tiáojiàn shì shíme? zhè nándào shì shīēn ma?*) ‘Тогда, что представляет собой ряд неравноправных и жестких условий, навязываемых США Китаю? Разве это благодеяние?’» [Газета 《环球时报》, 16.06.2022]. В этом высказывании ярко выражается собственно авторское сомнение в политическом действии США, при этом употребляется риторический вопрос с модальным наречием 难道 ‘разве’ (*nándào*).

Однако в китайском медиадискурсе наблюдается риторическая вопросительная конструкция с употреблением общей модальной фразовой частицы 吗 (*ma*), которая в первую очередь употребляется для образования общевпросительного предложения, которое предлагает утвердительный или отрицательный ответ. Однако данная частица также функционирует для создания риторического вопроса и выражает значение модального наречия 难道 ‘разве’ (*nándào*). По нашему наблюдению, для выражения изучаемой категории более важными параметрами являются контекст и интонация.

Например, «俄乌之战引发的地缘政治变动, 动摇了发展中国家对发达国家的信任, 动摇了人们对现有的世界秩序的信任。一个被分裂的世界还会有秩序吗? *Геополитические изменения, вызванные российско-украинской войной, пошатнули доверие развивающихся стран к развитым странам и доверие людей к существующему миропорядку. Разве будет в разделенном мире порядок?*» [Газета 《环球时报》, 17.07.2022]. Данный пример принадлежит книжной речи, с помощью

частицы, с одной стороны, проявляются фонетические признаки данного предложения, чтобы читатель про себя проговаривал с правильным логическим ударением и с соответствующей интонацией, с другой стороны, автором устанавливается контакт с аудиторией, т. е. использован приём диалогизации, чтобы усилить воздействие на аудиторию.

Исследуя риторическую вопросительную конструкцию как способ выражения данного типа модальности, можно отметить, что на материале современного устного медиадискурса для образования вопросительной конструкции активно используется вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*), стоящее перед словом, которое ставится под вопрос. Данное выделенное вопросительное наречие представляет собой стандартный механизм образования вопроса, кроме того, привносит в высказывание предположение или неопределённость на различных степенях при специальном интонировании. Анализ показывает, что выделенное наречие характерно для разговорного стиля речи, поскольку в газетном жанре редко встречается. Рассмотрим пример: «有的时候我们对于有些词语是不是给予了太大的滥用? 比如说, 什么叫 PUA? (*Yǒude shíhòu wǒmen duìyú yǒu xiē cíyǔ shì bù shì gěiyǔ le tài dà de lànòng ? bǐrúshuō , shíme jiào PUA ?*) ‘Иногда не слишком ли мы злоупотребляем некоторыми словами? Например, что такое PUA?’» [Видеопрограмма 《圆桌派》, сезон 5, серия 5]. В этом примере вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*) является формой предположения, остальные части предложения – содержанием данного предположения. Говорящим является пожилой телеведущий, а вокруг него люди частотно употребляют слово «PUA», которое представляет собой новейшее молодёжное сленговое выражение (приблизительно «шеймить», «критиковать»). При этом с помощью выделенного средства выражается авторское предположение, что существует такая ситуация употребления слова «PUA».

5. Сложная синтаксическая конструкция.

Анализ материала на двух языках показывает, что сложносочинённое предложение 联合复句 (*liánhé fùjù*) с различными союзами является общим средством для выражения данного типа модальности. Что касается китайского языка, то при выражении модальности «сомнения» употребляются следующие сочинительные конструкции: 是..., 还是... ‘или..., или...’ (*shì..., huánshì...*); 不知是..., 还是... ‘то ли..., то ли...’ (*bùzhī shì..., huánshì...*); 不是..., 而是... ‘не то чтобы, но’ (*bùshì..., érshì...*), важно отметить, что выделенные союзы являются составными, в их структуру также входят глаголы 是 (*shì*) и 知 (*zhī*). Например, «不知是彭博社错误地表达了马尔帕斯的意思, 还是对他的话做了断章取义的处理, 短短报道中出现了明显的矛盾和逻辑漏洞。 (*Bù zhī shì péngbóshè cuòwùde biǎodá le mǎěrpàsī de yìsī, huánshì duì tā de huà zuò le duànzhāngqǔyì de chùlǐ, duǎnduǎnde bàodào zhōng chūxiàn le míngxiǎnde máodùn hé luójí lòudòng*) **То ли** Агентство Блумберг неправильно передало смысл Малпаса, **то ли** переосмыслило его слова. В коротком репортаже были очевидные противоречия и логические лазейки» [Газета 《环球时报》, 20.09.2022]. Здесь с помощью конструкции выражается авторское сомнение в точности репортажа агентства Блумберг. Однако следует отметить, что в этом примере в качестве сочинительного разделительного союза выступает глагольное сочетание 不知是..., 还是... ‘то ли..., то ли...’ (*bùzhī shì..., huánshì...*), которое структурирует целое предложение и несёт модальное значение неуверенности.

Как выше было сказано, в современном русскоязычном медиадискурсе зачастую употребляется сложноподчинительная конструкция для выражения данного типа модальности, а что касается китайского медиадискурса, то можно выделить конструкцию, которая сходна с русским сложноподчинённым предложением именно по семантике: «但是很显然, 这样的制度性安排有规则上的漏洞, 相信中国绝大多数地方都不会那样做。 (*Dànshì hěn xiǎnrán, zhèyàngde zhìdùxìng ānpái yǒu guīzé shàng de lòudòng, xiāngxìn zhōngguó juédàduōshù dìfāng dū*

bìhuì nàuyàng zuò) ‘Но очевидно, что такая институциональная организация имеет слабые места в правилах, **верю, что** в большинстве мест в Китае не будут этого делать’» [Газета 《环球时报》, 26.07.2021]. В представленном примере употребляется конструкция 相信……‘верить, что...’ (*xiāngxìn*) для выражения авторского утверждения. Можно отметить, что на материале современного китайского языка указанная конструкция не представляется сложной синтаксической конструкцией, а содержание, передающееся придаточной частью предложения в русском языке, является дополнением глагола, выступающего в качестве подлежащего.

Кроме вышперечисленных общих языковых средств, на материале китайского медиадискурса также наблюдаются некоторые собственно авторские средства выражения данной изучаемой категории:

Рассмотрим примеры: «比如说我玩这个“剁手”的这个, 我上了几天的隐, 我估计你像有的人那就是摆脱不了, 因为你知道, 真的好便宜。我就发现, 现在, 这个, 网购五块钱、十块钱的, 这他都能给你寄来, 二十块钱的, 就是说在很便宜的东西里, 也能淘到宝。就是说这是一种乐趣, 可是我现在就发现, 未来真的有可能, 我们要警惕, 进入这个游戏时代, 就是很低的成本, 你以为很便宜, 我就是买错了也损失不了什么(时间), 可是你现在发现没有, 你的一生有多少个 24 小时? 你的时间、你的注意力, 这个东西比你掏的那个十块钱买一个要金贵多了。 (*Bǐrúshuō wǒ wán zhè gè “duòshǒu” de zhè gè, wǒ shàng le jǐ tiān de yǐn, wǒ gūjì nǐ xiàng yǒude rén nà jiù shì bǎituōbùliǎo, yīnwéi nǐ zhīdào, zhēnde hǎo biànyí. Wǒ jiù fāxiàn, xiànzài, zhè gè, wǎnggòu wǔ kuài qián, shí kuài qián de, zhè tā dū néng gěi nǐ jìlái, èrshí kuài qián de, jiùshìshuō zài hěn biànyí de dōngxīlǐ, yě néng táodào bǎo. Jiùshìshuō zhè shì yī zhǒng lèqù, kěshì wǒ xiànzài jiù fāxiàn, wèilái zhēnde yǒu kěnéng, wǒmen yào jǐngtì, jìnrù zhè gè yóuxì shídài, jiù shì hěn dī de chéngběn, nǐ yīwéi hěn biànyí, wǒ jiù shì mǎicuò le yě sǔnshībùliǎo shíme (shíjiān), kěshì nǐ xiànzài fāxiàn méiyǒu, nǐ de yīshēng yǒu duōshǎo gè 24 xiǎoshí? nǐ de shíjiān, nǐ de zhùyìlì, zhè gè dōngxī bǐ nǐ tāo de nà gè*

shí kuài qián mǎi yī gè yào jīnguì diǎo le) «Например, я играю в это "рубить руку" (покупка в интернете), я был несколько дней в зависимости от этого. Я предполагаю, что есть некоторые люди, которые вообще не могут избавиться от этого, потому что, вы знаете, там всё очень дешево. Я заметил, что в интернете, там вещи за 5 юаней и 10 юаней, они даже могут отправлены вам (бесплатная доставка), а если вы купили за 20 юаней... это означает, что вы можете найти сокровища среди очень дешевых вещей. Т. е. это тоже такая радость. Но теперь я заметил, что в будущем действительно, возможно то, что мы будем вступать в «Эру игр», мы должны быть бдительными. Т. е. это очень низкая цена, вы думаете, что это всё очень дешево, даже если я куплю не то, я ничего не потеряю (время), но теперь вы знаете, сколько 24 часов в вашей жизни? Ваше время, ваше внимание, это намного **дороже**, чем те вещи, которые вы купили за десять юаней» [Видеопрограмма 《圆桌派》, сезон 5, выпуск 9]. В представленном фрагменте говорящий рассказывает о своей попытке покупки в интернете, при этом употребляет некоторые средства выражения субъективной модальности, в том числе логическое изложение, предположение и оценки. В конце этого высказывания для выражения авторской оценки используется оценочное прилагательное 金贵 (*jīnguì*), означающее «драгоценный»; с помощью данной единицы автор даёт оценку, что наше время и внимание драгоценное, кроме того, контекст полностью раскрывает авторский смысл, и данная единица также отражает авторскую коннотацию – негативное отношение автора к покупке в интернете, что это напрасно тратить время несмотря на то, что там низкая цена у многих товаров.

Анализ показывает, что нейтральное слово также может выступить в качестве выразителя авторской оценки, при этом контекст является важным фактором, поскольку именно в нём раскрывается авторская коннотация.

Например, «— 对于一个高档餐厅来说, 如果没有松露鱼子酱, 它就不叫高档, 它就好像就不够品质。

— 对。

— 请客的主人，他得有面子。

— 这就是品质。后来我问一个美食家，我说这个，它为什么是鱼子酱？是这样的，鱼子酱相当于《二十四史》，我一想，哇奥，这个厉害！《二十四史》！相当于老板桌子后面的《二十四史》。

— 就是一瓶，里面是空的！

— 就是老板不一定要读它，但是在训斥员工的时候他更加地自信。

— 对对对，背靠着《二十四史》呀！

(— *Duìyú yī gè gāodàng cāntīng lái shuō, rúguǒ méiyǒu sōnglù yúzi jiàng, tā jiù bù jiào gāodàng, tā jiù hǎoxiàng jiù bù gòu pīnzhì.*

— *Duì.*

— *Qǐngkè de zhǔrén, tā dé yǒu miànzi.*

— *Zhè jiù shì pīnzhì. hòulái wǒ wèn yī gè měishí jiā, wǒ shuō zhè gè, tā wéishíme shì yúzi jiàng? shì zhèyàng de, yúzi jiàng xiāngdāngyú "Èrshísì shǐ", wǒ yī xiǎng, wāo, zhègè lìhài! "Èrshísì shǐ"! xiāngdāngyú lǎobǎn zhuōzi hòumiàn de "Èrshísì shǐ".*

— *Jiù shì yī píng, lǐmiàn shì kōng de!*

— *Jiù shì lǎobǎn bù yīdìng yào dú tā, dànshì zài xùncì yuángōng de shíhòu tā gēngjiā dì zìxìn.*

— *Duì duì duì, bèi kào zhe "Èrshísì shǐ" yā!)*

‘— *Для высокосортного ресторана, если в нём нет трюфеля и икры, то он не считается высокосортным, он вроде недостаточно качественный.*

— *Верно.*

— *Хозяину, который угощает гостей, нужно показать свою щедрость.*

— *Это качество. Я спросил гурмана, и я сказал, почему это именно икра? Это так, икра эквивалентна «История 24 эпох», я подумал, вау, это классно! «История 24 эпох» же! Икра эквивалентна «История 24 эпох», которая стоит за столом босса.*

— *Это бутылка, внутри пусто!*

— *Т. е. начальнику не обязательно её читать, но он будет более уверенный, когда он делает выговоры своим сотрудникам.*

— *Да, да, да! За его спиной стоит же «История 24 эпох!»*» [Видеопрограмма, 《圆桌派》, сезон 5, выпуск 4]. Этот пример является фрагментом обсуждения между участниками о том, почему икра является стандартом высокосортного ресторана, в речи каждого коммуниканта для выражения личного мнения употребляется множество средств передачи субъективной модальности. Обратим внимание на особое употребление названия летописи 《二十四史》 ‘История 24 эпох’ (Èrshísì shǐ), с помощью которого выражается негативная оценка представленной ситуации, что икра является модным ингредиентом для любого качественного ресторана. В контексте мы видим, что само название летописи не имеет коннотативного значения, однако в данном случае с помощью контекста проявляется две авторские коннотации: по мнению говорящего настоящая «История 24 эпох» для характеристики какой-либо высококачественной вещи, которая имеет важное значение для какой-либо деятельности; икра как модный ингредиент блюд не эквивалентна настоящей летописи «История 24 эпох», которая имеет большое значение для всей истории Китая, а как книга «История 24 эпох», которая стоит за столом начальника и имеет только внешнее значение.

На материале китайского медиадискурса также встречаются индивидуально-авторские средства, которые, с одной стороны, скрывают авторскую коннотацию в различных контекстах, с другой стороны, направлены на достижение максимального коммуникативного эффекта.

Приведём пример, «因为虚拟经济压倒实体经济, 那种具备实实在在力量的美国事实上已经不存在了。这样一个美国还能不能像历史上一样自我纠偏解决问题, 本身就画上了问号。(Yīnwéi xūnǐ jīngjì yādǎo shíwù jīngjì, nà zhǒng jùbèi shíshí zài lìliàng de měiguó shìshí shàng yǐjīng bù cúnzài le. zhèyàng yī gè měiguó huán néngbùnéng xiàng lìshǐ shàng yīyàng zìwǒ jiūpiān jiějué wèntí, běnshēn jiù huàshàng

liǎo wèn hào) ‘Поскольку в настоящее время виртуальная экономика подавляет реальную экономику, такой Америки с реальной властью больше не существует. Сможет ли такая Америка исправиться и решить проблемы, как это было в истории, это само по себе **являются вопросом**’» [Газета Глобал таймс, 19.07.2022].

В этом случае автор выражает наиболее сильное сомнение в том, что нынешняя Америка может справиться с представленной экономической проблемой, при этом употребляется словосочетание 画问号 ‘нарисовать/поставить вопросительный знак’ (*huà wèn hào*). В современном китайском языке существует устойчивое выражение 画句号 ‘нарисовать/поставить точку’ (*huà jù hào*), которое выражает значение «закончить какое-либо действие или событие», например, «广播民族乐团将以“贺新春中国民乐经典音乐会”，为牛年最后一天画句号。(Guǎngbō mínzú yuètuán jiàng yǐ “hèxīnchūn zhōngguó mínyuè jīngdiǎn yīnyuèhuì”, wèi niúnián zuìhòu yī tiān huàjù hào) ‘Национальный оркестр радио завершит (поставит точку) последний день года быка “Классическим концертом китайской народной музыки на Китайский Новый год”’» [Газета 《人民日报》, 1998]. А в данном контексте поставленный автором *вопросительный знак* эмоционально указывает на сильное сомнение и представляет собой собственное авторское средство выражения субъективности.

Таким образом, в китайском медиадискурсе при выражении изучаемой модальности употребляется множество разноуровневых языковых средств, которые могут быть представлены в ядерно-периферийной структуре в ФСП эпистемической модальности. К ядру относятся лексические способы, включающие в себя модальное наречие, вводное слово, модальный глагол, ЛСГ глаголов с семантикой достоверности/недостоверности. На периферии располагаются синтаксические средства, к ним относятся риторическая вопросительная конструкция и сложная синтаксическая конструкция. Следует отметить, что все указанные средства не изолированы друг от друга, они взаимодействуют между собой, в центре структуры любого синтаксического средства может располагаться лексическая единица, выражающая

эпистемическую модальность, и семантика лексической единицы выражается непосредственно при помощи целой конструкции. Кроме общих языковых средств, при формировании различных жанров современного китайского медиадискурса также употребляются авторские средства, однако авторская коннотация раскрывается именно при наличии полного контекста.

На лексическом уровне главное различие между двумя языками отмечено в классификации разных служебных частей речи. В китайском языке принято выделять отдельную группу слов – 情态副词 (*qíngtài fùcí*), которая переводится на русский язык как «модальное наречие», выполняющее функцию, частично соотносимую с вводным словом и модальной частицей русского языка.

На синтаксическом уровне общим средством является риторическая вопросительная конструкция, выражающая семантику сомнения на высокой степени. Важно отметить, что в китайском языке в структуре вопросительной конструкции употребляется общая фразовая частица 吗 (*ma*), которая в первой очереди функционирует для образования общевопросительной конструкции, однако с её помощью также проявляется значение «разве» в риторической вопросительной конструкции. При образовании вопросительной конструкции также используется вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*), с помощью которого структурируется авторское предположение. Наибольшие отличия между синтаксическими средствами двух языков отмечены нами в союзном оформлении для сложносочинённого предложения и структурировании сложноподчинённого предложения.

2.7.1. Некоторые особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в газете 《环球时报 ‘Глобал таймс’》

В современном китайском обществе газета 《环球时报 ‘Глобал таймс’》 (*Huánqíú shíbào*) представляет собой популярный правительственный канал передачи аналитической информации – структурное подразделение официального печатного издания Центрального комитета Коммунистической

партии Китая 《人民日报 ‘Жэньминь жибао’》 (*Rénmínrìbào*), в нём публикуются различные статьи или комментарии информационно-аналитического характера, наиболее главная тема которых – внешняя и внутренняя политика, однако в данной газете используется более популярный стиль изложения; газета имеет широкую как внутреннюю, так и заграничную аудиторию. Важно отметить, что данная газета также является гибридным жанром журналистики, с одной стороны, она имеет особенности официального стиля, поскольку главная ее задача – выразить точку зрения государства, с другой стороны, она обладает чертами публицистического стиля, в статьях зачастую проявляются собственное авторское мнение, в частности выражение достоверности/недостоверности, для воздействия на аудиторию. Кроме этого, статьи газеты представляются типичной книжно-письменной формой речи, в них не наблюдаются элементы, характерные для устно-разговорной речи.

Как выше в параграфе 2.7. показано, при выражении изучаемого типа субъективной модальности используются разнообразные различные разноуровневые языковые средства, и частотность их употребления представляется следующим образом (Рис. 11).

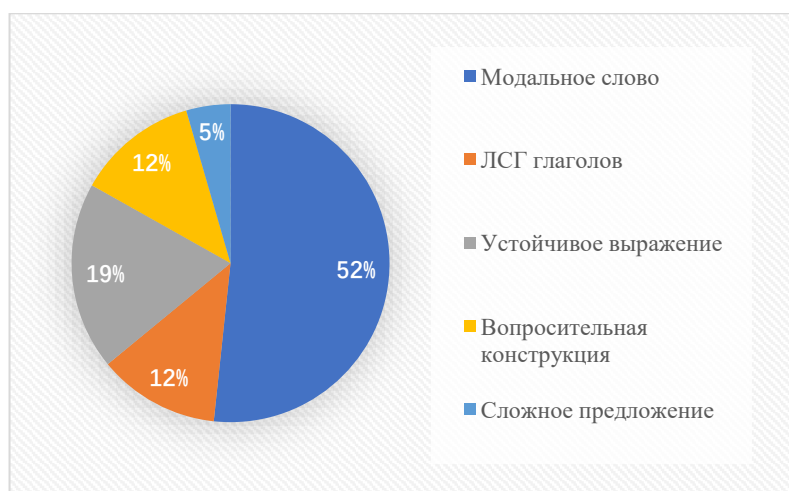

Рис. 11. Частотность употребление разноуровневых средств выражения эпистемической модальности в газете 《环球时报 ‘Глобал таймс’》.

Как показывает статистика, ядерными средствами выражения изучаемого типа субъективной модальности являются различные разряды лексических средств, среди них самой большой группой представляются те или иные модальные слова – 情态词 (*qíngtài cí*), среди которых особенное место принадлежит классу слов –

модальное наречие 情态副词 (*qíngtài fùcí*), выполняющее функцию некоторых вводных слов или модальных частиц в современном русском языке. И можно отметить, что ряд устойчивых выражений (исконно китайские идиомы и устойчивые словосочетания) также активно (среди всех выделенных средств данная группа составляет 19%) проявляется при формировании данного типа современного медийного общения.

Анализ материала показывает, что употребление исконно китайских идиом для выражения семантики уверенности/неуверенности или оценки является первой чертой данного типа медийного общения. На собранном материале обнаружено 8 идиом: 毫无疑问 ‘без всякого сомнения’ (*háowú yíwèn*), 毋庸置疑 ‘не нужно сомневаться – несомненно, нет сомнений в чём-либо’» (*wúyōng zhìyí*), 显而易见 ‘совершенно очевидно’» (*xiǎn ér yì jiàn*), 难以置信 ‘трудно поверить’ (*nányǐ zhìxìn*), 言行不一 ‘слова и действия не совпадают’ (*yánxíng bù yī*), 荒诞不经 ‘совершенно абсурдный’ (*huāngdàn bùjīng*), 耳目一新 ‘всё новое, что видишь и слышишь’ (*ěrmù yīxīn*), 醉翁之意不在酒 ‘с раскрытым намерением’ (*zuìwēng zhī yì bù zài jiǔ*). Следует отметить, у выделенных фразеологических единиц главная функция – передать различные степени уверенности и собственной авторской оценки пришедшего или происходящего события, однако данные выражения также осуществляют дополнительную функцию – эстетическую, поскольку они характерны для книжно-письменной речи и высокого стиля.

По нашим наблюдениям, при выражении эпистемической модальности в данной форме медийной коммуникации особой группой представляется ЛСГ глаголов, поскольку в тех или иных контекстах из газеты глаголы данной группы зачастую употребляются в сочетаниях с другими лексическими единицами, однако не являются устойчивыми сочетаниями. Например, 值得怀疑 ‘стоит сомневаться’ (*zhídé huáiyí*), 很难不让人怀疑 ‘трудно не сомневаться’ (*hěnnán bù ràng rén huáiyí*), 很难相信 ‘трудно поверить’ (*hěnnán xiāngxìn*), 不可否认的是 ‘нельзя не признать’ (*bùkě fǒurèn de shì*), 可以相信 ‘можно поверить’ (*kěyǐ xiāngxìn*) и др.

Кроме этого, следует отметить, что с использованием глаголов этой группы зачастую передаются мнения других лиц в косвенной речи, однако в случае выражения собственного авторского мнения с помощью выделенных глаголов прямой субъект сказуемого (я) скрывается в тех или иных контекстах, или вместо местоимения «я» используется слово 笔者 ‘автор данной статьи – для самоназвания’ (*bǐzhě*). Например, 但是很显然, 这样的制度性安排有规则上的漏洞, 相信中国绝大多数地方都不会那样做。 (*Dànshì hěn xiǎnrán, zhèyàngde zhìdùxìng ānpái yǒu guīzé shàng de lòudòng, xiāngxìn zhōngguó juédàduōshù dìfāng dū bùhuì nàiyàng zuò*) ‘Но очевидно, что такая институциональная организация имеет слабые места в правилах, **верю, что** в большинстве мест в Китае не будут этого делать’» [Газета 《环球时报》, 26.07.2021]; «<...> 笔者认为基于多层构架和多角关系的欧洲各国, 更应该将维护欧洲的稳定视为第一要务 <...> (*Bǐzhě rènwéi jīyú duō céng gòujià hé duōjiǎo guānxì de ōuzhōu gè guó, gēng yìnggāi jiàng wéihù ōuzhōu de wěndìng shìwéi dìyī yàowù*) ‘Автор думает (я думаю), что европейские страны, которые находятся на многоуровневой структуре и многоаспектных отношениях, должны рассматривать поддержание европейской стабильности в качестве первостепенной задачи <...>’» [Газета 《环球时报》, 13.09.2022]. В первом контексте авторское мнение о действиях местных правительств выражается при помощи глагола 相信 ‘верить’ (*xiāngxìn*), можно отметить, что при его употреблении отсутствует прямой субъект «я» несмотря на то, что в грамматической системе китайского языка не существует категория спряжения глагола, однако при помощи контекста можно узнать, данное высказывание принадлежит именно самому автору. А во втором контексте при употреблении глагола 估计 ‘предполагать’ (*gūji*) субъект также скрывается в контексте, однако в случае употребления глагола 认为 ‘думать, считать’ (*rènwéi*) субъект выражается словом 笔者 ‘автор данной статьи – для самоназвания’ (*bǐzhě*), которое обозначает «пишущий» и используется для самоназвания.

Следующей особенностью употребления выделенных средств выражения

эпистемической модальности в газетном типе медиадискурса является употребление книжных форм нейтральных модальных слов. Например, 恐怕 ‘пожалуй’ (*kǒngpà*)», употребляющийся как в качестве глагола *бояться*, так и в качестве модального наречия «пожалуй», имеет ещё форму 恐 (*kǒng*), которая, по нашим наблюдениям, именно употребляется в книжно-письменной речи и означает *пожалуй*; в современном китайском языке также существует синонимический ряд слов с семантикой *возможно*: 也许 (*yěxǔ*), 或许 (*huòxǔ*), 或是 (*huòshì*) и 或 (*shì*), среди которых 或是 (*huòshì*) и 或 (*shì*) наблюдаются именно в данной книжно-письменной форме медиаобщения.

Таким образом, в современном китайском обществе газета 《环球时报》 представляет собой традиционный канал распространения информации – типичная книжно-письменная форма общения, которая охватывает основные черты официального и публицистического стиля речи. Что касается различных средств выражения эпистемической модальности, то существуют особые случаи их употребления, характерные для данной формы медийной коммуникации. На материале данного источника информации наблюдаются многочисленные случаи употребления исконно китайских идиом, которые, с одной стороны, эмоционально выражают авторское мнение о тех или иных событиях, с другой стороны, выполняют эстетическую функцию. В газетном варианте общения обнаружены особые употребления единиц ЛСГ глаголов с семантикой достоверности/недостоверности: глаголы этой группы могут использоваться в словосочетаниях с другими лексическими единицами; для выражения личного авторского мнения выделенные глаголы употребляются при отсутствии прямого субъект «я» или с косвенным субъектом 笔者 ‘автор данной статьи – для самоназвания’ (*bǐzhě*), который является словом самоназвания автора в контексте. Отмечены некоторые формы модальных слов, характерные для книжно-письменной формы речи: 恐 (*kǒng*) от модального наречия 恐怕 ‘пожалуй’ (*kǒngpà*)»; 或是 (*huòshì*) и 或 (*huò*) от модального наречия 或许 ‘возможно’ (*huòxǔ*).

2.7.2. Некоторые особенности употребления средств выражения эпистемической модальности в видеопрограмме 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》

Видеопрограмма 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》 (*Yuánzhuō pài*), название которого переводится как «Встреча за круглым столом», это – один из наиболее новых распространённых реалити-шоу в современном китайском медиа, который представляет собой беседу со знаменитыми лицами из различных сфер по разнообразным темам, актуальным для современного общества и связанным с культурной стороной жизни человека. Данная видеопрограмма является гибридным жанром, поскольку, во-первых, в ней представлена беседа в свободной разговорно-устной форме, которая характеризуется большой спонтанностью, во-вторых, содержится научно-популярная информация по какой-либо специальной области, в-третьих, зачастую проявляется экспрессивность при выражении собственного мнения, направленная на воздействие на других коммуникантов.

Для анализа был привлечён 5-й сезон (12 серий), проанализирован 151 случай употребления средств выражения категории субъективной модальности, среди них 108 случаев употребления средств выражений эпистемической модальности. Для данного жанра медиаобщения при выражении эпистемической модальности также характерен большой набор общих языковых средств, и частотность их употребления представляется следующим образом (Рис. 12).

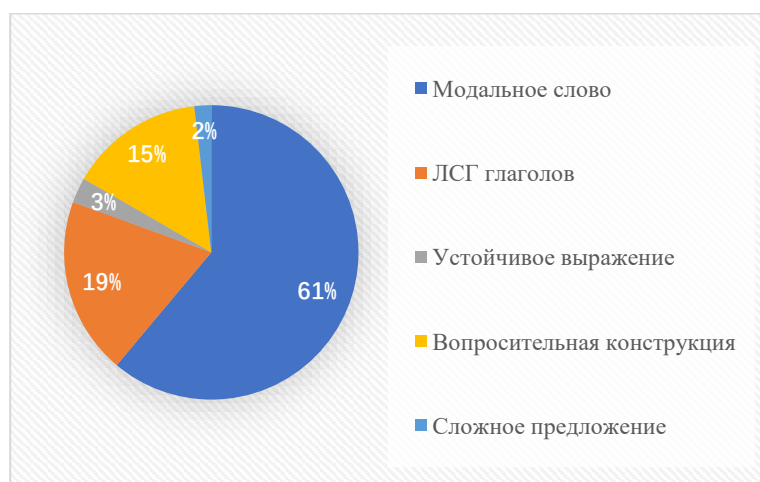

Рис. 12. Частотность употребления разноуровневых средств выражения эпистемической модальности в видеопрограмме 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》.

Для передачи модальных значений достоверности/недостоверности как в газетном типе, так и в данном типе современного китайского медиадискурса группа модальных слов 情态词 ‘модальное слово’ (*qíngtài cí*) представляет собой наиболее употребительное средство выражения изучаемой категории. Однако существуют и особые употребления общих языковых средства выражения эпистемической модальности и других видов субъективной модальности, которые характерны именно для разговорно-устной формы медиаобщения.

ЛСГ глаголов с семантикой достоверности/недостоверности является одним из господствующих способов выражения изучаемой категории, однако в отличие от письменного жанра в видеопрограмме выделенные глаголы употребляются при проявлении яркой личности, т. е. зачастую используется личное местоимение *я* в качестве прямого субъекта сказуемого, в рамках нашей работы отобран 21 случай употребления глаголов для передачи эпистемической модальности, среди них 20 случаев с употреблением личного местоимением *я*. Приведём пример, «比如说我玩这个“剁手”的这个，我上了几天的隐，我估计你像有的人那就是摆脱不了 <...> (*Bǐrúshuō wǒ wán zhè gè “duòshǒu” de zhè gè, wǒ shàng le jǐ tiān de yǐn, wǒ gūjì nǐ xiàng yǒude rén nà jiù shì bǎituō bùliǎo*) ‘Например, я играю в это «Рубить руки» (покупка в интернете), я был несколько дней в зависимости от этого. **Я предполагаю**, что есть некоторые люди, которые вообще не могут избавиться от этого <...>» [Видеопрограмма 《圆桌派, Сезон 5, серия 9]. В данном контексте выражается авторское предположение о представленной ситуации при помощи глаголов *предполагать*, в качестве субъектов которого выступает личное местоимение *я*. Как сказано выше, формат видеопрограммы – беседа между коммуникантами, т. е. представляется полилог, при этом важно указать источник информации. В устной форме коммуникации отсутствие указания источника информации может приводить к непониманию у других собеседников: кто думает, кто предполагает, кто верит и т. п. В связи с этим личное местоимение *я*, с одной стороны, показывает источник информации, высказанное мнение принадлежит именно самому говорящему, с другой стороны, оно представляет собой

обязательный компонент предложения при устном общении.

Частотным способом выражения изучаемой категории в данной форме медиаобщения также является риторическая вопросительная конструкция, однако для передачи семантики сомнения внутри структуры риторического вопроса зачастую употребляется вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*), которое в грамматической системе китайского языка относится к разряду 疑问副词 ‘вопросительного наречия’ (*yíwèn fùcí*). Приведём пример, «这些靠谱吗? 这些是不是品质好呢? (*Zhèxiē kàopǔ mǎ? Zhèxiē shì bù shì pǐnzhì hǎo ne?*) ‘Эти рестораны надёжные? У этих есть или нет высокого качества? (Речь идёт о тех ресторанах, где постоянно большая очередь)’» [Видеопрограмма 《圆桌派》, Сезон 5, серия 4]; В представленном примере при употреблении риторических вопросов ярко отражается авторское мнение с определённой долей неуверенности в качестве представленных ресторанов. Более того, вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*) привносит экспрессивность в целое высказывание, его употребление зачастую сопровождается специальной повышенной вопросительной интонацией.

Если в газетном типе медиадискурса при выражении категории эпистемической модальности обычно употребляются исконно китайские идиомы, которые выполняют эстетическую функцию, то в данном типе используются некоторые устойчивые выражения, характерные для устно-разговорной формы речи, также присутствует диалектное выражение. Анализируя материал, мы обнаружили следующие устойчивые единицы: 两说 ‘сказать надвое – неточно, неопределённо’ (*liǎng shuō*), 没错 ‘нет ошибок – несомненно, точно’ (*méicuò*), 不好说 ‘нехорошо говорить – неясно, трудно сказать, не могу точно сказать’ (*bùhǎo shuō*), 没准 ‘нет определённости – вполне возможно’ (*méizhǔn*), 说不定 ‘говорить неопределённо – может быть’ (*shuōbùdìng*). Следует подчеркнуть, что в современном китайском языке выделенные устойчивые выражения относятся к разговорному стилю речи и не являются предметом исследования китайской

фразеологии; в рамках нашей работы на материале газеты не наблюдается случаев их употребления, при этом употребление данных устойчивых выражений также представляет собой одну из черт устной формы современного медиа.

Рассмотрим пример, «— 有的时候, 我觉得那个网上的, 有的那个第一名是靠谱的, 我们有时候出差到有的地方去, 还真是好吃, 就是根据网上那个找, 数一数二的。— 我也学会了看评论, 有没有真假? — 这个.....我怕不好说吧。(— *Yǒude shíhòu, wǒ juéde nà gè wǎng shàng de, yǒude nà gè dìyī míng shì kàopǔ de, wǒmen yǒushíhòu chūchā dào yǒude dìfāng qù, huán zhēn shì hǎochī, jiù shì gēnjù wǎng shàng nà gè zhǎo, shùyīshùèr de. — Wǒ yě xuéhuì liǎo kàn pínglùn, yǒuméiyǒu zhēn jiǎ? — Zhè gè.....wǒ pà bù hǎoshuō bā)* ‘— Я думаю, что в интернете иногда рестораны, которые занимают первые места в рейтинге, надёжные. Иногда мы ходим в некоторые места, когда на командировке, и там было действительно вкусно. Просто ищем по интернету такие престижные места. — Я тоже научилась читать комментарии, а там есть ли неправда? — Это..., боюсь, **это трудно сказать**’» [Видеопрограмма 《圆桌派》. Сезон 5, серия 4]. В контексте при выражении неуверенности употребляется устойчивое выражение 不好说 ‘нехорошо говорить – неясно, трудно сказать, не могу точно сказать’ (*bùhǎo shuō*), которое выражает сомнение собеседника. Можно отметить, что выделенное выражение характерно именно для устно-разговорной речи и представляет собой эмоциональную окраску при формировании авторского мнения.

По нашим наблюдениям, для данной формы медиаобщения характерной особенностью употребления тех или иных языковых средств выражения изучаемого вида модальности также является повторное употребление одного и того же средства или совместное употребление ряда синонимичных средств в одном предложении. Можно отметить, что данные особые употребления характерны для устно-разговорного общения, и зачастую выполняют усилительную функцию – привносят в высказывание экспрессивность.

Например, «<...> 我觉得是这样的, 就是, 我觉得, 好像, 似乎小品演员和

喜剧演员包括二人转演员他们老觉得搞笑这事儿不高级，就是到最后他得悲一下，他得让人哭，这事儿才高级。<...> (*Wǒ juéde shì zhèyàng de , jiùshì , wǒ juéde , hǎoxiàng , sīhū xiǎopīn yǎnyuán hé xǐjù yǎnyuán bāokuò èr rén zhuǎn yǎnyuán tāmen lǎo juéde gǎoxiào zhè shìer bù gāojí , jiùshì dào zuìhòu tā dé bēi yīxià , tā dé ràng rén kū , zhè shìer cái gāojí*) *‘Я так думаю, именно, я думаю, может быть, кажется, эти актёры, комедианты, даже актёры танцевально-песенного дуэта, они часто считают, что делать смех это не элитарное действие, а трогать зрителей – это элитарное’*» [Видеопрограмма 《圆桌派》. Сезон 5, серия 3]. В представленном примере, выражая собственное мнение, говорящий повторно употребил глагол 觉得 ‘думать или предполагать’ (*juéde*), поскольку речь говорящего спонтанная, говорящий повторяет один и тот же глагол, чтобы у него было время сформулировать свою мысль. Далее в его речи подряд употребляются синонимичные модальные наречия 好像 ‘похоже’ (*hǎoxiàng*) и 似乎 ‘по-видимому’ (*sīhū*), чтобы усилить семантику сомнения и воздействовать на других собеседников.

Таким образом, видеопрограмма 《圆桌派》 как новейшее СМИ, имеющее гибридную жанровую характеристику, представляет собой устно-разговорную форму общения. При формировании газетного типа и данного типа медиадискурса в китайском обществе употребляются некоторые общие языковые средства выражения эпистемической модальности, однако для каждого медижанра существуют свои особенности их употребления, которые характерны для книжно-письменной, также и для устно-разговорной формы речи. В отличие от газеты в видеопрограмме ЛСГ глаголов с изучаемой семантикой используется зачастую с проявлением яркого прямого субъекта «я»; что касается вопросительной конструкции, то в устной форме употребляется вопросительное наречие 是不是 ‘есть + не + есть – да или нет’ (*shì bù shì*), которое является структурным центром вопроса и усилителем семантики сомнения; для данного типа устного общения характерно употребление устойчивых выражений разговорного стиля, также

наблюдается употребление диалектного выражения; и в спонтанной речи зачастую проявляется повторное или совместное употребление одного и того же средства или синонимичных средств в одном предложении.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

При формировании современного медиадискурса употребляется множество общих языковых средств выражения субъективной модальности, в частности эпистемической модальности, следует отметить, что среди всех субъективно-модальных значений с высочайшей частотностью используется именно выражение эпистемической модальности для формирования тех или иных типов современного медиадискурса, частотность выражения данной категории представлена ниже (Рис. 13, Рис. 14, Рис. 15, Рис. 16, Рис. 17).

Рис. 13. Частотность выражения эпистемической модальности в газете «Коммерсантъ».

Рис. 14. Частотность выражения эпистемической модальности в видеоблоге «А поговорить?».

Рис. 15. Частотность выражения эпистемической модальности в подкасте «Розенталь и Гильденстерн».

Для того, чтобы понять, насколько типично или специфично представленное выше положение дел для современного медиадискурса, посмотрим на данные по китайским СМИ.

Рис. 16. Частотность выражения эпистемической модальности в газете «环球时报 ‘Глобал таймс’».

Рис. 17. Частотность выражения эпистемической модальности в видеопрограмме «圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’».

Выделенные средства могут быть составляющими ФСП субъективной модальности, которые представлены в ядерно-периферийной структуре. Ядерными средствами являются лексические единицы, на периферии располагаются грамматические средства, к ним относятся категория наклонения и различные синтаксические конструкции.

На лексическом уровне при выражении эпистемической модальности активно употребляются вводное слово, модальная частица и ЛСГ глаголов и наречий с семантикой достоверности/недостоверности. На синтаксическом уровне частыми средствами являются риторическая вопросительная конструкция, сложная сочинительная и подчинительная конструкция, также фразеологическая единица и фразеологизированная единица.

Выражение эпистемической модальности имеет осложнённую структуру, вместе с выражением изучаемой категории также отражаются иные виды субъективной модальности, в частности категории оценки и эмотивности. В рамках

данной работы были привлечены к рассмотрению некоторые авторские выражения оценки, в структуре которых вместе с контекстом раскрывается имплицитная авторская коннотация, и были выделены следующие группы: оценочные лексические единицы, проявляющие индивидуальные коннотации в контексте; нейтральные лексические единицы в функции оценочных; индивидуально-авторские выражения.

Выбранные источники информации представляют собой гибридные жанры журналистики, имеющие смешанные черты функциональных стилей речи. Газета «Коммерсантъ» является типичной книжно-письменной формой медийной коммуникации. Однако на материале газеты «Коммерсантъ» для проявления личности автора и экспрессивности зачастую употребляется разговорная лексика или выражения (например, *скорее всего, публика, пацанская лихость, как собака на сене, без тормозов* и др.).

Подкаст «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблог «А поговорить?» как новейшие типы медиадискурса показывают пересечение устно-разговорной и книжно-письменной формы речи. В подкасте и видеоблоге используются различные разряды средств для проявления экспрессивности, выражение собственного мнения коммуникантов частично представляется в книжной форме: употребляются ряд слов (*якобы, изошрённый, противный, снобизм, гонение, величие, трепет* и др.) и сложное синтаксическое предложение. Однако в отличие от газетной формы медиаобщения при употреблении сложноподчинённого изъяснительного предложения в подкасте и видеоблоге в качестве субъекта данного типа предложения зачастую выступает «я» и «мне», а в газете этот тип предложения употребляется для передачи мнения другого лица в косвенной речи.

Главная функция выделенных средств – интерпретация авторского мнения по модальной шкале достоверности/недостоверности. В зависимости от коммуникативной цели и контекста общения эти средства также выполняют следующие вспомогательные функции: оценочная; эмотивная; воздействующая; контактоподдерживающая; функция демонстрации источника высказывания.

Выражение эпистемической модальности является одним из способов реализации коммуникативной стратегии. В рамках данной работы на основании глобальных коммуникативных целей выделяются следующие общие коммуникативные стратегии: стратегии информирования и воздействия; что касается локальных целей, то можно выделить стратегии предположения и утверждения, стратегии дискредитации и убеждения.

Для выявления языковой специфики выражения эпистемической модальности в русском медиадискурсе проанализированы СМИ на китайском языке. Выявлено, что в китайском медиадискурсе при выражении изучаемой категории также употребляются разноуровневые средства, однако выделяется отдельная группа слов – 情态词 ‘модальное слово’ (*qíngtài cí*), которая подразделяется на три подгруппы: 情态副词 ‘модальное наречие’ (*qíngtài fùcí*), 插入语 ‘вводное слово’ (*chārù yǔ*) и 情态动词 ‘модальный глагол’ (*qíngtài dòngcí*), выполняя функцию, частично соотносимую с вводным словом и модальной частицей русского языка; наибольшая специфика выражения субъективной модальности отмечена в союзном оформлении и структурировании сложноподчинённого изъяснительного предложения на двух языках. Что касается выбранных жанров китайского медиадискурса, то они представляют собой устную и письменную форму медиакommunikации, в них редко встречается смешение двух форм речи, эпистемическая модальность выражается различными способами.

Рассмотрение средств выражения эпистемической модальности в русском медиадискурсе на фоне китайского позволяет выделить зоны, на которые необходимо обратить особое внимание преподавателю русского языка как иностранного в китайской аудитории. С другой стороны, некоторые средства выражения исследуемой категории не требуют подробных комментариев преподавателя, т. к. знакомы китайским учащимся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-семантическая категория эпистемической модальности представляет собой субъективную сторону высказывания, которая присутствует в процессе речемыслительной деятельности и структурирует медийную коммуникацию в обществе.

Общие вербализованные средства выражения эпистемической модальности в русском медиадискурсе являются различными дискурсивными маркерами, способствующими достижению как глобальной, так и локальной коммуникативной цели – определению вводимой информации по модальной шкале достоверности/недостоверности и установлению или поддержанию контакта с другими коммуникантами.

Анализ материала показал, что при выражении эпистемической модальности используются разноуровневые средства, среди которых основополагающими являются лексические единицы, а периферийными – те или иные синтаксические и грамматические средства.

Выделенные средства активно функционируют при формировании тех или иных типов современного медиадискурса, и при этом приобретают свои особенности. Газета «Коммерсантъ» представляет собой книжно-письменную форму медиаобщения, результатом которого являются различные статьи информационно-аналитического типа, где ожидаются все черты публицистического стиля речи, также представлено пересечение книжно-письменной и устно-разговорной формы речи.

Подкаст «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблог «А поговорить?» являются новыми формами современного медиаобщения, они характеризуются большой спонтанностью и проявлением экспрессивности. Однако при формировании данных типов медиадискурса речь коммуниканта может частично представляться в книжной форме, поскольку в ней употребляются ряд слов или сложные синтаксические конструкции, которые характерны для книжной речи.

В современном русском медиадискурсе средства выражения эпистемической

модальности не только способствуют выражению авторской позиции, но и представляются одним из способов формирования и реализации определённых коммуникативных стратегий (общие – информирования и воздействия, частные – предположение и утверждение, убеждения и дискредитации) в зависимости от глобальной коммуникативной цели и контекста. При этом выделенные средства выполняют ряд вспомогательных функций, направленных на достижение тех или иных коммуникативных целей.

Рассмотренные формы медиадискурса на двух языках могут быть полезны преподавателю РКИ в китайской аудитории. Во-первых, тексты, отобранные из данных источников, содержат большое количество языковых образцов, способствующих развитию как языковых, так и коммуникативных компетенций учащихся; во-вторых, благодаря анализу средств выражения изучаемой семантики в русском и китайском медиадискурсе могут быть выяснены основные различия между языками, что позволит облегчить носителям китайского языка процесс изучения средств выражения эпистемической модальности в русском языке.

Перспектива данной работы видится в дальнейшем углублённом и подробном рассмотрении структуры функционально-семантического поля эпистемической модальности и его микрополей, также в детальном наблюдении изменений современного языка на материале различных форм медиаобщения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авидзба А. В.* Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016, № 1. – С. 35-40.
2. *Акимова Н. И., Акимова А. С., Лапекина С. И.* Функционально-семантическая категория модальности русского языка в зеркале китайского языка // Язык. Словесность. Культура. – 2014, № 5. – С. 25-46.
3. *Александрова О. В.* Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации / О. В. Александрова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань, 2002. – С. 80-83.
4. *Алиева Э. Н.* Функционально-семантическая категория модальность и её реализация в разноструктурных языках (русском, английском и лезгинском): авт. дисс. докт. фил. наук. – М., 2010. – 63 с.
5. *Алисова Т. Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – М.: 1971. – С. 54-64.
6. *Андреева В. А.* К вопросу о соотношении понятий «текст» и «дискурс»: место текста в динамическом пространстве дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Серия 9. Выпуск 4. – 2007. – С. 198-204.
7. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1988. – 341с.
8. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
9. *Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 179 с.
10. *Беляева Е. И.* Возможность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 126-142.

11. *Беляева Е. И.* Достоверность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 157-170.
12. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
13. *Бирюлин Л. А., Кордин Е. Е.* Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. / Бондарко А. В. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
14. *Богданов В. В.* Текст и текстовое общение. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
15. *Богданова-Бегларян Н. В.* О возможных коммуникативных помехах в межкультурной устной коммуникации // Мир русского языка. – 2018, № 3. – С. 93-99.
16. *Бокаева А. Н., Нурсеитова Х. Х.* К определению «дискурс» // *Lingua mobilis.* Языкознание и литературоведение. – 2012, № 1 (34). – С. 19-23.
17. *Бондаренко В. Н.* Виды модальных значений и их выражение в языке: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. – Москва, 1977. – 23 с.
18. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
19. *Борботько В. Г.* Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения: дис. доктора филологических наук. – Краснодар, 1998. – 250 с.
20. *Бурычев В. А.* Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник ТГУ. – 2008. Выпуск 10. – С. 9-16.
21. *Ваулина С. С., Куска И. Ю.* Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Том. 17. – 2018. – С. 63-73.
22. *Величко А. В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-грамматическая и семантическая характеристика // Вестник Московского университета сер. 9. Филология. – 2012. № 4. – С. 7-24.
23. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском

- языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М.: 1975. – С. 53-87.
24. *Винокурова М. А.* Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке: авт. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 18 с.
25. *Винокурова М. А.* «Возможность» «вероятность» - «предположение»: аспекты смыслообразования // Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. – М., 2007. – С. 268-269.
26. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
27. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 350 с.
28. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: Ком Книга, 2007. – 144 с.
29. *Гладров В.* Модальные слова. К вопросу о частях речи // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: 2009. – С. 239-248.
30. *Гоголина Т. В.* Выражение семантики сомнительности на синтаксическом уровне языка // Язык. Система. Личность. Межвуз. сборник статей. – Екатеринбург, 2003. – С. 120-125.
31. *Горбунова М. В.* К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. № 27. – С. 244–247.
32. *Грепль М.* О сущности модальности // Языкознания в Чехословакии. – М.: 1973. – С.277-301
33. *Глухова. О. П.* Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: авт. дисс. канд. фил. наук, – Кемерово. 2010. – 24 с.
34. *Горбунова М. В.* К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия Пензенского государственного

- педагогического университета имени В. Г. Белинского гуманитарные науки № 27. – 2012. – С. 244-247.
35. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. – 226 с.
36. *Давлетбаева А. Ф., Фатктуллина Ф. Г.* Особенности терминологической номинации категории модальности в китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. – С. 252-257.
37. *Давлетбаева А. Ф.* Репрезентация категории модальности в русском и китайском языках: дисс. канд. филол. наук, – Уфа: 2019. – 236 с.
38. *Данг Тхи Шам.* Употребление форм глагольного наклонения как основной способ выражения модальности в русском языке: С позиции носителя вьетнамского языка: дис. канд. филол. наук, – М.: 2005. – 134с.
39. *Данилова. С. А.* Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – С. 345-349.
40. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 69 с.
41. *Дейк Т. А. ван.* К определению дискурса. – Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
42. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
43. *Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистически теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознание РАН, 1995. – С. 239-320.
44. *Демьянков В. З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.
45. *Дмитровский А. Л.* Жанры журналистики // Учёные записки Орловского государственного университета. № 4 (60). – 2014. – С. 149-158.
46. *Добросклонская Т. Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной

- коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. Серия 10. Журналистика. – 2006. № 2. – С. 20-33.
47. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. – М.: 2020. – 180 с.
48. *Евсюкова Т. В., Карпоян С. М.* Вводные слова как средство выражения эпистемической модальности в интернет-комментарии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012, № 1. – С. 100-104.
49. *Желтухина. М. Р.* Медиадискурс // Дискурс-пи. № 3-4 (24-25). – 2016. – С. 292-296.
50. *Завьялова О. С., Христу М.* Лингводидактическое описание средств авторизации как компонента содержания языковой компетенции (к постановке задачи) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2021, № 2 (36). – С. 135-143.
51. *Засурский Я. Н.* Медиатекст в современных СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005, № 2. – С. 3-6.
52. *Звегинцев, В. А.* Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев; [предисл. В. М. Алпатова]. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 333 с.
53. *Зверева Е. А.* Научная речь и модальность: (Система англ. глагола) / Е. А. Зверева. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. – 158 с.
54. *Зеленищikov А. В.* Пропозиция и модальность. Изд. 2-е, пол. – М.: Либроком, 2010. – 213 с.
55. *Золотова Г. А.* О модальности предложения в русском языке // ФН, – 1962. №1. – С. 65-80.
56. *Зотова А. Б.* К вопросу о соотношении категорий «эмоциональности», «эмотивность», «экспрессивность» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – С. 14-17.
57. *Зотова А. С.* Коммуникативные стратегии в современном медиадискурсе и деривационные способы их реализации // Современные проблемы науки и

- образования. – 2013, № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10767> (дата обращения: 09.11.2021).
58. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Оксана Иссерс. – Омск: изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 385 с.
59. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
60. *Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. № 1 (6). – 2013. – С. 320-334.
61. *Калинина А. А.* Сомнение в системе значений утверждения/отрицания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. – 2010, №3(15). – С. 106-113
62. *Карамова А. А.* Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013, том 10, № 2. – С. 19-23.
63. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
64. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - 4-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 261 с.
65. *Каримова Р. А.* Организация текста/дискурса. Аспекты производства и понимания: монография / под общей редакцией Р. А. Каримовой; Министерство образования и науки РФ, Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – 223 с.
66. *Карпека Д. А.* Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке. – СПб.: Восточный экспресс, 2017. – 385 с.
67. *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, – 2008. – 437 с.
68. *Кашкин, В. Б.* Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
69. *Киреева Е. З.* К вопросу о содержании и границах субъективной модальности

- // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 2. – 2020. – С. 22-27.
70. *Кириллова Н. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – 2012. – С. 26-33.
71. *Клобуков Е. В.* О соотношении речевых действий в современном политическом дискурсе // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. / Сб. статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой / Сост. Н. К. Онипенко – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 331-339.
72. *Кобозева И. М., Захаров В. Л.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Международный семинар «ДИАЛОГ'2004» по компьютерной лингвистике и её приложениям, сбор. докладов. – М.: Наука. – С. 292-287.
73. *Кожмякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. № 12 (83). – 2010. – С. 13-21.
74. *Колшанский Г. В.* К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961 – № 1 – С. 95-98.
75. *Коновалова М. В.* К вопросу о понятиях медиатекста и медиадискурса // Филология: научные исследования. № 3. – 2018. – С. 212-219.
76. *Коньков В. И.* Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры/ Под ред. В. И. Коньков, А. Н. Потсар. – СПб: изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2011. – 399 с.
77. *Космеда Т. А.* Категория оценки и категория модальности: точки соприкосновения и отличия // Вопросы функциональной грамматики: Сборник науч. тр. Вып.4 / Под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно: ГрГУ. 2001. – С. 94-104.
78. *Кохужева З. Г.* Информационно-аналитический дискурс как разновидность медиадискурса // Кросс-культурное пространство литературной и массовой

- коммуникации. Материалы Международной научной конференции. – 2018. – С. 383-386.
79. *Краснова Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
80. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
81. *Кройчик Л. Е.* Принципы публицистического творчества // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 5. – 2014. – С. 130-144.
82. *Кубрякова Е. С.* Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. Мат-лы науч. конференции. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 15–26.
83. *Кукса И. Ю.* Оценочная лексика как компонент субъективной модальности в русской рукописной газете «Вести-Куранты» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Выпуск. 8. – 2015. – С. 5-11.
84. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
85. *Лобанова Т. Н.* Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: структура, характеристики и дискурсивные практики: авт. дисс. докт. филол. наук. Мытищи: 2020. – 50 с.
86. *Лю Хаотун* Авторские средства выражения субъективной модальности в современном информационно – аналитическом медиадискурсе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2022, Т. 8 (74). № 4. – С. 66-72.
87. *Лю Хаотун* Эпистемическая модальность как способ реализации коммуникативной стратегии в современном медиадискурсе // Вестник Марийского государственного университета. – 2023, Т. 17, № 1. – С. 81-88.
88. *Лю Хаотун* Языковые средства выражения эпистемической модальности в современном русском и китайском медиадискурсе // Russian Linguistic Bulletin.

- 2023, № 5 (41). – С. 1-6.
89. *Магдалинская Е. Н.* Экспликативные модальные значения необходимости в русском и польском языках (на материале научных текстов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2011, № 2 (14). – С. 192-196.
90. *Медведева Е. В.* Специфика аудитории видеоблога и её влияние на процесс ретиальной коммуникации // Медиалингвистика. – 2021, Т 8, № 3. – С. 261-272.
91. *Межерицкая М. И.* К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2009, вып. 4. – С. 105-108.
92. *Меликян В. Ю., Меликян А. В.* О фразеологическом статусе коммуникем-сочетаний в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, – 2005, №1. – С. 41-50.
93. *Мирошникова М. Г., Лю Хаотун* Особенности изучения предложений с семантикой сомнения в практике преподавания РКИ (в китайской аудитории) // Сборник материалов 4-ого Международной научно-методической конференции. – Воронеж, 2018. – С. 222-226.
94. *Морева А. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии: дис. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 280 с.
95. *Нагорный И. А.* Смысл "сомнение" и речевая ситуация относительной достоверности как отражение фактора антропоцентризма в концептосферах говорящего и адресата // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. №12. Выпуск 6. – С. 42-48.
96. *Никольская И. Г.* Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. № 118. – С. 197-201.
97. *Никольская И. Г.* Семантика сомнения и её способы выражения в русском языке: авт. дис. канд. филол. наук. – СПб, 2009. – 24 с
98. *Никольская И. Г.* Коммуникемы с семантикой сомнения // Современные

- проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2010. – С. 51-59.
99. *Одинцова И. В.* К проблеме соотношения понятий «Текст» и «Дискурс» в лингвистике и лингводидактике // Вестник Костромского государственного университета. – 2017, № 2. – С. 121-125.
100. *Орехова Е. Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: авт. дис. док. филол. наук. – М.: 2011. – 45 с.
101. *Орлов Г. А.* Современная английская речь. – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.
102. *Падучева Е. В.* Русская корпусная грамматика. <http://rusgram.ru/>.
103. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
104. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. – 2011, № 3. – С. 3-18.
105. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка. – М.: Изд. дом ЯСК, 2018. – 439 с.
106. *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1971. – 230 с.
107. *Пастухова О. Д.* Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Раздел 2 политическая коммуникация. – 2018, 5 (17). – С. 95-100.
108. *Пастухова О. Д.* Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом дискурсе (на материале английского и русского языков): авт. дисс. канд. фил. наук. – Челябинск, 2019. – 24 с.
109. *Попкова Н. А.* Дискурсивные маркеры как когерентнообразующие единицы английского научного политического текста и их передача на русский язык (на примере дискурсивных маркеров, выражающих причинно - следственное отношение в работе Г. Киссинджера «Дипломатия»): дис. на соискание ученой степени магистр. – М.: 2016. – 90 с.

110. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. – 651 с.
111. *Просвиркина И. И.* Субъективная модальность как средство выражения оценочности // Вестник Оренбургского государственного университета. № 6. – 2002. – С. 79-81.
112. *Рамазанова Р. З.* Вводно-модальные слова как средство выражения уверенности в современном русском языке // Филология и культура. – 2020, № 2 (60). С. 77-82.
113. *Ревзима О. Г.* Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66-78.
114. *Редько Г. В., Еремеева А. А.* Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла // Вестник АГУ. Выпуск 4 (207). – 2017. – С. 108-113.
115. *Ржанова С. А.* Коммуникативная стратегия в массмедиа // Вестник Мордовского университета. – 2011, № 1. – С. 173-180.
116. *Рюкова А. Р.* К вопросу о классификации дискурса // Вестник Башкирского университета. – 2016. №1. – С. 115-119.
117. *Сафина А. Р.* Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016, № 9 (63). Ч. 2. – С. 142-145.
118. *Селезнёва Л. В.* К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Том 11. № 5. – 2014. – С. 67-75.
119. *Селезнёва Т. А.* Понятие субъективной и объективной модальности в языке // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – С. 233-234.
120. *Симатова С. А., Науменко С. В.* Проблема разграничения категорий 情态, 语气 и 口气 в современном китайском языке // Гуманитарный вектор. Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016, Том 11, № 3. – С. 111- 119.
121. *Симатова С. А.* Диалогический текст в структурно-динамическом рассмотрении (на материале катаяских конфликтных диалогов): дисс. канд.

- филол. наук. – М.: 2020. – 362с.
122. *Сковородников А. П.* О необходимости разграничения понятий «риторический приём», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика. Лингвистика: сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. – С. 5-12.
123. *Солдатенкова Т., Вергаувен. Р.* К проблеме классификации языковых средств и значений субъективной модальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Серия: лингвистика и международная коммуникация. – 2010. – С. 162-170.
124. *Солганик Г. Я.* О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции МГОПУ. – М., 1999. – С. 364-372.
125. *Солганик Г. Я.* К определению «текст» и «медиа́текст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 2. – 2005. – С. 7-15.
126. *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса. – М.: Флинта, 2010. – 132 с.
127. *Солганик Г. Я.* Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: наука, 2018. – 232с.
128. *Солихов. Ф. Ш.* Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках: авт. дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 2015. – 25 с.
129. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 361 с.
130. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
131. *Тарасенко В. Н.* Структурно-семантические свойства высказываний со значениями сомнения, неуверенности, колебания в современном английском языке: авт. дис. канд. филол. наук. – Пятигорск, 1998. – 16с.

132. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
133. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. № 3. – С. 105-114.
134. *Уварова Е. А.* Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. – 2015. №5. – С. 47-54.
135. *Фаткуллина Ф. Г., Давелетбаева А. Ф.* Терминологический аппарат категории модальности // Мир науки, культуры, образования. – 2020. № 2 (81). – С. 546-548.
136. *Харрис З.* Дискурсивный анализ // Лингвистика. – 1952. В. 28. № 1. – С. 1-30.
137. *Хурматуллин А. К.* Понятие дискурса в современной лингвистике // Учёные записки казанского государственного университета. – 2009. Том 151, кн. 6. – С. 31-37.
138. *Чернявская В. Е.* От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и Дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230-232.
139. *Шатира А. Б.* Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Филологические науки. – 1958. № 4. – С. 20-25.
140. *Шевелевский И. М.* Информационно - аналитические тексты в деловом медиадискурсе (на материале онлайн-версий российских СМИ): авт. дис. канд. филол. наук. – Тверь, 2015. – 23 с.
141. *Шилова В. А., Угринович Д. А.* Классификации коммуникативных стратегий в процессе реализации управлен
142. *Ширяева О. В.* Семантические и прагматические аспекты информационно - аналитического медиадискурса // Известия вузов. Северо-кавказский регион. – 2012. №4. – С. 96-98.
143. *Ширяева О. В.* Дискурсивные слова как репрезентанты субъективной модальности в жанре аналитической статьи // Известия Южного федерального

- университета. Филологические науки. № 3. – 2013. – С. 145-152.
144. *Ширяева О. В.* Информационно - аналитический медиадискурс деловой прессы: когнитивно-коммуникативный анализ // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. № 11-12. – 2014. – С. 79-81.
145. *Ширяева О. В.* Информационно - аналитический медиадискурс: прагмасемантический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале российской деловой прессы): дисс. докт. фил. наук. – Майкоп, 2015. – 551 с.
146. *Шпор. Е. А.* Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. – 2013. – С. 109-113.
147. *Якубинский Л. П.* Язык и его функционирование: Изр. Работы. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
148. *Lakoff, G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / *G. Lakoff* // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973, № 2. – P. 458-508. Лакофф Дж. Хеджи: Исследование критериев значения и логики нечётких понятий // *Журнал философской логики*. – 1973, № 2. – С. 458-508.
149. *Palmer, F. R.* Mood and Modality. – Cambridge: University Press, 2001. – 236 p. Палмер Ф. Р. Наклонение и модальность. – Кембридж: Изд. Университет, 2001. – 236 с.
150. *崔希亮.* 事件情态和汉语的表态系统 // *中国语文杂志*. 北京: 商务印书馆, 2003. 第 331-347 页. Цуй Силян. Модальность события и система выражения модальности // *Журнал «Китайский язык и китайская литература»* – Пекин: «Коммерческое из-во», 2003 – С. 331-347.
151. *贺阳.* 试论汉语书面语的语气系统 // *中国人民大学学报*. 1993. 第 38 卷 第 2 期. 第 59-66 页. Хэ Ян. О системе модальности в письменной речи китайского языка // *Вестник Китайского народного университета*. – 1993. № 2, Т. 38 – С. 59-66.
152. *孔 箴.* 现代汉语插入语简析. 四川:四川师范大学硕士学位论文. 2008. 54 页.

- Кун Чжэн. Краткое описание вводных слов в современном китайском языке: дис. канд. филол. наук. – Сычуаньский педагогический университет, 2008. – 54с.
153. 鲁 川. 语言的主观信息和汉语的情态标记 // 中国语文杂志社编. 北京: 商务印书馆, 2003. 第 317-330 页. Лу Чуань. Модусный компонент языка и маркеры модальности в китайском языке // Журнал «Китайский язык и китайская литература» – Пекин: «Коммерческое из-во», 2003 – С. 317-330.
154. 彭利贞. 现代汉语情态研究. 上海: 复旦大学博士学位论文. 2005. 259 页. Пэн Личжэнь. О категории модальности в современном китайском языке: дис. докт. филол. наук. – Фуданьский университет, 2005. – 259с.
155. 彭利贞. 现代汉语情态研究. 北京: 中国社会科学出版社. 2007. 472 页. Пэн Личжэнь. О категории модальности в современном китайском языке. – Пекин: Изд. «Китайская социальная научная пресса». 2007. – 472с.
156. 齐沪扬. 语气词与语气系统. 合肥: 安徽教育出版社, 2002. 323 页. Ци Хуян. Частица и модальная система. – Хэфэй: Изд. Издательство Аньхойское образование, 2002. – 323 с.
157. 税昌锡. 情态: 定义、特征与表达手段 // 浙江科技学院学报. 2018. 第 30 卷第 4 期. 第 276-288 页. Шуй Чанси. Модальность: определение, характеристики и способы выражения // Вестник Чжэцзянского Научно-Технического университета – 2018. № 4, Т. 30. – С.276-288.
158. 王 力. 中国语法理论. 台北: 蓝灯出版社. 1987. 374 页. Ван Ли. Теоретическая грамматика китайского языка. – Тайбэй: Изд. «Голубой свет». – С. 1987-374.
159. 温锁林. 现代汉语语用平面研究. 北京: 北京图书馆出版社. 2001. 276 页. Вэнь Суолин. Современный китайский язык в прагмалингвистическом аспекте. – Пекин: Изд. «Издательство Пекинская библиотека». 2001. – 276с.
160. 温锁林. 汉语中的语气与情态 // 《南开语言学刊》. 2013 年第 2 期. 第 21-29 页. Вэнь Суолин. Категория наклонения и модальности в китайском языке // Нанкайский лингвистический журнал – 2013. № 2. – С. 21-29.

161. 杨 曙, 李妹惠. 汉语情态研究述评: 回顾、反思、趋势 // 北京科技大学学报. 2022. 第 38 卷 第 2 期. 第 179-184 页. Ян Шу, Ли Мэйхуэй. Обзор исследования модальности в китайском языке: история, переосмысление, перспектива // Вестник Пекинского научно-технического университета. – 2022. № 2, Т. 38. – С.179-184.
162. 张秀松. 语言类型学视角的汉语情态研究现状与展望 // 云南师范大学学报. 2020. 第 18 卷第 1 期. 第 44-56 页. Чжан Сюсун. Обстановка и перспектива исследования модальности в китайском языке: с точки зрения лингвистической типологии // Вестник Юньнаньского педагогического университета – 2020. №1, Т. 18. – С. 44-56.
163. 张云秋, 林秀琴. 情态副词的功能地位 // 首都师范大学学报. 2017. 第 3 期. 第 120-124 页. Чжан Юньцю, Линь Сюцинь. Функции и место модального наречия // Вестник Столичного педагогического университета. – 2017. № 3. – С. 120-124.

Материал для анализа:

1. Газета «Коммерсантъ»:
<https://www.kommersant.ru/>.
2. Подкаст «Розенталь и Гильденстерн»:
<https://tehnikarechi.studio/podcasts/rozentall-i-gildenstern>.
3. Videоблог «А поговорить?»:
<https://m.youtube.com/channel/UCp2J7GRxQ36QLqW4ReLLt5g>.
4. 《环球时报 ‘Глобал таймс’》:
<https://www.huanqiu.com/>.
5. 《圆桌派 ‘Встреча за круглым столом’》:
https://v.youku.com/v_show/id_XNTE5ODA4MTYzMg==.html.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Большой академический словарь русского языка* / ред. Л. И. Балахонова. – М.: Наука; – СПб.: Наука, 2004. т. 7: И - Каюр. т. 7. 2007. – 728 с.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *Краткая русская грамматика* / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина; Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.: Рус. яз., 1989. – 639 с.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* / под ред. Л. Р. Дускаевой; редколл.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 440 с.
6. *Русская грамматика* / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. – 714 с.
7. *Русская философия: Словарь* / Под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Р89 Республика, 1995. – 655 с.
8. *Синтаксический фразеологический словарь русского языка* // В. Ю. Меликян. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 400 с.
9. *Словарь иностранных слов современного русского языка*. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
10. *Словарь лингвистических терминов* / Жеребило Т. В. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
11. *Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1996. – 607 с.
12. *Словарь русского языка*. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
13. *Словарь современной лексики, жаргона и сленга*, 2014. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-212.htm#zag-5476>
14. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*

- / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
15. *Учебный фразеологический словарь* / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М.: АСТ, 1997. – 304 с.
16. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
17. *Фразеологический словарь современного литературного русского языка* / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
18. *大俄汉词典(修订版)* / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编. – 北京: 商务印书馆. 2001. 2857 页. Большой русско-китайский словарь (издание пересмотренное и дополненное) / Институт лексикографии исследовательского центра русского языка и литературы Хэйлуцзянского университета. – Пекин: Коммерческое из-во, 2001. – 2857 с.
19. *现代汉语词典* / 中国社会科学院语言研究所. – 北京: 商务印书馆, 2012 年 . 1789 页 . / Словарь современного китайского языка / Институт языков АОН КНР. – Пекин: Коммерческое из-во, 2012. – 1789 с.